

ВАЙНАХ

Литературно-художественный журнал

1. 2022

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство
Чеченской Республики
по национальной политике,
внешним связям, печати и
информации

Адрес учредителя: 364060,
г. Грозный, бульвар С. Дудаева, 8,
Дом Радио

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной
службы по надзору в сфере свя-
зи, информационных технологи-
й и массовых коммуникаций
по Чеченской Республике 05
февраля 2014 г. Регистрацион-
ное свидетельство
ПИ № ТУ 20-00089

Журнал выходит с 1991 г.

Директор
ГАУ «Издательский дом»

**Сулиман
Мовлаевич Мусаев**

Главный редактор
**Сулиман
Мовлаевич Мусаев**

Редколлегия:

**М. Ахмадов
М. Магомадов**

**З. Алиева
С. Алиев**

**Л. Довлеткиреева
Р. Межиева
А. Умарова**

Адрес редакции/издателя: 364024
г. Грозный, ул. Н. Назарбаева, 92

Тел.: 8 965-959-56-81
E-mail:

izdatelskiy_dom2019@mail.ru
Сайт: <http://www.izdat-dom.ru>

Журнал выходит один раз
в квартал. 16+

izdat_dom_chr

izdat_dom_chr

izdat_dom_chr

izdatdomchr

izdat_dom_chr95

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРОЗА

- Хавас АКБИЕВ.
Неоконченная повесть. Повесть. Продолжение. 10
Муса БЕКСУЛТАНОВ.
Бухта «Крест». Рассказ. 40
ИСА ЗАКРИЕВ.
Душа моего дома. Рассказы. 62

ПОЭЗИЯ

- Асламбек ТУГУЗОВ
Песнь Девшиша. Стихи. 19
Азман ДЖАБРАИЛОВА. Легенда о любви, или
«Домик красавицы». Поэма. 58

ПАМЯТЬ

- Гелани ИНДЕРБАЕВ.
Выселение. (Глава из книги). 25

ДЕБЮТ

- Адам УЗУЕВ.
Вдохновенные надежды. Стихи. 75

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

- Марета ТАМБИЕВА.
Прошел еще один спокойный день... Стихи. 78

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Саламбек АЛИЕВ.
Ночные песни пленника пламенных звезд. 82

ИСТОРИЯ

- Халим БУРЧАЕВ,
Руслан (Султан) БУРЧАЕВ.
Борьба горцев Чечни против Деникина
(отрывок из неопубликованной книги). 93

ПУБЛИЦИСТИКА

- Мансур МАГОМАДОВ.
Социальная и религиозно-философская
мысль Чечни в начале XX века. *Окончание* 102

- СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ..... 112

Хавас Акбиев

Неоконченная повесть

(Продолжение. Начало в № 2-4 (2021))

Я знал, что преподаватели алгебры, физики и других точных наук меня просто терпели. Рука, видно, не поднималась ставить «неуд» школьному поэту, исполнителю лирических песен да еще редактору «Зоркого глаза»... Для них, уверенных в том, что «Пифагоровы штаны во все стороны равны», а Менделеев открыл свои основные химические элементы во сне, я был вполне сносным «троечником». И оценка эта, по мнению иных, очень твердая, почти «четверка».

Не в моем характере было получить аттестат «среднячка». Решил после первого полугодия одиннадцатого класса сменить школу вопреки воле завуча. Груба не хотел отпускать меня. Даже вызвал к себе моего дядю Турко, секретаря Гудермесского производственного комитета комсомола, чтобы он уговорил меня остаться в школе. Я настоял на своем. Работая старшим пионервожатым, окончил в родном селе вечернюю школу почти на «отлично», четверки были только по алгебре, физике и черчению. Знания, полученные в 116-ой, оказались крепкими, они-то и помогли выдержать экзамены в вуз, преодолев конкурсы. В день полувекового юбилея школы я был почетным ее гостем. По школьному радиоузлу звучали строки только что написанного стихотворения:

С днем рожденья, школа, с днем рожденья!
 Пять десятков – возраст молодой.
 С трепетом вхожу в твои владенья,
 Чтобы снова свидеться с тобой.
 Дождь ли, снег, всю ли светит солнце –
 Ты мила мне, ласков твой порог.
 И смотрю, смотрю в твои оконца,
 Испытав премудрости дорог...

В те годы без двухгодичной школьной производственной практики к вступительным экзаменам в институты не допускали. Две мои пробы «на авось» не имели успеха. Что делать?

Работать и готовиться к экзаменам. Дорабатывать стаж к своим колхозным трудовням. В Майртупской начальной школе нашлось место учителя. За мной закрепили второй класс из 12 девочек. Все школьного возраста, кроме одной,

значительно старшей и повадками раннего взросления. Девочки прилежные. Особой старательностью отличалась Седа, дочь глухонемых родителей. Ее отец объяснялся со мной языком жестов. Было видно, что он рад за смышленную дочь. Переросток Зарка брала под свою опеку младшеньких. Я мог доверить ей класс в минуты своего отсутствия. Бунтовавшая в родном доме против мачехи, она считала школу своей, относилась к девочкам не иначе, как к сестричкам.

Захватив с собой учебники, домашний сыр, лепешку и зелень, пробирался по течению Искирга подальше от сельского шума. В тени, на зеленой лужайке, в прекрасном растворялось прекрасное. Пели на разные голоса птицы, перекликались горлинки, считали года кукушки, особенно переливались жаворонки, мелькали легкокрылые бабочки. Здесь можно было увидеть змейку, блеснувшую стрелкой по речной струйке, ящерку, взобравшуюся погреться на прибрежный куст терновника, смотрящую вылупленными глазами то ли на тебя, то ли еще на кого-то.

Иногда мы приходили сюда с другом. Подвешивали гамак на лесную грушу, полусидя на нем, писали «шпоры» (шпаргалки), хотя понимали, что они не пригодятся, воспользоваться ими будет почти невозможно. Но записывали основные мысли и исторические даты, и они хорошо запоминались.

В Шалинском райкоме комсомола работали секретарями Эди Исаев и Илья Альперин. Они-то и заманили меня в ТОМ (творческое объединение молодых). Оба дополняли друг друга личным примером, а именно, искренностью, принципиальностью, убежденностью, уважительным отношением к молодежи. Их идеалам подросток мог отдаться со свойственным его возрасту воодушевлением и увлечением. Они дали путевку в жизнь многим юным талантам.

Работа эта продолжилась и тогда, когда их перевели в Гудермесский горком комсомола. Они и меня позвали за собой. Эди Исаев выдал мне удостоверение члена ТОМа за номером «1». По рекомендации его и Альперина я устроился старшим пионервожатым в Комсомольскую 8-летнюю школу.

В пионерской комнате на столе с красным покрывалом – горн и барабан с палочками. За столом напротив меня сидит мужчина с поредевшей шевелюрой и седеющими висками. Резкими кивками головы он отбрасывает назад набегающие на глаза волосы. Лицо его еще не старое, кое-где обозначившиеся морщинки как-то даже молодят его. Два передних зуба под верхней губой в коронках из белого металла. В глазах улыбка – не то доброжелательная, не то язвительная.

– Вы у нас новый человек, – говорит он и без всяких обиняков добавляет: – Попрошу вас попристутствовать на моем уроке истории в шестом классе. Дети не слушаются, доводят до белого каления.

– Хорошо, Петр Александрович...

Не дав мне договорить, он понес какую-то ахиною:

– Меня вчера преследовали по пути домой люди в масках. Когда оторвался от них на велосипеде, стреляли из мелкокалиберной винтовки, пули просвистели мимо ушей.

Не вполне осознавая тяжести его положения, я последовал за ним. В классе ребята сидели смиренно, никто за партой не проявлял признаков непослушания. Петр Александрович рассказывал увлеченно. В его ум с задатками шизофрении с завидной легкостью вмещались исторические события и даты. И он оперировал ими с самозабвением, увязывая события столетней давности с менее поздними. Как ученик усваивал материал, его, по всей вероятности, не интересовала. Петр Александрович часами мог говорить о педагогике – науке о воспитании, утверждая:

– Проблемы воспитания обсуждаются на страницах газет и журналов, в театральных постановках, в произведениях художественной литературы. Общество, лишенное воспитания, станет топтаться на месте, теряя приобретенный ранее опыт. Не зря В. И. Ленин говорил, что воспитание – это общая и вечная категория. Обществу оно присуще с момента его возникновения, общество не может быть без воспитания. Оно, это общество, тогда перестает жить и развиваться, накапливать опыт. Воспитание может все!

Не доведя основную мысль до конца, он ни с того ни с сего переходил на другую тему, вмещая в нее разные стихотворные строчки типа: «Когда волнуется желтеющая нива и свежий лес шумит при звуке ветерка». Его воспаленный мозг вмещал в себя самую разнообразную информацию: и нужную, и ненужную. Она не особо смысленных изумляла, восхищала даже. При этом его постоянно караулил страх преследования: вот-вот на него нападут из-за угла, за ним охотятся инопланетяне... Под вечер за ним приезжала на велосипеде миловидная жена. Оба на велосипедах возвращались в Гудермес. Позади обязательно должна была следовать жена в качестве прикрытия.

У меня был небольшой опыт работы с пионерами, приобретенный в родном селе. Эди Исаев наставил развить его, обогатить нововведением, взяться за дело с душой.

– Работа старшего вожатого сложна, многообразна, успех ее зависит от умения опираться на пионерский актив, хорошего делового контакта с педагогическим коллективом школы, – напутствовал Исаев. – Тесная связь с родителями, общественностью села также поможет в воспитании подрастающей смены комсомола. Так что твори, выдумывай, пробуй!

Чтобы облегчить себе первые шаги в новой школе, я обратился за поддержкой к учителям-предметникам, классным руководителям. Именно от них узнал, что под силу детям, как лучше распределить поручения между пионерскими звеньями и отрядами. Они подсказали мне, как наладить работу с юными ленинцами с учетом их способностей и деловых качеств. С помощью учителей расширил свой кругозор по организации вечеров, конкурсов, познавательных игр, художественной самодеятельности. Нашел способ, как увлечь пионеров идеей «Клуба юных друзей природы», «Клуба интересных встреч», «Алло, мы ищем таланты!», идеей походов, игр на местности.

В пионерской комнате вывесил плакаты пионерской организации, имеющей определенную структуру: звено, отряд, дружина. Здесь же установил стенд «Пионеры – руководители и организаторы октябрят» – о 7-8 летних ребятах, последователях ровесников Октябрьской революции. Вступая в пионеры, они клянутся горячо любить Родину, жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит коммунистическая партия, всегда выполнять законы пионеров Советского Союза. Старшие ребята принимают их в пионеры, напутствуя: «Как повяжешь галстук, береги его, он ведь с нашим знаменем цвета одного».

В комнате также есть памятка по организации работы: пионеры равняются на коммунистов и комсомольцев; отряды учатся по совести; сила отряда в дружбе; каждому отряду дело по душе; отряд действует всегда – в будни и праздники; юных ленинцев отряд – октябрятам старший брат; отряд не ждет подсказок, во всем проявляет выдержку.

Большая дружба установилась у нас с ветеранами Великой Отечественной войны, родителями, передовиками сельского хозяйства – механизаторами, животноводами, полеводами, садоводами. Ребятам сближали экскурсии, прогулки по берегам Терека, походы с кострами.

Снег падал всю ночь большими хлопьями, накрывая город, скверы и парки белой пеленой. Белоснежье овладело полями, прудами, водоводами.

На дорогах, занесенных искристым снегом, исчезли бордюры, кюветы сравнялись с проезжей частью. На полевой дороге в стороне от грейдерной, по которой, сокращая путь, ходят учителя в школу, доярки и скотники на МТФ, снег уже уплотнен, можно идти, без опаски оказаться в сугробе.

Неподалеку, на огромной поляне, освобожденной от зарослей дикорастущего кустарника, снуют большегрузные машины, бульдозеры, экскаваторы, подъемные краны. На глазах растут корпуса из стали, железобетона, красного и белого кирпича. Этот уникальный архитектурный ансамбль представляет собой объект здравоохранения, который с вводом в строй назовут горбольницей №2.

Захожу в прорабскую в качестве представителя газеты. За главного здесь брат Дакка. Он с рассвета на стройплощадке и уйдет отсюда к концу второй смены. Настойчиво добивается стабильности в работе строителей, старается уделить больше внимания совершенствованию деятельности всех служб.

– Кадры решают все, – сказал он. – У нас в управлении свои мастера, механизаторы, электрики, монтажники, штукатуры, маляры. Решаем все вопросы своими силами, обходимся без «варягов» со стороны. А потому бьем и качеством, и количеством вводимых в строй объектов.

Рядом с прорабским вагончиком выгодно выделяется среди собратьев двухэтажное здание, сияя свежей побелкой и краской. Это административный корпус. Кажется, что все в ажуре, но при ближайшем рассмотрении это «сияние» несколько меркнет, в чем убеждается и сам прораб.

– Краска местами осыпается, лущится, образуя проплешины, – делает он замечание бригадиру. – В чем дело?

И тут же добавляет:

– А дело в том, что отделочники нанесли краску на сырую штукатурку, спеша закрыть наряд.

– Уложимся в сроки, проведем вторую покраску. Пол покроем линолеумом, заделаем отверстия под вентиляцию... осталось чуть-чуть, – с оптимизмом заявил бригадир.

– А что же раньше? Перечень этих «чуть-чуть» не перечить, картина получается безотрадная.

– Нас «вентиляционники» подвели, – оправдываются бригадир с мастером. – Плюс ко всему, смежники не подготовили ко времени вентшахту, не выделили нужных специалистов.

– Причина дополнительных работ, повышения себестоимости кроется в несогласованности действий, – говорит брат. – Надо устранить путаницу обязанностей строителей и субподрядчиков.

Он тут же составил перечень замечаний к отделочникам из десяти пунктов. Началась ликвидация огрехов с упором на качество, дополняемая взрывами рядом на стройплощадке.

– Это так называемый гидровзрывной способ, – поясняет брат. – Большая часть площади, отведенной под застройку, сложена присадочными грунтами, которые относятся к семибальной и восьмибальной зоне сейсмичности. Из-за подъема грунтовых вод может произойти деформация сооружений. Следовательно, надо уплотнить грунт с использованием энергии глубинных взрывов.

Я слушал Дакку, делая наброски в записной книжке для будущего репортажа, который вскоре опубликовал. В нем отразил, что применение гидровзрыва полностью устраняет просадочные свойства грунта на всю глубину толщи и обеспечивает безаварийную эксплуатацию зданий.

Деловой разговор в прорабской брат дополнил сказанием о Хагале, о том, что бытует легенда, лирическая, мужественная, как звуки струн чеченского дечиг-пондара:

«Солнце плавленным золотом разлилось окрест. Пытаясь удержать последние капельки влаги, листья деревьев свернулись трубочкой. Бледные былинки бьют иссохшей грудью землю. Нет воды...»

Долго шел чеченец Хагал. Шел с поля брани. Много ран на его теле оставили лютые враги. Победителем шел Хагал. День идет, два идет. Вот уж и ноги подкашиваются, присел отдохнуть. Снова поднялся, взбодренный трелью жаворонка. Словно ручеек, журчала птица с огненных высот.

О солнце! Скройся на мгновение за тучкой. Дай передохнуть отважному джигиту. Но солнце выжгло все небо. Тучи выкипели в небесном котле.

Не выдержал зноя жаворонок. Упал к ногам Хагала. Прикрыл Хагал тельце птицы собственной тенью. Ожил жаворонок. А человек умер.

С тех пор впадины, оставленные телом человека, называют «Хагаловыми». А хагал по-чеченски – жажда. С тех пор не покидает жаворонок эти места. Говорят, он оборонил семь слезинок – на каждую впадину по одной. И еще говорят, что каждая слезинка должна стать озером».

– Вот и мы стремимся к тому, чтобы жаворонок не покидал наши места. Оживить все вокруг, из каждого заложенного камня строить новое здание,

а все, что мы делаем, не вылилось в неоправданный «форсаж», срыв графика работ не влек за собой стыдливое «закрывание глаза» на качество. За нами идут водопроводчики, каждая «Хагалова впадина», оброненная слезой жаворонка, становится животворным озером. Читал в газете твои стихи, на них и музыку пишут. Пусть слово твое, словно ручеек, прожурчит трелью жаворонка с голубых высот. Это и трудно, и славно – найти нужную строку. Ведь как сказал поэт:

Поэзия – вся! – езда в незнакомое.
Поэзия – та же добыча радия.
В грамм добыча,
в год труды.

Изводишь,
единого слова ради,
тысячи тонн
словесной руды.

Брат. Как все-таки назвать его нынешнего? Гордым? Страстным? Станным? Руководителя с командирским голосом, умеющим любить и жить на пределе? Умником? Романтиком?

И тем, и этим!

Высокий, черноволосый, с джентльменскими усами, он часто появлялся на площадке в форме студента стройотряда. А по выходным дням он – пижон в черных очках, в черном костюме и черных туфлях. Со всем этим сходил его эlegantный шик белоснежных рубашек и золотых запонок в накрахмаленных манжетах.

Первым среди своих сверстников приобрел автомашину «Волга М-21», затем «ГАЗ-24», менял «Жигули» улучшенных моделей. Его и с высоких должностей снимали, и из партии исключали, и из института отчисляли. И по заслугам, и по наветам.

Мне трудно приходилось с ним. Зная, что он во многом не виноват, закидал обращениями парткомиссию, написал заявление на имя XXIV съезда КПСС. И только после письма лично к Л. И. Брежневу его вызвали в Кремль и восстановили в партии со «строгачом». Успешно окончил стройфак КБГУ. И строил, дарил людям ключи от счастья. И никому не прощал обиды. По заслугам воздал угонщикам своего автомобиля, найдя ее изуродованной в чабанских степях Буденновска. Они не только оплатили стоимость легковушки, но и понесли наказание по уголовному законодательству.

Любвеобильный и любимый, он легко сходил с женщинами и так же бесшабашно расставался с ними. Первая жена подарила ему дочь Амину. Второй и третий браки оказались неудачными. Женился еще дважды, оставил после себя пять дочерей и двух сыновей – Шахадат, Алет, Мадину, Петимат, Хаву, Рому и Магомеда. Их воспитали мои прекрасные снохи Айна и Милана. У детей растут свои дети. Жизнь продолжается, она интересна в поколениях.

Моя двухгодичная практика подходила к концу. Наступало пионерское лето. Заканчивалось время моей пионерской романтики, которое давало пищу воображению, будило мечту, радовали события школьных будней: прием в пионеры, почетный караул у красного знамени, присвоение отряду имени героя, торжественная линейка, костер в лесу... Время дышало ребячьей инициативой.

Честное пионерское!

Из столицы Северной Осетии Орджоникидзе пришло сообщение о допуске меня к вступительным экзаменам во Всесоюзный юридический заочный институт – ВЮЗИ.

Надо ехать. Если надо, значит надо!

Час езды на такси от Грозненского межгородского автовокзала – и ты в Орджоникидзевском автопарке, мерцающем стеклянной плиткой. Центр столицы открывается широким проспектом с бульваром, обсаженным липами, кленами, сиренью, ивами, елями. Под сенью деревьев много отдыхающих. Слышится разноголосая речь на русском, осетинском, грузинском, ингушском, чеченском языках. На скамейках старики играют в шашки, шахматы, нарды... Их не разгоняет даже дождь. Игральные доски накрываются газетами, ими же покрывают головы. Дождь теплый, летний, солнечный. Вот-вот пройдет, и снова заиграют в лужицах солнечные зайчики. Внезапная тучка над головой, грибной дождик – здесь обычное явление. Чистый город с кукушкиным «куку», заливаются горлинки, поют жаворонки...

По нарядному проспекту проносятся легковушки, по рельсовой стали, позванивая, движутся трамваи. Большая широкая и прямая улица упирается прямо в широкоформатный кинотеатр «Октябрь» – архитектурный ансамбль света, стекла, мрамора. По сторонам улицы высятся уютные дома, украшенные кирпичным орнаментом. Не наглядеться на великолепный комплекс: гостиницы «Интурист», «Терек», рестораны, магазины, многочисленные диетические и обычные кафе.

Рядом с кинотеатром находится красивейший Центральный парк культуры и отдыха имени Коста Хетагурова. По просекам, очищенным от кустарников, важно прогуливаются павлины в нарядных оперениях. По парковым дорожкам расхаживают молоденькие цыганки в разноцветных платьях в пол и просят «позолотить ручку». Здесь же ресторан с открытой летней площадкой со столами под зонтиками. Выполняется любой заказ на любой вкус. Хочешь чанах, пожалуйста. Чахохбили, олибах, хинкали, «цыплята-табака» с водой в блюде для полоскания пальцев, бокал вина – тоже на здоровье.

По краю ЦПКиО протекает Терек. Он здесь не «дик и злобен», а плавно катит свои воды вдоль каменных плит. Прибрежная флора реки, береговой ее гранит удивляют своей красотой. Кругом море вековых деревьев, над которыми каждый вечер лучезарно сгорает солнце и зажигаются звезды в прозрачной, родниковой тишине. На левом берегу Терека строится церковь. В саду играет духовой оркестр...

Мы с Дэном идем по теплой улочке в Горский сельхозинститут. Корпуса светлые, с огромными окнами и голубыми стенами. Хорошо заниматься в просторных аудиториях. «Альма матер» жизнерадостная и красивая, готовит агрономов, ученых, инженеров, механиков, зоотехников, ветеринаров, экономистов... Дэн подал сюда документы для сдачи вступительных экзаменов.

В нашем распоряжении пока УКП – учебно-консультационный пункт с московскими профессорами и местными светилами. Университет еще строится.

Дэн уверен, что выдержит испытание, я не очень. Квотируемся у доброй старушки Анны Фоминичны по сиреневому переулку имени Ломоносова, готовимся к экзаменам с правом одного часа на личную жизнь. Когда наскучит, выезжаем за город на водную станцию. Сюда ходит трамвай по просеке, разорвавшей надвое лес. В раздвинутые оконные створки заглядывает бор. Протяни руку, и она потонет в сочной листве, омытой утренней росой.

Первое, что видишь на конечной остановке – это раздолье воды, в которой потонули голубое небо и деревья с раскидистыми кронами. Над голубой гладью и плакучими ивами всюду светит солнце. Море воды, море света.

В роще можно уединиться, раскрыть книгу...

Возвращаемся в свой уют с последним трамваем. В комнатке Анны Фоминичны и Маши, абитуриентки техникума, свет уже погашен. Стараемся не шуметь, быстрее предаться морфею. Завтра экзамен. Что день грядущий нам готовит?

Для меня он выдался удачным. Написал безукоризненно сочинение по русскому языку и литературе. Успешными были затем и другие приемные испытания. Среди лучших абитуриентов выдержал конкурсный экзамен (15 человек на место!), обойдя медалистов и льготников – военных.

Дэн тоже поступил на агрофак института. Но с третьего курса он покинет вуз и подастся на заработки, чтобы помочь престарелым родителям.

Экзамены сданы. Подойдут установочные лекции, настанет время сессий и семинарских занятий. Пока же я свободен, как вольный ветер. С каждым днем все больше и больше осознаю, что такое деревенское счастье. Могу погрузиться в детство, ходить в ночное, в лесу объедаться земляникой, ежевикой, дичками яблоч, затеряться в зарослях (всего здесь много!) винограда, крыжовника, боярышника, пить родниковую воду, наловить в речке пескарей, наглядеться на все, что радует, поет, как ласточка, в моем сердце. Могу съесть простой чурек, домашнюю лапшу, приготовленную на молоке, вымазаться печеной жареной кукурузой, пробежаться по лугу, пахнущему свежим сеном, втайне, у самой сторожевой вышки, стащить арбуз или дыню, от чего, уверен, бахча не оскудеет. И слушать, слушать сельские напевы, колокольчиковый смех девушек, устроивших вечеринку по очистке кукурузных початков.

Мне нравится одна из них – голубоглазая и светловолосая Дана. Когда наши взгляды встречаются, ее прелестные лицо вспыхивает, как маков цвет, а тонкие, бархатные ресницы трепещут над голубизной широко раскрытых глаз.

В ней все от Бога, она создана, чтобы ею любоваться. Смотрю на нее необыкновенную, и хочется жить. Она еще подросток. Ей, пугливой и очаровательной, предстоит еще более расцвести, дожидаться своего принца на белом коне...

Кстати, о конях. С ними мы, сельские мальчишки, связаны с детских лет. Почти каждом дворе имелась своя лошадь. Хозяева позволяли нам водить их на водопой, купать. Высшим блаженством было для нас ходить в ночное. Выпасали лошадей на лугу вблизи водоема. Чтобы они не разбрелись, связывали им передние ноги путами. В одну лунную ночь взяли с собой и Юру из города. Дядя усадил его на своего вороного, дал даже свою одностволку, проявив тем самым благосклонность к гостю.

Ночь. Дышится легко и свободно. Лунный свет окутал близлежащие холмы, опушку леса, засеребрил воду в тихоструйной речке. Стреноженные лошади мерно пасутся на лугу. Неподалеку в пшеничном поле слышится перепелиное «спать пора, спать пора». Раздается уханье филина, который выглядывает из своего укрытия полевку, стонет выпь, жалуется о чем-то своем. Крякнула утка в прибрежных камышах. Юра выстрелил на звук. Дробь кучно ударила в водоросли, подняв легкие струйки воды, качнув в синеватой тине луну. Все стихло, но только на мгновение. Эхо выстрела растаяло в таинственной синеве, и снова зазвучали голоса ночных птиц, застрекотали кузнечики, в лозняке зажгли свои огни светляки...

Мы соорудили шалаш из веток бука, лапчатых листьев репейника, натаскали туда сухой травы, разожгли костер, назначили хранителя огня... и:

Из мешка бери картошку
И питайся понемножку.
Можешь есть ее вареной
И в мундире запеченной...

Хрустит на зубах поджаристая корочка, горячие, рассыпчатые комочки тают во рту... вкуснятина-а!

Вольно в нашем кругу шуткам-прибауткам, рассказам из прочитанных книг, увиденных фильмов.

Притчи о похождениях Моллы Насреддина любит рассказывать Илес. Он складно говорит о том, как Насреддин обрадовался, найдя ослиную подкову. Ему бы найти еще три подковы и одного осла, не ходить бы ему пешком.

У вернувшегося с охоты Насреддина соседи поинтересовались, сколько он настрелял зайцев. «О, друзья мои! – ответил он. – В одного я стрелял, в другого промахнулся, третьего видел, но очень далеко. Если бы я убил еще семь штук, тогда было бы десять».

– А наш Зага майртупский чем хуже Моллы? – спросил Бек, мальчишка-

сорвиголова с веснушками не только на пухлых щечках, но и на носу. Он и шутник, и балагур, и всеобщий любимчик. И стали наперебой вспоминать шутки и выходки Заги.

Как-то полеводы избрали Загу своим бригадиром. В первый же день коллективный выдвигенец снарядил несколько воловьих упряжек в лес по дрова... для себя.

– Это же наказуемо. Что ты сделал? – возмутились колхозники.

– Когда меня снимут с этой должности, кто мне дрова привезет?

К Заге пришел друг с непочатой пачкой болгарских сигарет «Шипка». Зага закуривал сигарету за сигаретой и, сделав пару затяжек, бросал длинные окурки под кровать. Когда друг ушел, заглянул под кровать и ахнул:

– О несчастный я! Каждый окурочок скукожился как шелковичный червь!

Зага не знал, что они догорают дотла в отличие от окурков сигарет отечественных марок.

Неунывающий весельчак Зага, способный к юмору и самоиронии, не обременял себя тяжким трудом. Был и колхозным сторожем, и объездчиком, пробовал себя на разных участках, но нигде не сгодился. Охраняет, скажем, Зага кукурузное поле, в знойный полдень его из шалаша и калачом не выманить. И скоту тогда корм, в кукурузнике и мальчишки могут потаскать початки. Не состоялся он и пасечником. Вывезли колхозные ульи на медоносные луга под его ответственность. Пока он спал, пчелы разлетелись, ульи опустели. Ни меда, ни пчел!

Председатель колхоза обвинил Загу в гибели пасеки, накричал на него. А Зага невозмутимо: «Председатель, если ты промолчишь, об этом факте никто не узнает. Была пасека и нет ее».

Однажды жена Заги пошла на базар и потеряла там кошелек с деньгами. Вернулась домой вся в слезах: «О горе мне! Несчастливая я!»

Узнав, в чем дело, Зага расстегнул на рубашке «сталинке» нагрудные карманы и сказал: «Отныне деньги ты увидишь лишь тогда, когда я буду переключивать их из одного кармана в другой».

Теща рассердилась на Загу: хозяйства у него никакого, зять он никудышный. Забрала дочь, а заодно прихватила и последний мешочек кукурузного зерна.

– А Зага? – произнес он, вскинув руки.

В холодной избе он остался один-одинешенек. И некому было утешить бедного переселенца.

Давным-давно Зага решил стать абреком. Не настоящим, нет, а так просто, сколотив шайку, обирать прохожих на лесной дорожке. Кто с гор, кто – в гору: «Вещи ваши – будут наши!»

Это была какая-то игра, в которой редко удавалось чем-то поживиться. Удача, если у торговки что-то отберут, а так чаще доставалось самим – бывали не раз битыми.

Пришлось как-то Заге стоять «на часах». Видит – по горной дороге в оглоблях с быками спускается двухколесная арба. Притормаживает быков, на дне подводы храпит здоровенный горец с пышными усами. Крикнул своим подельникам, которые резались в кустах в карты, что в арбе лежит ичкериец

с огромным клинком, один метр которого торчит поверх бортов повозки, столько же у пояса. «Оставь, клиент не наш», – сказали ему.

Зага пустился наутек. Бег более ускорился, когда очнувшийся горец крикнул вслед: «Я узнал тебя! Ты Зага!»

Так, не начавшись, и закончилось абречество Заги. Когда же он умер, скучно стало в селе...

Разговоры у костра в ночном памятливы до сих пор, запаренная в мундире картошка и краешки губ, измазанные печеной в углях кукурузой, – вкус детства.

Утром не досчитываемся в табуне одной лошади. Это Юрина подопечная, которую забыли стреножить. Мы не тратим время на ее поиски, уверены, что она, как обычно, дома у коновязи вкусно хрумкает темными губами краюшку хлеба. Взнуздав лошадей и сняв с них путы, скачем в село. Хозяева уже ждут. У них свои заботы: кому надо запасти сено на зиму для скота, вывезти урожай со своих колхозных делянок, кто-то поскачет на базар на торги, а кто съездит и к кунаку в гости...

Не остаемся без дела и мы. На этот раз нас с Ромкой, сыном дяди-фронтовика, снарядили в лес по дрова.

У дяди пара лошадей – белый ломовой извозчик (Гарун) и красно-рыжая. Груз какой привезти – ломового всегда в хомут. Если подвода тяжелая, гнедую в пристяжку ему. Она была очень пугливой, шарахалась от любого шороха. Раз я ехал на ней без седла по пологому берегу реки. Сбоку неожиданно квакнула лягушка. Гнедая рванулась во весь опор, вырвав уздечку из моих рук. Я очутился на земле, у левого виска пропечталась подкова с ноги пугливого скакуна.

...В этой поездке в оглоблях фыркает только белый конь. Пристяжного нет – и замечательно. Грациозный красавец Гарун тянет двухосную телегу, не напрягаясь. Едем по оврагу через речку прогоном в поле. Скрипит телега, за проселком воздух прозрачный и светлый. Раннее утро еще в ночной прохладе, у кромки поля на кукурузных стеблях и кустах на обочине дороги сверкают бусинки росинок. Спешит заря на смену ночи, разбросав по всему небу алые, бело-малиновые разноцветья.

Потрагиваю вожжи, Гарун убыстряет ход. Высоко в небе над нами заливается жаворонок. Ромка, болтая ногами, держась за дрожавшую грядущку телеги, видимо, как и я, слушает жаворонка. Он одет в ватную тужурку, подпоясанную каким-то шнурком, на ногах ботинки на толстой подошве, хотя лето еще не разменялось с осенью – сухо, тепло. Это его привычка одеваться не по сезону и не в свои вещи мало кого удивляет. К такой его странности привыкли. В нашу поездку она даже пригодилась. Пробежав по мокрому полю и несколько не промокнув, Ромка нарвал кукурузные початки. Бросив их в задок телеги вместе с топором, ведром, веревками и мотком проволоки, он уселся на свое прежнее место.

Бойко катится телега.

– Но, Гарун, пошел, милоч!

Едем обочиной с пестрыми, белыми, желтыми и голубыми цветами. Дорога идет все время на подъем. Умное животное в расцвете своих лошадиных сил легко одолевает раздрызганные колеями участки и прыдет ушами, услышав в кустах истошный визг лягушки. Насторожились и мы. Отчаянные, отрывистые звуки – явные сигналы SOS. «Тпру-тпру!» – команду я и спрыгиваю с повозки. В нескольких метрах от себя в кустах вижу змею, засасывающую в раздвинутую кровавую пасть исходящее криком земноводное. Схватив попавшую под руку суковатую палку, раз за разом опускаю ее на пресмыкающееся с длинным извивающимся телом. Блеснув черной спинкой, змея исчезает в чащобе, лягушка прыгает в противоположную сторону с окровавленной задней лапкой...

Бежит дорога. Чем дальше в лес, тем воздух чище, тянет запахом цветов и земляники. Мимо проплывают кусты, репейники, всевозможные травы с желтыми лютиками, папоротниками с расчесанными листьями. Над ними летают бабочки. Каждый цветок тянется к свету, спеша пустить струйку аромата в теплынь, порадовать чарующий день дымкой живительной пыльцы. Места знакомые. За лесной еланью, если проехать немного по старой, в нетронутых лужах дороге, можно выкопать целебный адамов корень, здесь и зверобой... Над головой проносится рой диких пчел, за ним гонится длинноклювый шур. Ветерок колышет кроны серебристых тополей. Природа дышит, живет в своем поэтическом величии, в своей нежной ласковости.

Вскоре Гарун привозит нас в ореховый сад. Это наш конечный пункт. Сад наш родовой. Его окультурил в лесном массиве наш прадед в период столыпинских реформ. По хуторской системе каждому из его шести сыновей досталось в лесном массиве по четыре гектара. Развели здесь ореховый сад и в течение многих лет собирали богатые урожаи. Выращивали здесь и кукурузу, и люцерну, занимались животноводством и пчеловодством... Сегодня он опустел, опечалился без хозяина, но отдельные деревья сохранились и плодоносят, подрастает молодняк.

Мы распрягли Гаруна, стреножив, пустили в луговину, где погуще сочной травы. И сами передохнули – потрясло.

Затем Ромка достал с телеги топор, и мы пошли на делянку, отведенную лесником под вырубку. Деревья здесь мелкоствольные, «сяк-сяк» топором – и черный комель осины или серебристого тополя в хруст. Последний перерубающий удар – и деревце, трепеща листвою, сначала медленно, а затем все убыстряясь, валится на траву. И так раз за разом, стук да стук, стоявшая вертикально осинка падает к низу головой. Обсекаем сучья и наваливаем свеженарубленные дрова и валежник на подводу. Крепим груз арканом. А позади телеги Ромка еще прицепляет внушительных размеров дерево в качестве тормоза. «Впереди продолжительный спуск, который значительно сложнее подъема», – говорит он.

Предусмотрительный Ромка справляется с любым делом как заправский мужик. Крестьянские дети рано взрослеют. Он и вкусные кукурузные початки на костерке поджарил. Наелись, напились из родничка и в путь обратный.

Гарун чует дорогу домой, хочет убыстрить ход, но я не опускаю вожжи, в качестве тормоза служит прицепленное дерево, в кроне которой сидит Ромка. От дров разливается невыразимый аромат. Горьковато пахнут листья на придорожных кустах, чисто, простор наполнен воздухом.

Вдруг Гарун фыркнул, заржал, замотался, терзая постромки. Рвется из оглоблей, раздув вены и сухожилия, хочет встать на дыбы. Я не осознаю, что происходит. Размеив бич, хлещу им по хребту взбесившегося коня. Он спружинился на миг, пригнул башку и лягнул меня подкованным копытом по подбородку, откинув на самый задок повозки. Прицеп с Ромкой отцепился. В горячности не обращаю внимания на кровь и рану, тяну крепко ремни узды, валю коня с ног. Спрыгнув с повозки, глажу его по загривку, не даю встать, пока не подоспеет Ромка. Подбежав, он замотал чем-то мою рану, накинул на плечи и окровавленную грудь что-то со своего плеча (благо на нем много что было лишнего). И пояснил, что груз на спуске растрясло, дрова сползли и стали колоть круп коня, оттого он и взбеленился. Нам удалось поставить его на ноги, подправить узду и оглобли. Все еще напуганный, Гарун сторожкой поводит ушами, грызет удила, вздрагивает, его бьет мелкая дрожь. Я стреляю из охотничьего ружья над его головой, полагая, что это подействует на него успокаивающе. Но конь еще более заартачился, перебирая передними ногами. Еле успокоили. Перебрали дрова, привязали их покрепче и продолжили путь.

Домой добрались в сумерках. И это было хорошо – меньше любопытных, меньше расспросов «что да как, подрался с кем, что не поделили...»

В медпункте на мою рану наложили несколько швов, она зажила, но шрам остался.

Спасенная мной в тот злополучный день лягушка не оказалось царевной, а я остался дураком. Обидел пресмыкающееся с грациозно-гибким телом, не придав значения тому, что в природе все относительно – сильный поедает слабого. Нарушил этот извечный закон природы и поплатился.

Змея в моем тогдашнем и сегодняшнем восприятии прокляла меня. Не феей ли была она в своем змеином царстве?

В другой раз мы с Ромкой стерегли ночью в степи отару. В загоне из гибких прутьев лозняка просторно и ягням, и баранам. К месту ночевки пригнали отару засветло. Если какая-либо овца заартачится, Ромка протягивал длинную палку с крючком на верхнем конце, хватал ею строптивницу за заднюю ногу и водворял в загон. Действовал ярлыгой уверенно, сноровисто, как бывалый чабан. Это прибавляло уверенности, что отара будет в целостности и сохранности. Здесь же сторожевой пес по кличке Борзик. Чертяка, рыжий и недоступный, не подпустит к своим подопечным чужака. Он и с хищником мог при случае потягаться.

Одни овцы уже спят, другие, опустив головы, застыли в дремотном состоянии.

Мы взобрались на вышку с мягкой подстилкой и наслаждаемся лунной ночью.

Какая ночь! Какая тишина!

Полупрозрачная голубая дымка света окутала все вокруг. Луна и звезды высветлили небо, обозначив яркие очертания Млечного Пути, ковши Большой и Малой Медведицы. Неподалеку по темному ущелью протекает река. Ее не видно, но, если чутко прислушаться, услышишь: «Гум...гум – Гумс, гум... – Гумс». Она несет свои воды со снежных вершин, прыгая с камня на камень, пенится вокруг поваленных деревьев. Убыстрив бег, вырывается на равнину, принимает в свои объятия ручьи и речки, и счастливая в движении, сливается с другой.

Внезапно в лунном свете на сажень от вышки появляется темная оседланная лошадь, а возле нее с уздечкой в правой руке вырисовывается мужчина в сапогах, брюках-галифе и рубаше, подпоясанный узким ремнем с рядом украшений. Лица из-под белой барашковой шапки почти не видно. Но мы знаем, что это абрек Сагал. У него орлиный нос, глубоко посаженные темные глаза излучают скрытое беспокойство, впалые с оспинками щеки тронуты редкой щетинкой, подбородок с клинышком бороды заострен. Ему далеко за 70, но его силе и ловкости может позавидовать и юноша.

Сагал не был даже в ссылке со своим народом, кормился в горах разбоем и, как Демон – дух изгнания, сторонился людей. Но в последнее время часто появляется у чабанских костров, ночует в отдаленных кошарах. Мирные животноводы его не трогают, да и он не проявляет к ним неприязни. Пожаловал в гости и к нам. Борзик было неожиданно с хрипом бросился сзади на него. Но грозный окрик Ромки приструнил забияку. Мы поделились с Сагалом хлебом, угостили его сыром, молоком, после чего он ловко запрыгнул в седло и с таким видом, словно забыл что-то в неведомой нам дали, поскакал рысью в ночь.

...Светает. Заблеяли проснувшиеся овцы. Утренний ветерок осторожно пробежал по ближнему взгорку, шевеля стебли клевера и поросль молодого камыша.

Бледнеют звезды на небе, все ярче загорается заря на востоке. Грачи, иволги и соловьи громкими голосами возвещают о наступлении утра. Вместе с ними и река радуется новому дню, течет, не останавливаясь, и знакомо шумит: «Гум... гум – Гумс, гум... гум – Гумс».

Овцы медленно идут по степи, щиплют невысокую, утопанную наполовину траву с редкими кустарниками бузины и улитками, похожими на белые камешки.

Жизнь продолжается.

Осанна!..

«Прошло 1800 дней нашей совместной жизни и учебы. Но мне кажется, что прошел лишь один день. Так хорошо мы с тобой провели это время, так мы были счастливы! Знай, что не променяю тебя на весь мир!» Под дарственной надписью книги Степана Тудора стоит дата – 15.VI.71 г. Это подарок Хасана,

незабвенного друга, который в моих студенческих воспоминаниях всегда был рядом со мной.

Я его звал по-журналистки Стариком. Коренастый, в стандартном костюме, белой рубашке и остроносых туфлях, всегда тщательно выбритый, близорукий в профессорских очках, он являл собой личность в среде своих сокурсников. В нем была какая-то прущая наружу положительность, он не терял достоинства даже тогда, когда на сессии заваливал экзамен, что частенько случалось. Но устранял «хвосты» и смотрел на нас свысока поверх очков своими умными глазами. Уверенно шел к своей цели: стать юристом и получить специальность с приличным окладом.

Ближайшее окружение Старика – это и студент из Кубачи, всегда чем-то недовольный, говоривший на манер Остапа Бендера, но со своей интерпретацией: «Нет, ни Ри-де-Жанейр ет»; и дед 50-летний, которому внуки могли сказать: «Когда же мы тебя дождемся, ты весь век учиться будешь?»; и военный – однокашник, приобретающий на закате своей карьеры гражданскую специальность; и сокурсник – ингуш, мечтающий жениться, заработать для этого деньги на калым, подавшись на заработки... Все они, казалось, грызли гранит науки не для того, чтобы получить знания, а неизвестно для чего. Но при этом все они веселые люди, неиссякаемые оптимисты. «Науку так просто не возьмешь, – говорил им Старик, – это мое мнение, субъективное».

Лекции Старик посещал с охотой, с удовольствием слушал преподавателей, умевших излагать мысли, делая выводы в диалоге с любознательными.

На лекциях по философии народного поэта Осетии Георгия Кайтукова Старика увлекала внутренняя активность материалистических идей. Его «настолярными» книгами становились тогда «Людвиг Фейербах», «Анти-Дюринг» Энгельса и «Критика политической экономии» Маркса, в которых содержатся основные положения философского материализма, формирующие социалистические взгляды на природу и на человека. Лектор умел увлечь активностью философского материализма, настойчивостью и страстностью его доводов. С легкой подачи Старика я тоже проникся идеей, что «в своем развитии капитализм не смеет остановиться, если не должен погибнуть...» Шире открыл глаза на ленинскую формулировку: «Не сознание людей определяет их бытие, а наоборот, их общественное бытие определяет их сознание».

Старик был отличным парнем, умел подойти к преподавателю так, что между ними быстро складывались доверительные отношения. Его путь вверх по «философским ступенькам» начался, когда он на одной из «пар» прочел кайтуковское:

Во имя жизни ты вся раскрыта
мечте крылатой...
В своем халате белее снега
как хороша ты!

Этого хватило, чтобы разговор продолжился на поэтической волне. Кайтуков вдохновенно, с самозабвением читал наизусть Пушкина: «Роняет лес багряный свой убор... и страждут озими от бешеной забавы». Казалось, поэт и философ в этот момент сам был с Пушкиным, выражая свои чувства его строками, живя ими:

Я помню чудное мгновенье:
передо мной явилась ты,
как мимолетное виденье...

Как быстро в поле, вокруг открытом,
подкован вновь, мой конь бежит,
как звонко под его копытом
земля промерзлая стучит!

Дробясь о мрачные скалы,
шумят и пенятся валы,
и надо мной кричат орлы,
и ропщет бор.
И блещут средь волнистой мглы
вершины гор.

В устах великого осетина от Пушкина был неотделим Лермонтов с его «Демоном», «Мцыри», «Парусом», пронзительными: «Выхожу один я на дорогу...», «Дубовый листок оторвался от ветки родимой...»

Или:

Немая степь синее, и кольцом
серебряным Кавказ ее объемлет.
Над морем он, нахмурясь, тихо дремлет,
как великан, склонившись над щитом...

Брали за душу лермонтовские:

У врат обители святой
стоял просящий подаюня
бедняк иссохший, чуть живой
от глада, жажды и страданья.
Куска лишь хлеба он просил,
и взор являл живую муку,
и кто-то камень положил
в его протянутую руку...

Оратор умолк. Притихший зал взорвался аплодисментами. Вдруг кто-то то ли от избытка чувств, то ли не желая сесть «за Маркса, чтоб разгадать премудрость скучных строк», крикнул, что среди них тоже есть поэт, указав на меня. Обрушилось это на меня внезапно, как стихия. Вскочив, вцепился пальцами за спинку передней скамейки и под приливом неожиданно нахлынувших чувств, подбадриваемый Кайтуковым, заговорил с поспешностью:

Мне сегодня тихо, очень тихо,
в голубином крае тишина.
Нежностью цветенья облепихи
полевая даль озарена...

Читал и говорил о том, что пусть растет, цветет и роза, раскрывая задорно лепестки в позолоте солнечного света, о том, что даль цветет белой ромашкой, а запах свежескошенного сена отдает медовым привкусом, о том, что:

Вечное величие природы –
нежность несказанная земли,
мне твои с хрусталинкою воды,
поцелуем губы обожгли...

Рассказывал, как рощу убаюкал ветерок тихой песней, песней колыбельной, а тополек осыпает кудри белым пухом с щедростью метельной, отчего:

Хорошо мне этим днем весенним,
по простору сказочной тиши
я иду, со мной лишь только песня,
я и песня, больше ни души.

Продолжение следует.

Поэзия

Асламбек Тугузov

Песнь Дервиша

Утром встанешь на краю страны,
 Выпей залпом кубок тишины,
 Собери дела свои в котомку
 И иди, куда велели сны –
 Собрать их звездные обломки.

И вперед, вдоль чьих-то серых спин,
 Прoberись, протиснись словно джинн,
 Медленно выпрастывая крылья
 Из мешков, колясок и корзин,
 И другого мелкого засилья.

Если жить – то надо широко,
 С ветром, чтоб свободно и легко,
 Босиком, расплескивая лужи...
 Если в гору – надо высоко,
 Если в воду – то уже поглубже.

Соберись и вспомни дотемна,
 Кто ты есть, какие имена
 Умудрился в памяти развеять,
 Ибо жизнь одна и нить одна,
 Вечных зерен девяносто девять.

Дервиш знает, где его привал,
 Дервиш помнит, кто его позвал,
 Дервиш слышит музыку пустыни.
 Дервиш видит вечный перевал,
 Иней троп на шапках его синих.

Много в небе пламенных светил,
 Много на земле сырых могил,
 Много тьмы, но больше будет света.
 Помни, кто бы что ни говорил,
 Посох твой надежней всех советов.

Дервиш видит струнный ход дождя,
 Дервиш слышит песню соловья,
 Дервиш мерит истину шагами,
 Как роса по следу муравья,
 Как звезда в ночи за облаками.

Этой черной зимой окопавшись
 в казенной квартире,
 Хорошо мне сидеть на игле
 виртуальной тоски.
 Интересные все-таки вещи
 случаются в мире,
 Только кнопку нажми
 указательным пальцем руки.

Только кнопку нажми, аккуратно,
 касаньем несильным,
 Отрешись от себя и удобнее позу найди.
 А потом как паук, размотавший
 запас паутины,
 Выходи и пасись на просторах
 всемирной сети.

Всему свой срок, осеннего пожара
 Погасло пламя рыжее, и вот –
 Сметает дворник листья с тротуара,
 Скрипит метлой и песенку поет.

Давно уже он выхолостил душу,
 Смирил свое бессмысленное «Я» –
 Теперь метлой соскребывает с суши
 Ржавеющую плесень бытия.

Смотри на мир и жди свою маршрутку,
 Но если зол, и страшно одному,
 Надень скорей оранжевую куртку,
 Бери метлу и подпевай ему.

Когда туман рассеется вдали,
Из пены волн, сияя парусами,
Прошедшие и бури, и цунами,
Покажутся и наши корабли.

И вижу я – они уже спешат,
Как птицы счастья к гавани Надежды.
Еще не гибнет, борется душа
И любит, и волнуется как прежде.

Из звездной сферы в сферу мировую,
Я не вписался, скатываясь вниз.
Нездешнюю я азбуку толкую,
Когда с тобой беседую за жизнь.

И пусть темно, и нет огня во взоре,
Но надо мне, хотя бы на ходу,
Прозреть ту брешь, ту яму, из которой
Пришел я, и в которую уйду.

Пусть в короткой этой жизни
Я свободы не нашел,
И в своей родной отчизне
Крыльев счастья не обрел.
Пусть зарывшись в ветхость книжек,
Я забыл тепло огня
И на мутный воск мыслишек
Променил сиянье дня.

Пусть напрасно рисовала
Тушью розовой мечта,
Пусть меня не понимала
Та, которая всегда
Мне надежды не давала
И покоя никогда.

Все равно в ночи кромешной,
Сквозь тоску прожитых лет,
Там, за мраком жизни грешной,
Видел я далекий свет
Утешенья и прощенья,
И забвенья от всего.
Может, это наважденье,
Может, это – ничего.

Как три туза из призрачной колоды,
Беспечного обманывают годы.

Не поддавайся призракам земным,
Недолговечным, призрачным как дым,

Что по росе предутренним курился,
Пока под солнцем дня не испарился.

И мне кружили голову надежды,
И я рядился в яркие одежды.

И я хмелел без всякого вина,
И я любил, меняя имена.

Но день прошел и молодость прошла,
Как легкий луч,
вспорхнувший со стекла

Навстречу тьме, как будто сновиденье
Длиной в одно короткое мгновенье.

И вот, хватило мига одного,
Чтоб осознать бессмысленность всего,

Что делал я, и где была ошибка...
Сад облетел. Захлопнулась калитка.

У каждого синего моря
Свой ил и своя глубина.
У каждого черного горя,
Свой прах и своя седина.

Пусть корчится разум некрепкий
И память стучится в окно.
Кто прав был – топор или щепки?
Отныне, уже все равно.

Она-то совсем невиновна
Сегодня – при чем тут она,
Иосифна эта, Петровна,
Большая, глухая страна?

Играйте, гремите, литавры,
Гуляйте, отчизны сыны.

Пусть орки и всякие мавры
Несут свое бремя вины.

А мы отряхнулись, а нам-то,
Как с белого гуся вода...
Налейте еще лейтенанту,
Налейте ему, господу.

23 февраля 2020 г.

А время висит как индейский топор
Над крышами храмов, над пиками гор.

Над площадью лобной,
где бодрый с утра
Работал оркестр и гремело «ура!»

Так тихо повсюду в стране перемен,
Ни спеси кабацкой, ни рева арен.

Все скрылись, как будто
их всех подмели
С заливка порядком уставшей земли.

Как келья аскета без ламп и гардин,
Пустуют пространства
арийских долин,

Пустует покинутый в спешке минбар,
Пустует амвон и пустует базар.

И липкий, по-черному властвует страх
В термитниках черни и
в барских дворцах.

И только надежда, собрав кулаки,
Пульсирует в жилах и бьется в виски.

И дервиш, свободный от вечного зла,
Несет свой хурджин и седлает осла.

Пока еще в звездах ночной небосклон,
Прозрачнее воздух и гуще озон.

Как старый матрос на чумном
корабле,
По палубе грубой и шаткой,
Легко прогуляюсь по этой земле –
Голодной на мясо и падкой
На кости. Как пращур,
кормивший овец
На древнем плато Хачароя,
Как мой, уже ставший туманом, отец
И тьма безымянных героев,

Не ставших легендами
в книгах людей
И бронзой в скверах не ставших,
Но тоже ходивших когда-то по ней
И пяди ее не отдавших.

Луна убывает, бунтует Аргун,
Зажатый в великой теснине.
Садится чеченка на мшистый валун
И плачет, тоскуя о сыне.

Мне тыщи лет, душа моя блее
Немых камней развалин Колизея.
Оплакавшая гибель Илиона,
Она древнее перстня Соломона.
И это так, хоть звезды Атлантиды
За сроком жуткой давности забыты,
И в суете быстротекущей жизни,
Она не помнит истинной отчизны.

На подмерзший камыш
Белым пухом ложатся снежинки.
Пушки лают и рвут,
Генерал в полушубке кричит,
И, скользя на снегу,
Наступают солдаты-картинки,
И кипчакская степь,
Как развернутый саван лежит.

А над ней облака
В пелене проходящего дыма,
Головы не поднять,
Мокрый снег прилипает к виску.

Только ветер свистит
И хохочет без всякой причины,
И веселая смерть
Оставляет следы на снегу.

Когда замрет отчаянье в груди,
Отпустит грусть и отойдет тревога,
Когда душа сама себя простит
И ясная поманит вдаль дорога,
И белый камень встанет из травы,
Как тихий страж покоя и забвенья,
Заслушаюсь, как плачут соловьи
В густой листве
кладбищенской сирени.

Ч.В.

Бегу в закатном зареве,
Оглохнув от пальбы,
И вижу в мутном мареве
Слепой зрачок судьбы.

Налитый кровью алою,
Он смотрит на меня.
Я – в лужу снега талую,
По серым трупам дня,

Бегу – свистит дыхание,
Бегу и не свернуть,
А вот и попадание –
И прямо... прямо в грудь.

И все, концы распутаны,
И нечего мудрить,
Дома дымком окутаны,
Но в них уже не жить.

Все кончено! Я падаю
В зияющий провал,
Стреляй, а я обрадую –
Попал, попал, попал!

Как будто с неба ринулась
Падучая звезда,
Упала в снег и сгнула
Навеки, навсегда!

Покинутый вами,
Кому я здесь нужен?!
Теперь я с камнями
Дорожными дружен.

Теперь я с дождями
Беседы люблю,
Худыми руками
Их капли ловлю.

Как в желоб корыта,
Еще и еще,
И им не убыток,
И мне хорошо.

Под солнечным небом
Поев и попив,
Я словно не хлебом,
А памятью жив.

Весна подступила
Зеленкой и хной,
И чья-то могила
Покрылась травой.

А где-то за кромкой
Незримой, вдали,
Курлыча негромко,
Летят журавли.

Так жизнь возвращается
В брошенный дом,
И все повторяется
В круге ином.

Ходит пес по брустверу окопа,
Кто пальнет в такого остолопа,
У кого поднимется рука?
Тишина. Ни звука, ни щелчка,
Никакого грохота и топа.

Ходит песик, высунув язык,
Он уже безжалостно привык
К диалекту оружейной речи.
Воздух пахнет резче, чем балык,
Слаще кости, даже человеческой.

Дует в морду теплый ветерок.
Ходит пес, почти еще щенок,
Маленький и все еще неловкий.
То ли шарик, то ли колобок,
В окуляре снайперской винтовки.

Я опять посетил
Край забытых могил,
Где когда-то большими глотками
Воды вешние пил
И от голода выл,
Ел туман и чихал облаками.

Словно вдаль поезда,
Убежали года,
Просвистели как злые метели.
Пошумели дождем,
Похлестали снежком,
Стали эхом окрестных ущелий.

Что цвело – отцвело
И опять расцвело,
Только мертвые больше не встали
Из гранитной земли
И лежат, как легли
Вдоль по звездной своей вертикали.

Ветер, прыгая с круч,
Реет в сумерках туч,
Словно ищет крылатого брата.
На пожухлой траве,
Как на старом ковре,
Слегся ворс от его ракаатов.

Вот и солнце встает
Из восточных широт,
И, мерцая тугими боками,
Грозный тур-верховод
Устремился вперед,
Прямо в бездну, сверкая рогами.

Закричать или спеть,
Или просто присесть
И зависнуть у самого края.
Рядом ворон сидит
И незряче глядит,
Пялит бельма, видать, признавая.

Не признаешь меня,
Дряхлый вождь воронья,
Тщетно щурясь слепыми зрачками.
Ветер жизни занес
Смоль мятежных волос
Лунной хной и размыл родниками.

Что прошло, то прошло
И быльем поросло,
Прокрутилось по скользкому кругу.
Что сказать? Я сижу...
Ничего не скажу,
Ни врагу, ни потомку, ни другу.

Все пройдет, и в полной пустоте
Темный век, не верящий в бумагу,
Вилами запишет на воде
Нашу героическую сагу.

Все волненья наших быстрых лет,
Наши неудачи и победы
Канут в бездну, словно пыль планет
В звездную туманность Андромеды.

Только как бы дьявол ни хитрил,
Мы к себе еще заглянем в гости
В день, когда поднимут из могил
Наши развалившиеся кости.

Я однажды уйду в снегопад,
Чтоб уже не вернуться назад.
Просто выйду и кану в нем тупо,
Без сапог меховых и тулупа,
Налегке, и пойду через сад.

И никто не рванется искать,
Окликать и по имени звать,
Забираясь в окрестные щели;
Кто ползет в такие метели?
Дураков еще надо искать.

Ну а я, как начну замерзать,
Стисну зубы и стану сиять
Плавниками, как царская щука –
Чтоб не сглазила белая мука
Окружающую благодать.

Я однажды вернусь,
 Прокрадусь сквозь пространство
 и время,
 Вдоль нейтральных полос
 И каких-то зеленых столбов,
 Обману сторожей,
 Зазевавшихся где-то за теми
 Голубыми мешками
 Притихших бойниц блок-постов.

И тогда надо мной,
 Словно волны в порядке отлива,
 Загрохочут года
 И отхлынут куда-то назад,
 Где на улице нашей,
 В дыму расцветающей сливы,
 Я опять обернусь
 И случайно поймаю твой взгляд.

В этом странном летящем кино
 Жизнь земная, как общая данность,
 Для кого – золотое руно,
 Для кого – грозовая туманность.

Надо жить, увеличив в разы
 Жизнелюбия стойкое пламя.
 В эти светлые дни уразы
 Я хочу разговеться с врагами.

Я хочу их понять и простить,
 Потому что я тоже не вечен,
 Потому, что за тонкую нить
 К тем же пламенным
 звездам подвешен.

На стареньком снимке четыре юнца,
 Четыре давно пожелтевших лица,
 Но домик саманный белеет,
 И с верхнего края алеет

Полднего солнца
 размытый кружок,
 И деревце с ветками наискосок,
 Как лишнее, ежится с боку.
 По Фету и даже по Блоку.

А мы как солдаты – подмога живым
 И мертвым, на корточках важно
 сидим,
 И смотрим в глазок объектива,
 Как в вечность – кто прямо, кто криво.

И кажется, что ничего не болит,
 Что счастье, да вот оно – рядом сидит
 И смотрит большими глазами,
 И что-то читает губами

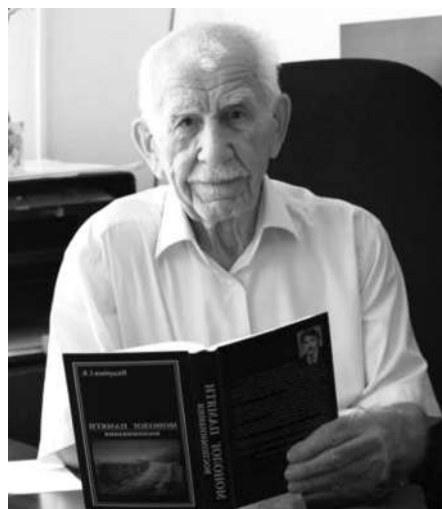
По памяти, тихо, строку за строкой,
 А солнечный зайчик, веселый такой
 Чертенюк, не знает покоя,
 Как будто он знает такое,

Такое, чего здесь не знает никто:
 Ни старый фотограф в потертом пальто,
 Ни эти четыре балбеса
 Из сказки чеченского леса.

Не знают, стреляя глазами в упор,
 Что Марс покраснел и завис как топор,
 Что Аннушка масло купила,
 И смерть никого не забыла.

*Память***Гелани Индербаев**

Гелани Индербаев – кандидат филологических наук, известный чеченский литературовед, литературный критик, публицист. Из-под пера Гелани Индербаева вышли два сборника литературно-критических статей «Отражение времени» и «Штрихи времени», учебное пособие для преподавателей и студентов «Литература народов СНГ», а также более ста статей, опубликованных в различных научных и литературных изданиях страны.

В 2021 году вышла книга мемуаров Г. Индербаева «Монолог памяти», в которой автор повествует о давних и недавних событиях своей жизни. Как пишет доктор исторических наук М. Багаев в предисловии книги, в ней «звучит живой голос нашего современника, бывшего свидетеля многих событий ушедшего века».

Журнал «Вайнах» публикует главу из книги мемуаров «Монолог памяти» Г. Индербаева и посвящает ее, как и сам автор, памяти всех (живых и ушедших), кто пережил холодные и голодные годы сталинской депортации.

Выселение

*В ту ночь, готовясь умирать,
Навек забыли мы, как лгать.*

К. Симонов

1

То промозглое и сырое утро 1944 года осталось в моей памяти следующей картиной.

Хотя уже было довольно поздно, мы с бабушкой все еще оставались в постели: я лежал под одеялом, бабушка, прислонившись спиной к стене, перебирала свои четки, тихо шепча какую-то молитву. Сестры мои, вернувшись в дом со двора, где задавали корм скотине и кололи дрова, возились у печки, готовя завтрак.

«Ишколе... собрание!.. Ишколе собрание!..» – неожиданно послышался громкий голос с улицы и в тот же час пропал вместе с топотом удаляющейся лошади.

Одна из моих сестер, которую бабушка послала на улицу узнать, в чем дело, вернувшись, сообщила: сельчан военные приглашают на собрание в школе. Это сообщение нашими было оставлено без особого внимания, тем более, что на собрание некому было пойти. Брат уже около месяца находился в горах: там начался окот овец.

Через некоторое время жители Элистанжи, в одиночку и группами, потянулись в сторону школы, что находилась в западной части села. Шли спокойно, переговариваясь о домашних делах, не подозревая, что через какие-то считанные минуты на их головы ляжет огромное горе. Шли в основном мужчины и женщины, редко подростки. Собрание, как рассказывали потом мне взрослые, проводилось не в помещении школы, а на ее территории. Все, кто пришел, стояли.

Когда прекратился приток людей, по команде одного из офицеров пришедшие были окружены солдатами, по углам площадки были выставлены пулеметы, за которыми на плащ-палатках залегли солдаты. Люди были в недоумении от поведения военных.

Через некоторое время на середину площадки вышли три офицера и вместе с ними житель села Газиев Муси. Один из офицеров, коротко переговорив с Газиевым, передал ему какую-то бумагу. Присутствующие на собрании не могли не заметить, как в одно мгновение изменилось лицо Газиева, пробежавшего глазами то, что было написано на переданном ему офицером листе бумаги. Какое-то время Газиев молчал, не мог читать, дрожали руки, срывался голос... Кое-как справившись с собой, он начал читать и переводить на чеченский язык текст документа: «Решением Президиума Верховного Совета СССР Чечено-Ингушская автономная республика ликвидируется... Чеченцы и ингуши переселяются в Казахстан и Киргизию...»

Собрание, услышав последнюю фразу, сначала как-то странно замерло, а потом глухо ахнуло. Людей словно чем-то оглушило. Услышанное привело всех в замешательство, люди на какое-то время потеряли способность думать и размышлять. Все, что было до 23 февраля, казалось чем-то очень далеким, почти фантастическим.

Как стало известно позже, Указ о выселении чеченцев и ингушей зачитывался также и в воинских частях, в которых служили чеченцы и ингуши. Фронтовики-чеченцы рассказывали, как заместители командира по политической части особо выделяли строки, в которых говорилось о предательстве чеченского и ингушского народов, об их сотрудничестве с немцами.

После того, как был зачитан Указ, все пришедшие на собрание были взяты солдатами в тесное кольцо. Мужчинам старше пятнадцати лет военные приказали пройти в помещение школы. В дверях обыскивали, отбирали кинжалы, ножи и поясные ремешки. Подростков, после досмотра, военные отпускали домой. Женщинам было приказано быстро собраться и вместе с домашними прибыть на сборные пункты, которые им будут указаны солдатами.

Сообщение о депортации стало для людей событием, когда все заботы, все, что несколько часов назад казалось важным и неотложным, исчезало, затерялось, стерлось, как стирают тряпкой с доски написанное мелом слово.

Кстати, Газиев Муси, на долю которого в 1944 году выпала тяжелая миссия – зачитать и перевести на чеченский язык тот зловещий Указ советского правительства, в двадцатые годы учился в Москве в Коммунистическом университете, имел «счастье» слушать лекции Бухарина, Троцкого, Сталина. В Москве он находился и в траурные дни, когда умер «вождь мирового

пролетариата» – Ленин. После возвращения из депортации Муси Газиев рассказывал, что на то собрание он был приглашен военными лично. Ему сказали, что должен будет переводить на чеченский язык какой-то торжественный правительственный доклад. Об Указе военные ему сказали только после того, как он вместе с ними вышел в круг.

Как только закончилось «торжественное» собрание, посвященное Дню Красной Армии (так оно доводилось до населения гонцами, которых военные послали по улицам), село наполнилось плачем и криками. Женщины и подростки заматались по селу, разнося от дома к дому эту страшную весть.

«Ва, мама (так мы все почему-то называли бабушку), вай Сибрех дохуьйту боху...» («Ой, мама, говорят, что нас отправляют в Сибирь...»), – с плачем вбежала в комнату средняя наша сестра, которая все еще находилась во дворе.

Бабушка, успокаивая плачущих моих сестер, попросила одну из них сходить к сыну своей дочери – Абдул-Муслиму (по домашнему его звали Цула) и узнать от него, что же происходит в селе. Вернувшись, сестра сообщила, что Цула ушел на собрание и еще не вернулся домой, а Аймани, его жена, знает о происходящем в селе столько же, сколько и остальные односельчане. Аймани сообщила сестре, что их постоялец, офицер Вася, три дня тому назад ушел от них, сказав, что будет занят подготовкой солдат к предстоящему празднику ко Дню Красной Армии.

Вася (так его называли в семье тети), который находился на постое у моей тети, был очень общительным и веселым человеком. Вместе с Абдул-Муслимом он ходил на чеченские вечеринки и белхи¹. Меня, иногда приходившего к тете Мехалг, он угощал «русским» (так мы в то время его называли) хлебом и консервами. Консервы мне не нравились, я отдавал их нашей собаке...

2

Как только женщины, присутствовавшие на собрании в школе, успели дойти до своих домов, по всем улицам села уже пошли солдаты, по два-три человека в группе. Они заходили в каждый дом и заставляли плачущих женщин и детей спешно собираться и идти на сборные пункты. Брать с собой разрешалось только самое необходимое. Заметив в руках женщин или детей что-нибудь, кроме одежды или обуви, солдаты наставляли на них автоматы и заставляли бросить вещь на землю. Людей выпроваживали на улицу в том, во что они в данный момент были одеты. Чеченцы покидали свои дома, захватывая из своего имущества первое попавшее под руку, словно имели дело с чужим добром.

Узнав от соседей о том, что солдаты уже пошли по домам и заставляют идти на сборные пункты, мои сестры заматались, не зная, что делать с бабушкой, которая не сможет далеко идти пешком. Не знали, что взять с собой... До того, как солдаты пришли в наш дом, сестры, по указанию бабушки, в снопах из стеблей кукурузы спрятали несколько персидских ковров и посуду, которые остались после конфискации во время раскулачивания; в хлеву отвязали корову и теленка.

¹ Белхи (чеч.) – чеченская традиция коллективного труда, взаимопомощи. Обычно сопровождается танцами и другими развлечениями.

Через некоторое время к нам явилась и тетя Бала. Была она очень взволнована...

К нашей радости, сборный пункт, на который мы должны были явиться, оказался на нашей же улице, недалеко от дома тети. Женщины и дети, выведенные на улицу из собственных домов, в сопровождении одного-двух солдат отводились на сборный пункт (двор какого-нибудь жителя села).

После возвращения из ссылки элистанжинцы, вспоминая те страшные дни, просто из любопытства расспрашивали друг друга: кто в каком пункте сбора находился в дни выселения. Размышляя над этими рассказами, я пришел к выводу, что распределение жителей по сборным пунктам оказалось делом очень странным: даже самые близкие соседи почему-то оказались в разных и отдаленных местах села. Наши ближайшие соседи (Аюбовы, Эсамбаевы, Кушаевы, Магомаевы, Элибаевы), например, оказались на сборном пункте, который находился довольно далеко от нашей улицы.

В том, как жители нашего села были расселены в Казахстане и Киргизии, обнаружилась и другая довольно интересная закономерность: те жители села, дома которых находились выше дороги, так называемой «Паччахъан некъ», разделяющей село на две части, в большинстве своем в ссылке оказались в таких областях Казахстана, как Акмолинская, Талды-Курганская, Кустанайская и так далее. Жители нижней части села в основном были сосланы в Актюбинскую область.

Несколько слов о дороге, о которой я здесь упомянул. «Паччахъан некъ» («Царская дорога») – так называли главную дорогу, проходящую через Элистанжи и разделяющую его на две части. Название дороги сохранилось еще с царских времен. «Паччахъан некъ» связывал такие села района, как Махкеты, Тавзени, Элистанжи, Эшилхотой, Ведено. Дорога эта имела статус «государственной». В царское время жители вышеназванных сел обязаны были обслуживать ее и содержать в надлежащем состоянии. В связи с этой необходимостью на жителей налагалась повинность: один раз в год вывезти на дорогу определенное количество арб с гравием. Тот житель, который не имел своей лошади или быков, должен был выплатить определенную сумму денег. Кстати, повинность эта сохранялась до самого выселения.

Согласно закономерности, о которой я упомянул выше, наша семья должна была оказаться в Актюбинской области, а не в Акмолинской, как это получилось на самом деле. Когда военные проводили перепись и на каждую семью заводили специальную карточку (такие карточки были обнаружены в архивах после развала Советского Союза), мы оказались в карточке, составленной на семью тети. Видимо, когда спрашивали о составе семьи, тетя назвала и нас. Действительно, мы и были членами ее семьи, были ее главной заботой и болью...

Так вот, запись, сделанная в карточке семьи тети, помогла нам быть вместе с ней и в дороге в Казахстан, и по прибытии на место поселения. Страшно было представить себе, что бы с нами стало, если бы мы оказались в другой ситуации.

Смешивая и разбрасывая население чеченцев и ингушей по разным республикам, областям и районам, власти страны преследовали злостные цели: раздробить и разобщить вайнахов, лишить их национального менталитета,

заставить их как можно больше страдать...

Чеченцы и ингуши первые два-три года после выселения ничего не знали о судьбе своих близких, с которыми их разлучила трагедия февраля 1944 года. Многие так и ушли из жизни, не узнав, что же стало с дорогими им людьми. К примеру, о смерти своей старшей сестры, оказавшейся в Павлодарской области, мы узнали только в 1947 году.

4

Как было уже сообщено выше, мужчин, пришедших на собрание, солдаты, обыскав, загнали в помещения школы. Школа была оцеплена вкруговую солдатами. Они стояли у каждого окошка и двери. Всю ночь мужчины провели в холодных помещениях. Сидеть приходилось на полу: парты и столы с приходом военных были вывезены и размещены по частным домам, где предполагалось обучение детей.

Когда кто-нибудь из задержанных приближался к окну или двери и старался скудным набором русских слов что-то спросить, солдаты молча наставляли на него винтовку или автомат.

Особенно трудной для задержанных была первая половина ночи: люди были растеряны, не слышали и не понимали друг друга. В эту ночь стало понятно: кто есть кто... Среди моих односельчан оказались и сильные духом, и трусливо-малодушные. Как известно, человек в полной мере проявляет себя в минуты опасности. Все показное слетает с него, и он остается внутренне оголенным. Отдельные молодые люди предлагали выступить против солдат и тем самым ускорить развязку сложившейся ситуации. К счастью, их предложение было отвергнуто стариками. Такое поведение со стороны чеченцев, случись оно, повлекло бы за собой невообразимую трагедию.

Немного успокоившись, всецело положившись на волю Аллаха, задержанные в школе совершили «тоба»². После ритуала «тоба» всех занимала только одна мысль: что станет с их семьями, близкими? Свою участь они считали уже решенной – никто из них не думал о том, что он останется живым...

Неспокойно, тревожно было на сборных пунктах. Женщины и дети продолжали плакать. Со всех улиц слышно было, как в хлевах мычала некормленая с утра скотина. Выли собаки. То поблизости, то в отдалении слышались выстрелы: солдаты расстреливали заливающихся лаем собак. Те, кто не совладал с жалостью к животным, решался пробраться к своему двору, чтобы задать корм скотине или напоить ее, рисковали жизнью. Солдаты, обнаружив таковых, если не расстреливали на месте, то избивали до полусмерти прикладами винтовок. Достойному человеку унижения во сто крат тяжелее физической смерти.

Сборный пункт, на который нас привели, напоминаю еще раз, находился на нашей улице, недалеко от дома нашей тети. В этом плане нашим очень повезло: в дневное время нетрудно было незаметно пройти в дом тети и взять там что-нибудь из продуктов или вещей.

² Тоба (тоуба) (арабск.) – покаяние.

Сегодня мне трудно сказать, сколько семей находилось на нашем сборном пункте. По тому, как много там было детворы моего и меньшего возрастов, можно предположить, что было там не менее двадцати-двадцати пяти семей.

Было объявлено, что машины за выселяемыми придут в Элистанжи на следующий день, то есть 24 февраля. Но их не было ни 24, ни 25 февраля.

В доме нашего односельчанина Бадаева Азиза, рядом с которым был расположен наш сборочный пункт, было несколько комнат. В них были размещены старые и больные люди, матери с маленькими и грудными детьми. Молодые люди же оставались во дворе, у костров. В одной из этих комнат находилась и наша бабушка, за которой по очереди ухаживали мои сестры и ее дочь – Бала.

Позже сестры рассказывали, что в то время, как другие женщины плакали, сетовали на выпавшую судьбу, бабушка вела себя спокойно, даже, можно сказать несколько оживленно, чем в обычное время. Уже по дороге в Казахстан нашим станет понятна «тайна» такого ее поведения. Бабушка, оказывается, думала, что в «Сибири», куда теперь везут и ее, она встретит своих двух сыновей и невесток, ранее раскулаченных и сосланных.

Уже к 24 февраля женщины, постепенно приходя в себя, стали готовиться к предстоящей дороге: варили на кострах мясо и курей, которых, рискуя быть застреленными солдатами, добывали в своих или чужих курятниках; из кошмы (войлок) шили для детей башмаки и накидки-бурки.

С тревогой ждали прибытия обещанных машин.

Наши – тетя и сестры – были в большой тревоге, не ведая о том, что стало с Яраги и Ахмедом, находившимися в горах. О них время от времени спрашивала и бабушка. Успокаивая ее, говорили, что ребята уже возвратились с гор и вместе с другими задержанными мужчинами пока находятся в школе. На самом же деле, ребята вернулись только к обеду 25 февраля, за несколько часов до отправки нас в Тавзени. Вернулись они в сопровождении солдат. Кстати, спускаясь с гор, Яраги и Ахмед успели пригнать в село наших овец и крупнорогатый скот.

Оба рассказывали о том, что солдаты с ними не были слишком строги. Перед тем, как расстаться на окраине села, солдаты разрешили им прирезать по одному барану и забрать с собой мясо на сборный пункт.

Яраги в год выселения числился учащимся седьмого класса и в какой-то мере владел русским языком. Это и помогло им избежать расстрела на месте.

В ночь с 24 на 25 февраля выпал большой снег, ударил мороз. Скотина, которую солдаты накануне загнали за изгородь мечети, вся погибла. Коровы и буйволы лежали вверх ногами, с раздувшимися боками. Утром 25 февраля военные объявили, что машины, которые должны нас повезти, придут только до Тавзени, а туда необходимо добираться пешком.

Утро было солнечным, но к обеду, когда военные приказали людям на сборных пунктах собраться в дорогу, погода снова изменилась, пошел сильный снег с ветром и морозом.

Уже в Казахстане взрослые, вспоминая день 25 февраля 1944 года, говорили, что в своей жизни им не приходилось видеть столь сурового дня, как тот. Казалось, что сама природа была заодно с суровой Советской властью. Тем, у кого быки и лошади были живы, военные разрешили использовать их до

проезда до Тавзени. Но таковых в селе оказалось немного. Волы, которые могли быть использованы, погибли в морозную ночь за оградой мечети. Саней и арб в селе нашлось не более десяти. На них поместили больных и дряхлых стариков. Остальное население (мужчины, женщины, подростки) шло пешком, неся в руках и за спиной то, что им удалось прихватить из продуктов и вещей.

Очень трудно было молодым матерям, которые имели грудных и маленьких детей. Всю дорогу, пока добирались до Тавзени, слышались крики, плач, стоны и проклятия. Брату моему удалось устроить меня и бабушку на чьи-то сани. Мы с бабушкой лежали на снопах кукурузных стеблей. Сверху нас прикрыли одеялами и кошмой. По установившемуся правилу, я, как и другие ребята моего возраста, должен был идти пешком. С бабушкой меня поместили, чтобы я удерживал ее исхудалое тело на санях.

Много лет спустя сестры поведали мне, что во вторую ночь на сборном пункте мне неожиданно сделалось плохо: побледнел и перестал дышать. Надо мной был прочитан «ясин». Тетя и сестры были в отчаянии, тайно от бабушки плакали. До самого рассвета, как рассказывали мне, я оставался бездыханным, и тетя уже искала человека, который мог бы переговорить с военными насчет разрешения на мое погребение...

Но ближе к рассвету я оживился, задышал, открыл глаза, щеки мои стали розоветь. Наши и присутствовавшие в комнате женщины уже плакали от радости, благодарили Аллаха, пожелавшему отдалить на неопределенное время срок моего призыва к Себе. Я же ничего не помнил о том, что случилось со мной в ту ночь. Целый день я был во дворе сборного пункта, был здоров, играл со сверстниками. Рассказ сестер об этом случае я воспринимал как нечто нереальное, фантастическое.

Под одеялом и кошмой, которыми нас с бабушкой прикрыли, было очень душно, и я старался приподнять край одеяла, но брат, неотлучно шагавший рядом с санями, не разрешал мне этого делать: он опасался за здоровье бабушки. Бабушка, обхватив своей костлявой рукой мою талию, прижимала меня к себе, бесконечно шепча какие-то молитвы. Впереди, сзади и по бокам колонны верхом на лошадях ехали солдаты, держа наготове автоматы. Перед тем, как тронуться в путь, жители были предупреждены о том, что всякий, кто попытается отстать от колонны или отойти на несколько шагов направо или налево, будет немедленно расстрелян.

Колонна наша двигалась очень медленно: волы и лошади с трудом тащили сани по дороге, на которой снег сразу же таял. Издавая неприятный скрежет колес по гравию, двигались арбы. До Тавзени мы добрались только глубокой ночью, хотя расстояние между этими селами не более десяти километров. Село было мертвым: ни огонька, ни мычания скотины, ни лая собак. Остановив колонну на краю села, военные приказали людям расселиться по пустующим домам, а утром собраться на лужайке около сельского кладбища. Дав эту команду, военные вкруговую оцепили село.

Все, кто в Тавзени имел родственников, поселились в их домах, а кто их не имел, занял пустующие дома. В каждом доме разместилось по две-три семьи. После тяжелой дороги все были рады крыше над головой, старались разжечь печи.

Жители Тавзени, оказывается, были вывезены днем, до нашего прибытия. Мы остановились в доме нашей старшей сестры Маруси. Разыскав во дворе дрова, брат быстро развел в печке огонь. Очутившись в незнакомой обстановке, бабушка начала расспрашивать о том, где мы находимся. Узнав о том, что она находится в доме своей внучки, бабушка высказала недовольство: почему тогда она до сих пор к ней не подошла? Ей печально объяснили, что ее внучку еще днем увезли в ссылку...

Мы с бабушкой всегда были неразлучны. И на этот раз нас вместе поместили на топчан, что находился рядом с печкой. Сестры и брат до утра просидели у печки.

Утро 26 февраля было солнечным. Снег после полуночи перестал идти. С наступлением утра солдаты пошли по улицам, собирая народ на поляну на краю села. За ночь некоторые «ловкие» элистанжинцы успели пройти по пустующим домам и пополнить свои продуктовые запасы. В доме сестры наши нашли два полных мешка с кукурузой и фасолью. Скорее всего эти мешки были приготовлены сестрой в дорогу, но солдаты, видимо, не разрешили их взять.

Благодаря этим двум мешкам с кукурузой и фасолью, мы в Казахстане избежали голода первой весны. Взять с собой из дома что-нибудь из продуктов наши не смогли: сестры, переживая за брата, судьба которого до последнего момента оставалась неизвестной, не были способны думать о чем-либо постороннем.

Собравшись утром на поляне у реки Басс, элистанжинцы развели костры. Откуда-то на поляне появилось несколько голов крупного рогатого скота, с десятков овец, куры. Быстро прирезав животных, молодые мужчины и юноши стали раздавать мясо по семьям. В первую очередь мясом наделялись семьи, в которых отсутствовали мужчины, были старики и инвалиды.

Солдаты в этот день, как позже рассказывали взрослые, вели себя несколько по-человечески. Они не препятствовали тому, что элистанжинцы ходили по улицам Тавзени и всячески пополняли свои запасы.

Пока взрослые занимались приготовлениями к предстоящей отправке, мы, мальчишки, греясь у костров, старались представить себе картины предстоящей дороги, поездку на машинах, которые вот-вот должны прибыть за нами из Грозного.

Вопрос о машинах, которых многие из нас раньше никогда не видели, очень сильно занимал наше детское воображение. Возникали самые неожиданные вопросы: например, как быть в том случае, если кому-то в пути очень захочется пить, а машину солдаты не разрешат остановить? Рассуждая над этой «возможной проблемой», предлагали разные варианты. Кем-то из ребят был предложен такой вариант: взять перед отправкой в кузов машины длинный прут и привязать к нему ковш. Когда машина будет переезжать через речку, этим ковшом можно будет зачерпнуть воду. Предлагались и другие варианты, но мне теперь, по прошествии стольких лет, трудно все их припомнить, учитывая, что и фантазия наша была беспредельна.

Машины в Тавзени прибыли после полудня. Это были, как я много лет спустя узнал, американские «студебекеры». Кузова их были накрыты брезентовыми тентами. Машины вызвали интерес не только у детей, но и у взрослых: до

этого дня только единицам горных чеченцев приходилось видеть автомашину, которая называлась «полуторкой».

Как ни отгоняли нас солдаты от машин, мы все же осмеливались приблизиться к ним и притронуться руками к покрышкам колес, приложить к ним ухо и «услышать» в них какой-то шум, который, по нашему разумению, являлся главным секретом машины.

Вскоре было приказано грузиться. Не помню, как производилась посадка людей, также не припомню, кто в тот день находился вместе с нами. Полагаю, что в кузов каждой машины грузили по три-четыре семьи: люди сидели в тесноте, прижатые друг к другу. А в конце кузова каждой машины, один против друга, сидели по два автоматчика.

С первых же минут пути всех укачало: люди, впервые в жизни почувствовавшие запах бензина, не перенесли его. Всех вырывало – и взрослых, и детей. Вырывали друг на друга, так как сидели плотно. Дети и женщины стонали, плакали.

Везли нас через село Агишты. Все села, встречающиеся на нашем пути, после Агиштов, уже пустовали. На улицах можно было увидеть только людей в военной форме.

Когда машины подъезжали к селу Агишты, одна из сестер увидела нашу собаку по кличке Борз. Борз бежал стороною от дороги, по которой шли машины, бежал, ловко маневрируя, пересекая повороты дороги. Солдаты видели бегущую собаку, но не решались без приказа офицеров стрелять в нее. Уже на выезде из Шали Борз исчез – видать, состязание с машинами оказалось ему не под силу...

Наши были удивлены появлением собаки. Сестры оставили его запертым в сарае, попросив соседа-дагестанца Асламхана присмотреть за ним, накормить. Они боялись, что солдаты пристрелят его, так как Борз был очень агрессивным и злым. Скорее всего, когда нас вывезли из села и солдаты перестали ходить по улицам, Аслахан выпустил его из сарая. После этого собака, видать, пришла по нашему следу в Тавзини...

В 1956 году, когда мы вернулись из ссылки, Асламхан рассказал нам печальную историю, связанную с Борзом. По его словам, Борз через два дня вернулся домой. В нем трудно было признать того крупного, упитанного пса, каким он был раньше. Он еле держался на ногах, не реагировал на голос и шум. Асламхан ежедневно подносил ему пищу, но Борз ни разу не притронулся к ней. Пролежав несколько дней у дверей нашего дома, собака испустила дух.

Насколько я сегодня помню, в Грозный мы прибыли 26 февраля 1944 года к заходу солнца. В городе было по-весеннему тепло. Нигде не было снега. Нас начали грузить в вагоны. К каждой машине подавали что-то наподобие трапа, по которому взрослые и дети сразу же из кузова машины переходили в вагоны, перетаскивали туда свой немудреный скарб. Из всего увиденного и оставшегося в памяти от того дня мне больше всего запомнился закат, который не был похож на закаты, прежде мною виданные. Он был необыкновенно алым. О нем я часто вспоминал в депортации.

Вагоны с двух сторон были оборудованы двухъярусными нарами. Середина вагона оставалась как площадка, с которой люди поднимались и спускались. Не всем, правда, хватило мест: отдельные семьи, мужчины и подростки вынуждены были оставаться внизу, на площадке.

Каждый, кто поднимался на нары или спускался с них, вынужден был беспокоить находящихся внизу. Не проходило ночи, чтобы кто-нибудь в темноте не наступил ногой на тех, кто расположился на полу. Ощувив на своем теле чью-то ногу, люди вскрикивали, произносили проклятия. Такие ситуации часто становились причиной ссор между женщинами.

В вагоне было темно. Маленькие окошечки, находившиеся у самого потолка, были забиты досками, и через них едва проникал дневной свет. Какое-то время вагон днем и ночью освещался фонарем, который нашелся у одного из наших односельчан. В основном наш вагон был заселен элистанжинцами. Было в нем и несколько семей из Чеберлоевского и других районов республики.

Поезд из Грозного тронулся только поздно ночью. Сначала паровоз дал несколько гудков. Потом послышался лязг буферов. По вагонам пробежала дрожь, они задержались, и вслед за этим эшелон тронулся. Женщины начали плакать: слабая надежда, которая жила в людях до этой минуты, что все происходящее какая-то роковая ошибка, исчезла в одно мгновение. С этой минуты у людей уже не было прошлого. Не могли они представить, что их ждало впереди.

Двери вагона раздвигались только один раз в сутки – утром. Делалось это после остановки поезда на большой станции. Раздвинув двери, солдаты вызывали к себе двух-трех молодых людей и вместе с ними уходили на вокзал. Назад они возвращались с буханками хлеба и ведрами с кипятком. Ежедневно обитателям вагона выдавали селедку, и она служила причиной частых ссор между женщинами: всех мучила жажда, а воды не всегда всем хватало.

В первую неделю пути люди в основном питались теми продуктами, которые они сумели приготовить на сборных пунктах. Это были куры, которые в душном вагоне вскоре испортились и источали неприятный запах. Некоторые семьи, не желая выбрасывать испорченные продукты, употребляли их в пищу. Вскоре у них начались острые боли в животе. Началась дизентерия.

На площадке, которая оставалась свободной от нар, мужчины прорубили дыру в полу. Это было настоящим спасением в создавшейся ситуации. Соорудив над этой дырой ширму из кошмы, женщины спасали детей, страдающих от острой боли в животе. Но мучились не только дети. Взрослые, женщины и мужчины, стеснялись зайти за ширму и поэтому, как только поезд останавливался на какой-нибудь станции и двери раздвигались, старались быстро выбраться из вагона, найти у дорожной насыпи место, чтобы исполнить естественную нужду.

Эти вынужденные «вылазки» нередко оборачивались для чеченцев трагедией: молодые люди не сразу находили вагон, из которого сошли, отставали от поезда. Заметив отставшего, солдаты, находившиеся в тамбуре последнего вагона, расстреливали в упор.

Трагических случаев, подобных этому, было очень много. Так, например, выйдя из нашего вагона на одной из станций, не вернулся назад наш односельчанин Мусаев Узу, отец троих детей.

На больших станциях вагоны с переселенцами обходили и тщательно проверяли бригады санитаров. Они выявляли среди нас больных и умерших. Больных, если таковые обнаруживались, выносили из вагона. Родственникам врачи говорили, что их положат в больницу. Уносили санитары и трупы. Здесь бесполезны были просьбы и уговоры. Позже чеченцы старались скрыть больных и покойников, если они имелись в вагоне.

Поезд наш шел медленно, долго простаивал на больших и маленьких разъездах, пропуская встречные поезда, которые шли на запад. Мелькали пронесившиеся на «зеленый» свет железнодорожные платформы с орудиями и зарядными ящиками, открытые товарные вагоны с глядевшими на наш эшелон солдатами.

Трогался поезд неожиданно, – так, по крайней мере, нам казалось. Поезд иногда долго гонял вагоны то вперед, то назад. Непривычные к поездке на поезде, чеченцы падали с нар, получали серьезные увечья.

На нарах рядом со мной и бабушкой находился наш односельчанин (не хочу называть его имя). Это был мужчина шестидесяти пяти лет. С ним был сын-подросток. Мужчина этот почему-то претендовал на какие-то особые привилегии для себя и сына, перебранивался всю дорогу с женщинами. Сын должен вместе с другими подростками находиться на полу, но он занял место на нарах рядом с отцом. Но, как говорится, нет худа без добра... Этот парень перочинным ножом просверлил небольшое отверстие в стене вагона, и я имел возможность иногда понаблюдать за тем, что проплывало мимо нашего эшелона: видел пролетающие составы, на платформах которых стояли танки, самолеты и орудия. В ночное время видел далекие огоньки сел и городов.

Особо запомнилась мне остановка в Сталинграде. Здесь наш состав стоял с утра до вечера, и я имел возможность многое увидеть и запомнить. Запомнилась мне широкая привокзальная площадь, вся залитая водой. На площади все еще находились разбитые орудия, «скелеты» немецких и советских самолетов.

После того как мы миновали Сталинград, ландшафт начал резко меняться. Пространство, по которому следовал наш эшелон, было покрыто глубоким снегом. В нашем вагоне солдаты установили печку-буржуйку. На станциях стали выдавать дрова и уголь. «Буржуйка» быстро раскалялась докрасна, распространяя одурманивающий жар. Женщинам и детям делалось плохо от этого жара.

Не смогу никогда забыть одну из наших остановок. Было это где-то на пятые или шестые сутки пути. Стояли очень долго...

Бабушка, увидев, как в вагон стали заносить уголь и дрова, тихо обратилась к брату: «Яраги, скажи им (солдатам), чтобы они слишком не перегружали вагон, а то поезд может сломаться...» Бабушке хотелось как можно быстрее доехать до места... Боялась задержек из-за каких-то причин.

Когда слишком затягивались остановки, бабушка начинала волноваться, лицо ее делалось болезненным и грустным. Когда моя тетя Бала спросила бабушку, почему ее беспокоят длительные остановки, почему она начинает

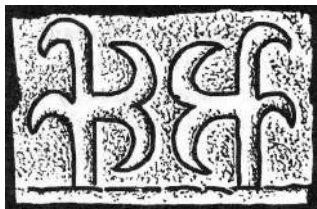
волноваться, она ответила так: «Я хочу быстрее приехать в Сибирь, чтобы увидеть своих сыновей и снох...»

С трудом скрыв свою душевную боль, тетя промолчала, не стала рушить ее надежды. В другой раз бабушка, обращаясь к брату, просила: «Яраги, скажи им, чтобы они быстрее отправили поезд...»

Бывают в жизни народа исторические моменты, когда в душах людей, в силу неумолимой необходимости, возникает внутреннее чувство особо прочного, несокрушимого единства. Таким трудным моментом для чеченского народа было выселение.

Осознание невозможности уклониться от участия в общей горе, в общем страдании было в то время пережито каждым чеченцем.

Выселение, как событие, было одно, но запомнилось и вспоминается оно каждому по-своему. Воспоминания об этих страшных днях, месяцах и годах не исчезают в череде прожитых лет, они постоянно живут в нас, волнуют. Память недоброго дня не отпускает...

*Дебют***Амина Садыкова****Изменения**

Изменение...

Такое слово глубокое –
Словно извинение,
Словно что-то далекое...

Это может быть древо высокое,
Может быть вовсе болезнь...
Да и смирение...

Это может быть откровение,
Что сдувает яд с сердец.
Это может быть омовение,
Что смывает грех, наконец.

Изменение –
Это может быть успех,
Радость в какой-то сфере.
Но чаще – это огрех,
Что позабыть не сумели.

О ссорах, боли, обидах –
это все сожаления.
Словно не должно быть
личного мнения,
Словно мысли читать чужие
В школах твоих недоучили.

За сомнениями следуют
Изменения.

Абдул-Азизу

Ты наш родненький малютка,
наш Абдул-Азиз!
Интересно, кем ты станешь –
весь такой сюрприз!

Я надеюсь, без капризов,
вырастешь ты в помощь мне:
Гвоздь забить, карниз повесить,
принести ли овощи...

Удиви же, гений, нас: в Оксфорде
Блесни умом! А потом обратно, в дом –
Не забудь, задачи есть:
сохранять семью и честь.

И проблема, и удача
служат испытанием.
Вот тебе задание:
Богу верный, знай Коран,
и прямым держи свой стан.
Доверяй, но проверяй –
находи в том знание.

Ты себя не запускай и
бери ответственность,
Будь уверен и веди –
лишь не будь
посредственным.

Никогда не ставь земное
выше благ Аллаха.
Если даже страшно – верь!
Это выше страха.

Мы поможем всем, что есть.
Тебя сильно любят.
Сохраняй Иман и Честь.
Остальное – будет.

Никогда не откроется дважды

Мастера усложнять,
 с «поясами мудренности»,
 Все, что просто – крутанут смерчем!
 Пусть чувства летят с края пропасти!
 Остановить уже некому. Нечем...

Зарази, заражайся, отталкивай:
 Ну, зачем нам нужны эти слабости?!
 Закаляйся другими и... сталкивай!
 Будь сомнительным героем повести.

Ну, зачем тебе жить так легко и просто,
 Когда можешь думать хоть сотню лет?
 Когда можно – и больно, и остро...
 Когда слово –
 смертельно разящий стилет?

И зачем выбирать всех тех,
 с кем тепло –
 Когда можно в болоте увязнуть?
 И зачем уже звать тех, с кем светло –
 Беспробудное дно не приятнее разве?

Разве радость (в каждом шаге весна!)
 Не растворяла тебя в невесомости?
 А унылая в пряди волос седина
 Не казалась мелочью в пропасти?

Разве можно было вот так проглядеть –
 Все, что стало важным однажды?
 Разве можно вот так все запереть –
 Что уже не откроется дважды?..

Идеальный мир

Иди ко мне! Я заняла тебе место –
 В том мире, где никому не тесно.
 Где у голоса твоего есть право,
 И где каждому найдется пара.
 Спешу звонить, места ограничены!
 В том месте, где люди не взвинчены.

В том месте, где лишь по душе работа.
 Где творишь ты добро –
 потому что охота!

Обговорим детали, родной человек:
 Об удобных условиях для калек,
 О цене жизни в мире без соли,
 О цене жизни в мире без горя.

Уникальное предложение, брат!
 Всем злючкам сразу – и шах и мат!
 Хочешь знать о цене мира без боли?
 Всего лишь рассудок да воля!
 Чего еще тебе более?

Зонтик

Проливной лил дождик
 На асфальт сухой.
 На двоих лишь зонтик
 Был на мостовой.

Они шли спокойно,
 В своих мыслях словно,
 Плыли не спеша,
 Оттого что счастье!
 Счастлива душа!

Мимо пары проходя,
 Опускают взгляд:
 Даже зависти глаза
 Им не повредят.

Прочь!

Любуясь тенями –
 Прыгать от счастья.
 Уехать бы с теми,
 С кем мы настоящие...

Чтоб в радость и стены,
 И камни в ботинках;
 Не зная чтоб лени,
 Смеяться на снимках...

Прощаться с видами на крыше,
Поплакать чуть-чуть при взлете...
А потом, все прелести жизни
Предвкушать в самолете...

Чемодан тяжеленный
Куда хочешь тащи:
Эй, друг мой любезный,
Да ты любишь жить!

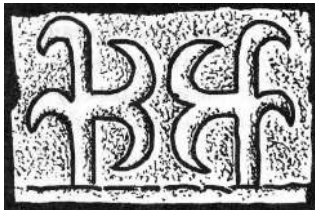
Любуясь тенями –
Двигаться дальше.
Уехать бы с теми,
С кем мы настоящие...

Когда реальность наступает

Когда падает реальность уже не дождем, а градом,
Когда со зла снимаются все преграды,
Когда грехи видны с закрытыми глазами,
Когда не смыть всю боль кровавыми слезами...

Когда ежечасно будут наступать перемены,
Когда устанут обсуждать чьи-то измены,
Пресытятся всем, но не прекратят поглощать –
Я предпочту ничего не понять и... сиять.

Как же хочется в эту минуту уснуть
И не ведать о жизненных тяжестях!
Если мир этот продолжает гнить,
Я прошу, не будите, пожалуйста!

Муса Бексултанов

Бухта «Крест»

Рассказ

Алхасту Париеву, с уважением

Странным было отсутствие всяких мыслей и воспоминаний. Казалось, мир, полный жизни, с людьми и городами, уже не существует, не существует ничего. Все ушло, ничего не оставив, стерлось, словно ничего и не было. Только вот эти большие и маленькие сопки. И снег, окутавший их... И частые метели.

Когда метель стихала, все так же собирали те же бульжники, и рядом все так же маячил конвоир. Он частенько бил кого-нибудь прикладом винтовки по спине. И человек падал... Вернее, легко опускался на землю, словно пушинка. У упавшего не хватало сил подняться вновь. Пытаясь подняться до следующего удара, человек неуклюже копошился, делая усилия выпрямиться, вставал на четвереньки, вновь падал. Наконец, поднявшись, силился идти дальше. Встав на ноги, дальше можно было двигаться, если обходить мелкие ямки и кочки...

Вечером, по пути в барак, если ты, споткнувшись о какую-то кочку, падал, товарищи подхватывали тебя и волокли дальше, пока не заметил конвой. Волокли, сколько могли. Надолго сил у них не хватало. Каждая ямка и кочка на дороге были хорошо знакомы, издали, осторожно обходили их, едва отрывая ноги от земли, чтобы не потерять равновесие и не упасть.

Кроме проклятий, криков, брани да бесконечного снега, ничего не было ни слышно, ни видно. И никто не знал, в чей адрес эти брань и проклятия... Вернее, никто об этом не задумывался.

Наутро, когда поднимались после команды «Подъем!», твой сосед не шевелился.

Он лежал мертвый, уже опухший, весь окоченевший... Никто не знал, как или когда он умер... Да и не обращал на это внимание. Никто ничему давно не удивлялся... Человеческие эмоции умерли... Или их и не было никогда...

Все желания, мечты и стремления сводились к одному: поесть и согреться. И чувство голода и холода не покидало никогда. После водянистого супа на ужин, без каких-либо добавок или жира, хотелось поскорее лечь спать с крохотным кусочком хлеба, спрятанным тобой за пазухой. От хлеба всегда шел тяжелый, дурманящий запах.

Невозможно было насытиться этим чудесным запахом, хотелось, чтобы этот запах впитался во все твоё тело, в одежду... Хлеб был тяжелый, пропитавшийся влагой настолько, что его можно было отжимать. Он был

сделан из отходов семян подсолнечника.

Кусочки хлеба не жевали, их долго обсасывали на языке, глотая образовавшуюся жижу, чтобы хоть ненадолго обмануть желудок. Живот постоянно урчал, как голодное животное. Доев хлеб, тщательно облизывался, глотая слюни, стараясь найти языком застрявшую между зубами крошку.

Разговоров не было никаких: не было слов для бесед, все слова были забыты. Ночью мечтал о жидком супе на завтрак, днем мечтал о трех ложках каши на обед, и опять – вечер...

Вечер был самым желанным временем суток, потому как ты мог лежать, свернувшись калачиком и посасывая кусочек хлеба на языке.

Сна не было. Вши лишали всякого шанса уснуть... Просто отключался от жизни, проваливаясь в забытие. Лежа вот так, в забытие, перед мысленным взором вставал транзитный лагерь в Находке. Вас было шестнадцать тысяч человек там, бывших военных, от солдата до генерала, арестованных уже после войны. До вас здесь были немецкие военнопленные.

На всей территории лагеря невозможно было найти ни травинки. Всю траву, вместе с корнями, съели они, немецкие военнопленные. Раз в сутки привозили воду в автоцистерне. Весь лагерь приходил в движение, пытаюсь добраться до воды. Но вокруг цистерны выстраивалась вооруженная охрана, чтобы не допустить беспорядков. Когда цистерна пустела, охрана открывала огонь поверх толпы, рассеивая ее.

Если это не действовало, то вторую очередь из автоматов давали уже под ноги толпе, и комья земли летели людям в лица. Когда толпа арестантов расходилась, вокруг цистерны оставалось валяться до двух десятков трупов. Никто из заключенных не оглядывался на трупы. В сутки в лагере выделялось триста граммов хлеба на человека. Этот хлеб разламывали на множество мелких кусков, чтобы как можно дольше продлить процесс жевания, обманывая желудок. Бывало, хлеб обменивали на курево... Умиравший от голода часто менял последний кусочек хлеба на махорку. Так и умирали порой, в последний раз затягиваясь табачным дымом. За три дня так и не получив ни капли воды, потерпев неудачу и на четвертый день, ты понуро шел в барак, когда тебя остановил такой же несчастный, как ты.

– Откуда? – спросил он тебя.

– С Кавказа, – обронил ты в ответ.

– Да ты че, «хозяин»-то с Кавказа, оттуда, – сказал он, – давай, пойдём, дашь мне глоток...

Заняв большой угол камеры, на щедро подстеленных шинелях и бушлатах лежал человек с запрокинутыми за голову руками, задумчиво глядя в потолок, закинув ногу на ногу. Вокруг него было много людей, все урки из пересыльной тюрьмы. Ты издали громко поздоровался по-чеченски. Человек вскочил, как ошпаренный, торопливо поправляя ворот рубахи. Ответив на приветствие, он спросил, кто ты.

– Я Париев из Хильдехороя, отца звали Пхари, – ответил ты. – Мое же имя – Алхаст.

– Ах, ты сын Пхари, значит! Знаком, конечно, знаком... Проходи,

сначала присядь, – смущенно засуетился он, как мальчик, то краснея, то бледнея, словно его поймали на мелком воровстве.

Он оказался сыном Сулдаева Магомеда из Хачароя, бывшим начальником Итум-Калинского райотдела милиции, а позже и офицером НКВД Шалинского района. И звали его Ахмед. Ты много слышал о его отце, даже видел несколько раз. Он дружил с твоим отцом Пхари. Ты заочно знал и его, Ахмеда. Знал, что от его руки погиб человек и что он отбыл за это десять лет лагерей. Сейчас он сидел второй срок. Продуктов питания и воды у Ахмеда оказалось в изобилии, как в государственной столовой.

Вы там провели вместе около двух месяцев. И все это время ты ни в чем не нуждался. Воду ему урки привозили сколько нужно. Также обеспечивали и продуктами. А он контролировал лагерь. Он поднимал лагерь на бунт по своему желанию. И бунт стихал по одному его слову.

Когда на улице раздавались шум и крики, означающие прибытие автоцистерны с водой, один из урок брал в руки алюминиевую кастрюлю и шел вперед, стуча по ней ложкой, с криком: «От хозяина!»

Однажды пошел ты, несмотря на протесты Ахмеда. Ты хотел воочию увидеть, как можно добраться до воды. Когда с криком: «От хозяина!» – ты ударял ложкой по кастрюле, поднятой в левой руке, люди разбегались, как овцы от волка. Люди убегали с твоего пути, а упавшие торопились отползти. Потом устраивали потасовку, пытаясь занять очередь за тобой. Когда ты возвращался с водой, люди опять расступились, открывая тебе широкий проход.

Это и в самом деле было удивительно, что столько людей так сильно боятся одного человека.

– Что ты сделал с этими людьми, Ахмед? – спросил ты его. – Они страшатся тебя, как овцы волка.

– Да это последствия еще той, первой отсидки в лагерях, Алхаст, – отмахнулся он. – И всякие разговоры оттуда.

Однажды во время прогулки в лагере началась драка. Когда всех разняли и успокоили, один никак не мог уговориться, наезжая на всех подряд и обзывая суками, стукачами. Ахмед попросил его остановиться, представившись, назвав лагерь, в которых он сидел, и также назвав несколько имен уважаемых в той среде людей.

Тот ответил, что для него никто не авторитет, ни ты и никто другой. В мгновение ока тело Ахмеда стрелой вытянулось в воздухе, в прыжке, нанося ему жестокий удар головой. Послышался глухой хруст. Человек упал навзничь, с окровавленным лицом, крестом раскинув руки. Урки сразу схватили его за ноги и поволокли куда-то. И его голова безвольно стучала по земле.

– С ними бессмысленно говорить мягко, Алхаст, – сказал тебе Ахмед. – Им незнакомо чувство милосердия. С ними нужно быть жестоким, как с кровным врагом. Никогда не делай им добро, посчитав их за людей, они не понимают наше добро. Они не будут тебя уважать, если ты их не будешь бить.

Через два месяца Ахмеда этапировали в Магадан, а ты остался. Он очень хотел забрать тебя с собой. Но тебя не пустили. Ахмед был уголовником, а

ты «изменником Родины». Твоя статья была тяжелой.

– Смотри, Алхаст, смотри. Будь жестоким и еще раз жестоким... Будь жестоким, но справедливым. Забудь о милосердии, мы не у себя дома, – напутствовал он тебя на прощание, крепко обняв. Больше ты Ахмеда не видел.

В лагерях с мертвыми не церемонились. Здесь, на Чукотке, было так же. Первые несколько дней труп прятали в бараке, переноса с места на место, пытаясь получить на него пайку хлеба. В конце концов его обнаруживали. Но прежде чем труп заберут, его раздевали догола. Обладателями этих вещей всегда становились урки. И хлеб с сигаретами у них водился всегда. Даже сахар, бесценный продукт, водился у урок. Они часто ночью совершали убийство неугодных им людей... Душили полотенцем. Убивали даже за понравившийся предмет одежды или попытку сопротивления при ограблении. Они в жестокости и насилии превосходили руководство лагеря, даже эту власть и весь этот мир. Этот мир, эта власть и они были заодно, у них были одинаковые цели и методы. Власть расправлялась через них. Им все было можно... А рядом с ними всегда находился кто-то из шнырей, наблюдая за баракком.

Барак затихал. Бараку было глубоко наплевать на их дела. Барак видел сны: горячий, румяный хлеб, ароматный борщ.

Однажды они попытались ввести свои законы и в твой барак, ломая с трудом поддерживаемый тобой порядок. Ты запретил.

– Мы же тебя не трогаем, чечен, и ты нас не трогай, – сказали они тебе, – тут другой кодекс.

Ты опять запретил. Ваша дискуссия перешла в ссору. Вы начали перебивать друг друга. В конце концов началась драка, где ты разбил голову одному из них.

– Все, все! Замяли! – уступили они. – Обсудим.

Тогда начали действовать исподтишка, своими уловками пытаясь посеять ненависть к тебе, чтобы настроить против тебя всех. Ты на каждое проявление неуважения к себе избивал, не жалея сил, словно это был твой последний в жизни бой. Два раза ты чудом избежал смерти, когда они попытались тебя ночью задушить подушкой. И оба раза ты им отомстил так, что они долго просили прощения.

Позднее вас, приговорив к различным срокам (к пятнадцати, двадцати, двадцати пяти годам), распределили по три тысячи человек по всему Крайнему Северу, фактически навечно. Тебе дали двадцать пять лет. И статья была – «ИР». «Изменник Родины».

Ты был призван в армию перед войной. И прошел всю войну. Несколько пуль застряло в теле. А на груди болтались несколько алюминиевых побрякушек, полученных в награду от советской власти. Два раза был представлен к званию Героя...

Освобождая города и страны, скорбя над «братскими могилами» и салютуя в честь павших товарищей, дошли до Югославии. Там тоже встречали со слезами, как освободителей. Люди беспрестанно несли продукты, вина, радовались вам.

Ты вместе с одним лейтенантом, Василием Козловым, оказался пьяным в гостях у одной вдовушки, дальше ты уже ничего не помнил. Солдаты вашей части связали вас и забрали, подталкивая прикладами автоматов: оказалось, что вы провели у вдовушки трое суток.

В эти несколько дней со всех городов, из всех частей было много арестованных военных, людей разных национальностей: татар, украинцев...

Возвращающиеся победителями с неслышанно жестокой войны, похоронив в разных краях павших братьев по оружию и неся боль от ранений и воспоминаний, бойцы вместо ожидаемого воссоединения с семьями и родными напрямик отправились в лагерь. А потом там их начали перемалывать, как зерна на мельнице, раздавили под пытками в следственных камерах, на допросах ломали ребра, разбивали черепа, выбивали зубы. Самую тяжелую войну предстояло еще пережить.

Все статьи Уголовного кодекса, сваленные в одну кучу, как продукты в торбе нищего, были против них. Они были «изменниками Родины», предателями народа, они «оказали содействие Гитлеру, тем самым продлили войну».

Все было против них. Весь мир, вся власть и весь народ. На их же стороне не было никого.

Из трех тысяч человек, в числе которых был и ты, отправленных на Крайний Север, первую зиму и весну пережили только около трехсот человек. Да больше выжить и не могло. Две недели они плыли по незамерзшему еще морю. Потом, сойдя на берег, еще восемь суток шли пешком по лесу. Снег был по колено, местами по пояс. Вас разделили по тысячу человек, выдали сухарей на пять дней и дали команду отправиться.

В пути еще раз разделили на группы по десять человек. Один шел впереди, торя дорогу, остальные – по его следу. Через три километра идущий впереди менялся со следующим. И так менялась вся группа.

Дорогу прокладывали ногами. Просто пробивали след. Ночевали там же, где заставляли сумерки. Валили деревья, разжигали костер и спали вокруг него. Через восемь суток такого пути, в послеобеденный час, подошли к столбу, вбитому в землю прямо в заснеженном поле. Поперек столба была прибита доска. На ней была надпись «Бухта «Крест». И больше ничего.

Под вечер стали постепенно подходить и остальные. Переночевав там, наутро начали строительство бараков. Густо покрыв затоптанный снег ветками, поверх них клали бревна, готовя пол. Вокруг строили нары в несколько ярусов. Потом натягивали брезентовую палатку, закрепляя ее на столбах, вбитых в пол. Ночью, когда разжигали железные печи, снег под полом начинал таять, и барак наполнялся тяжелой, влажной вонью, поднимался пар, словно туман. Становилось трудно дышать. Так погибло много людей, от холода и болезней. Убивали урки, некоторые кончали жизнь сами, перерезая вены. Но количество (три тысячи) всегда оставалось неизменным. Потери восполнялись новыми арестантами. Вновь прибывшие умирали быстрее. Людям невысокого роста, щуплым, было, оказывается, легче выжить. Рослым, крепкого телосложения было труднее – не хватало еды.

Брезентовая палатка мало защищала от стужи. А круглая железная печь быстро остывала, мало выделяя тепла. Выдача дров на обогрев была нормирована. Эта норма кончалась очень быстро. И тогда до утра в палатке гулял холодный ветер. Под бревнами образовывалась ледяная корка. А наутро нескольких человек находили мертвыми, задубевшими на морозе. Их выволакивали наружу, клали на сани и увозили куда-то. Никто не знал куда. Оставшиеся весь день собирали булыжники, складывая из них маленькие и большие сопки.

После метели эти сопки откапывали из снега и вновь складывали уже в другом месте. Весна и лето приходили на Чукотку одновременно, без всякой временной грани. И длилось теплое время года только суток сорок. Даже снег не успевал таять.

Весной среди камней прорастали кое-какие травы, можно было найти грибы. Они очень помогали выжить. В первую весну погибло особенно много людей, отравившись грибами. А точнее, автолом.

Неподалеку от их лагеря начиналось море. По берегу этого моря стояло множество металлических бочек с автолом. Говорили, что эти бочки оставили американцы, привезшие их сюда для чего-то, но после войны бросившие. Ночью ходили туда на берег воровать этот автол. А потом в консервных банках жарили грибы на автоле, используя его вместо масла. В бараке устанавливался стойкий запах нефти. В первые два дня ничего не происходило. А потом начинали умирать от кровавого поноса, почти сплошь состоявшего из автола. Штаны сзади приобретали угольно-черный цвет, что очень веселило охранников, не упускавших случая поиздеваться над несчастными арестантами.

Человек прямо на ходу вдруг падал и умирал. Умирили с открытыми глазами, с мутными, без признаков мысли, глазами: видимо, физическое истощение вызывает и истощение глаз. Присевшего передохнуть часто можно было найти мертвым. Конвоир начинал клацать затвором и браниться, держась от арестанта на расстоянии. Человек не шевелился. И когда озлобленный конвоир бил человека ногой по ребрам, то труп бесшумно опрокидывался, как гнилое дерево.

Изредка можно было найти под тающим снегом выбеленную временем косточку какого-нибудь животного или птицы. Ее прятали мгновенно за пазуху, пока никто не увидел – стучачей в лагере было много. Вечером эту косточку дробили камнями в мелкую крошку и на ней готовили суп из талой, снежной воды. Пытаясь получить хоть немного жиров, пили потом это пойло. Но жирам там неоткуда было взяться.

Раз в год, а если повезет, то и раз в полгода, удавалось согреться. Если рядом находился вооруженный конвоир, то о тепле не стоило и мечтать. Все сводилось на нет непреходящим чувством страха. Согреться удавалось, если вас вдвоем с кем-то направляли на более-менее легкую работу. На такие работы обычно посылали самых слабых: вам выдавали дневную норму работ и оставляли в покое. Даже привычный конвой не маячил рядом: бежать было некуда, да и сил не было бежать. И тогда вы тайком разжигали костер в какой-нибудь яме, маскируя дым, и поочередно грелись у костра, пока другой

выполнял работу. Норму в любом случае невозможно было выполнить.

Так, сидя два-три дня на пеньке у костра, грея руки, подсушивая у огня листву, чтобы свернуть самокрутку, ты мечтал лишь об одном: чтобы не появился проверяющий. Согревшись, пальцы рук начинали мучительно болеть. Пытаясь согреться полностью, пускали дым за пазуху, чтобы он пропитал всю одежду и тело. И не было запаха приятнее запаха дыма. И вот в такие мгновения, когда ты сидел у костра без конвоя и потихоньку отогревался, перемешивая листву... Такие мгновения обманывали, уводили мысли от реальности, хотелось жить, верить в счастье.

Несмотря на твои сомнения, Бог всегда был с тобой, и ты искренне верил в Него, когда тебе было хорошо. Бог был твоим единственным другом, твоим самым близким и родным другом. Бог проявлялся в огне, в еде и в сне. А когда неожиданно твой товарищ вскрикивал: «Идет!» – тебе хотелось плакать навзрыд, упав навзничь и скуля, как ушибленный щенок. Ты уже жалел о тех мгновениях, костре, о минутах покоя и обманчивых мыслях о жизни.

В следующий раз такой день мог прийти через полгода-год. И все повторялось вновь, ты так же обманывался, так же хотелось рыдать и так же жалеть об этом «счастье». Но, несмотря на все, ты мечтал снова о таком дне, мечтал о покое, о сожалении и желании рыдать.

Тот, кто переставал бороться хоть на один день или на мгновение, сразу же замерзал. И тогда его клали на сани и увозили куда-то. Если увозили, то навсегда. Главное – нельзя было расслабляться даже на секунду, надо было бороться с самим собой, со всем миром, чтобы выстоять. И только одно это желание поднимало на ноги утром, и это желание борьбы возвращало тебя вечером в барак.

Нельзя было оглядываться на людей. Люди устали бороться. Тогда и у тебя иссякали силы, и ты проигрывал. Чтобы выжить, ты перестал думать об окружающих, как будто в целом мире был только ты один и больше никого. Ты чаще начал думать о камнях, деревьях, нежели о людях. Их тоже, как и тебя, занесли ветра судьбы в этот холодный, голодный край земли без спроса. В них тоже пульсировало сердце, по жилам деревьев текла их кровь, а в корнях покоились их души. Уставший от борьбы камень трескался, рассыпаясь в песок, а дерево метель вырывала с корнем.

Они каждый день, каждый час и мгновение противостояли в вечной борьбе этому холоду, метелям и голоду. А вместе с ними и ты, изо дня в день повторяя одно и то же, все так же поднимаясь с рассветом и возвращаясь в барак с сумерками, все так же обсасывая влажные кусочки хлеба, все так же борясь со смертью. Ты долго боролся, долго противостоял, наблюдая за своими товарищами, с каждым днем уносимыми на санях. Ты наблюдал так уже десятую смену.

Ты держался хорошо до одного морозного утра декабря пятидесятого года.

В это утро ты не смог встать.

В это утро тебе все надоело.

В это утро ты потерял надежду, забыл мечту о жизни.

– Тебя убьют, вставай! – попросили тебя товарищи.

– Я и хочу умереть. Я устал! – ответил ты. – Я не могу покончить с собой – не позволяет ненависть.

– Пулю на тебя пожалеют, не жди. Тебя затопчут, – сказали они тебе вновь.

Ты не поднялся. Вместо того, чтобы бороться за жизнь, ты выбрал смерть. Бороться за жизнь, не вступая в конфликт со своей совестью, было мучительно тяжело. Чтобы хоть немного насытиться или согреться, нужно было кого-то заставить плакать, отнять у кого-то его жалкий кусок. А это было очень низко. Ты никогда не смог бы так поступить. Когда твои товарищи поняли, что ты решил не вставать, они положили тебя на сани и взяли с собой на берег пролива, чтобы тебя не убили те, другие... Они взяли тебя из чувства ненависти к ним, чтобы лишиться их этой садистской радости убийства. Зима, как всегда, была холодная, и тяжелый туман стлался над проливом.

Туман клочьями висел и над мерзлой землей, словно отяжелевшие от снега ветви деревьев. Солнца никогда не было видно, ты не видел восхода и захода солнца. Но ты знал, что солнце где-то есть, замечая, как облака светлеют. Вместе с туманом на землю ложился тяжелый, жесткий иней. Ты лежал на саях лицом вверх, следя за своими товарищами: ты хотел умереть.

Всю эту зиму вас водили на работу на пролив. На скованный льдом, гладкий, как бескрайняя степь, пролив. Вы занимались выдалбливанием из ледяных оков отдельных бревен, оставшихся в воде летом, когда лес вывозили на баржах. Человек за целый день едва мог вытащить изо льда три таких бревна. Ваши ломы были очень тупы. Ломы были очень тяжелыми. А лед был твердый, как кремь. При ударе лома о лед боль отдавалась по рукам до самых плеч, на какое-то время отнимая руки.

Утреннего супа хватало на час работы. Через час уже не хватало сил поднимать лом.

После часа работы ты просто бродил по льду, изредка ударяя ломом, усиленно делая вид, что работаешь. Если ты не останавливался, не приседал передохнуть, то не ругали и позволяли на обед съесть три ложки каши. «А зачем я лежу здесь, пытаюсь умереть от голода? – подумал ты вдруг... – Я лучше встану и пойду вперед вдоль берега. И тогда без сомнений получу пулю в спину или затылок. А после этого выстрелят еще два раза, чтобы было три пустых гильзы для предъявления начальству!»

Заклоченного всегда убивали таким образом, не делая предупредительных выстрелов в воздух. Сначала убивали, а потом еще два раза стреляли в воздух. Никто не смел рассказать об этом начальству. Пожаловавшегося быстро убивали, да и не было смысла жаловаться, ничего бы не изменилось.

Ты встал с саней и, повернувшись спиной к конвою (они как раз сидели вокруг костра, отогреваясь чаем и сигаретами), медленно пошел вперед, ежесекундно ожидая выстрела, весь превратившись в слух, гадая, куда попадет пуля, в затылок или спину, под левую лопатку... Ты шел, а выстрела не было. Выстрел никак не хотел раздаваться. Ты вдруг обернулся, не зная, как далеко ты ушел или сколько времени прошло. Не было видно ни души. Все так же лежал тяжелый туман с инеем, и была глухая, давящая тишина.

Тогда ты не решился повернуть обратно. Ты решил: все равно где-то умру, и потому продолжил свой путь вперед. Ты ушел довольно далеко (три-четыре километра), когда наткнулся на длинное (около двухсот метров) строение.

Строение было сложено из снега... Или укутано снегом. На дальнем конце строения виден был дымок. «Огонь!» – мелькнуло у тебя в голове. Когда ты вошел, распахнув обитую брезентом дверь, внутри было темно, хоть глаз выколи.

Через какое-то время, когда глаза немного привыкли к темноте, ты заметил полоску слабого света от огня, идущую от дальнего конца строения. Ты понял, что огонь горит в печи. Когда ты пошел вперед, к огню, ты с трудом мог протиснуться сквозь узкий проход. Справа и слева штабелями было уложено что-то. Перед печью стоял чурбан. Много наколотых дров. И никого рядом.

Хорошенько отогревшись, ты захотел узнать, что это за строение. Повернувшись в сторону от огня, ты увидел вдоль обеих стен строения уложенные штабелями голые трупы людей. Ты вскочил, как ужаленный, с вытаращенными глазами. Сердце перепугалось более, чем разум. Оно отчаянно колотилось.

Ты тут только понял, куда, оказывается, увозят трупы. Ты понял и причину слухов, упорно ходивших по лагерю, что кое-кто из лагеря ходит поедать трупы. Эти слухи были очень упорны, хотя ни одного свидетельства или доказательства не было. Ты со всех ног бросился бежать оттуда. Выскочив на улицу, ты устремился в сторону, откуда ты недавно пришел.

– Стой, людоед, стрелять буду! – послышался сзади окрик.

Ты остановился с поднятыми руками: «Вот и смерть, – мелькнуло в голове, – и такая нелепая...» Сторож завел тебя обратно в строение, толкая в спину дулом винтовки. Он был такой же, как ты, арестант, но их арестант, продавшийся им, работающий на них, которого они в конце концов и убьют сами. Сторож обошел все штабеля трупов, светя себе карманным фонариком, в поисках свежих следов отрезанного от трупа мяса.

Свежих следов не было, но было много старых – следы отрезанных кусков от бедер, икр и других частей трупов.

– Если кто узнает, что ты тут был, тебе капут, – сказал он, выводя тебя на улицу и ударом приклада в шею валя на землю.

Ты торопливо отполз подальше, потом вскочил и со всех ног бросился в сторону пролива... Прежде чем что-то увидел, услышал звук ломов, долбящих лед. И тогда ты опустился прямо в снег, не имея сил идти дальше. «Если это везенье, то тебе слишком везет, – вспомнил слова командира своей части, сказанные им, глядя ему в глаза и поигрывая правой рукой пистолетом, – не так ли, или фриц твой брат тоже, чечен, да?» Они тогда стояли в лесу в Белоруссии. Немцы тоже были недалеко, в пяти километрах от них... Перед тобой поставили задачу взять четырех солдат и доставить «языка», желательно офицера.

Была глубокая осень с ее бесконечными дождями. Дождь в ту ночь

тоже шел. Территория расположения немцев была со всех сторон наглухо закрыта высоким трехметровым частоколом. В районе тридцати метров от частокола вся территория была тщательно расчищена от деревьев и травы, а поле было вспахано. На расстоянии видимости друг от друга под навесами над частоколом стояли посты. Над самым частоколом в двадцати метрах друг от друга на высоких столбах горели по два прожектора. Один из них светил наружу, а другой внутрь частокола.

Незамеченными приблизиться к частоколу не было шансов. А если бы и удалось каким-то чудом приблизиться, все равно были бы расстреляны. Вы все вместе побежали к частоколу. Ноги увязали в грязи, образовавшейся на вспаханном поле. Вас заметили. Раздались крики. Автоматные очереди. Сирена. Прожектора начали обшаривать небо и все пространство вокруг. Вы побежали обратно в лес. Не добежали. Никто не понимал, что происходит. Вокруг творился ад. В ту ночь по вам открыли огонь из всех мыслимых видов оружия, которое только было у немцев на вооружении.

Подброшенный взрывом гранаты, ты заметил в воздухе чьи-то оторванные руки и ноги. Ты упал в какую-то яму, а вслед за тобой и комья земли. Стрельба и взрывы не прекращались несколько часов. Стрельба велась по всему периметру лагеря. Немцы подумали, что их окружили и это штурм. Ты почувствовал тепло в левом колене и в левой ступне. Перед самым рассветом, когда стрельба начала утихать, ты выполз на опушку леса. Там лежал один из вас. Нога, оторванная у самого бедра, неестественно удлинилась. Ты забрал его документы с собой.

Услышав шум боя, вас, оказывается, искала вся ваша часть. Тебя уложили на сделанные носилки из веток и отволокли в часть. Командир пригрозил тебе военным трибуналом за то, что ты единственный выжил. «Если это везенье, то тебе слишком везет, Париев! Не так ли? Или фриц твой брат тоже, чечен, да?»

Тебя месяц держали под арестом. А потом тебе дали снайперскую винтовку. Ты стал снайпером-одиночкой. Это была проверка. Ведь будучи снайпером-одиночкой, легко можно было дезертировать или сдать немцам. Ты должен был забрать документы каждого убитого тобой врага в качестве доказательства. Ты три месяца провоевал таким образом. Принес достаточно документов, иногда не было возможности их забрать. Позднее, когда немцы отступили, ты еще раз заглянул в глаза смерти. Ваша часть была сильно побита, было слишком много потерь, а постоянное недоедание и вши ослабили выживших. «Мы постоянно были на самых трудных участках фронта и ни разу не отступали, – сказал вам как-то командир, построив часть. – Поэтому решено сменить нас на этом участке. Нас же отправляют на месячный отдых на курорт. Соберите ваши свои и саперные лопатки, почистите и приведите в порядок оружие. Вечером тронемся. До станции идти пятнадцать километров».

Это было зимой, в феврале месяце. Все ваши приготовления – это прогладить ручным утюгом вшивую форму. Утюг был один на всю воинскую часть. Вечером вы, построившись в колонну, вышли в путь на неизвестно где находящийся курорт, закуривая на ходу и перешучиваясь.

Около двенадцати часов ночи вас остановили в открытом поле, у какой-то железной дороги. «Здесь будут проходить отступающие немцы, – пояснил вам командир. – Их надо взять живыми. Слушай мою команду! Нужно окопаться вдоль этой железной дороги, в бой не вступать. По моему сигналу, когда выстрелю из пистолета, вы должны направить на них оружие и арестовать. Вопросы есть?»

Никто не посмел задать вопрос. Ровно через три часа вы заметили цепочку людей, растянувшуюся по железнодорожному полотну. Послышалось их пение.

Когда немцы оказались в вашем кольце, раздался пистолетный выстрел, и вы, разом вскочив, направили на них оружие. Немцы дружно подняли руки. Немецкие солдаты были упитаны, несмотря на зиму, они шли с засученными рукавами, с заткнутыми за пояс пилотками, у каждого за спиной висел вещмешок, в котором были и еда, и питье.

Кто-то из вас напал на немцев, потом еще пять-шесть человек, а потом пошла тотальная драка, точнее избиение. Командир кричал, стреляя из пистолета в воздух. Но тщетно. Начался рукопашный бой... И невозможно было понять, кто с кем дерется, кто кого бьет и кто погибает. Озлобленные от постоянного недоедания, холода и лишений люди дрались жестоко. Их оружие было все тело, включая зубы. Они хотели наесться, отогреться и отдохнуть. Смерть для них была свободой, избавлением, как для других людей жизнь. Перед рассветом немцы вскричали: «Гитлер капут! Гитлер капут!»

Вас разъединили. Когда рассвело, собрав немецких солдат в одном месте и выставив вокруг них охрану, командир обернулся с криком: «Париев! Ко мне!» Он поставил тебе задачу обследовать место засады в поисках спрятавшихся. Нашедших ты не имел права убивать, должен был взять живыми.

На войне эта задача была самой трудновыполнимой. Это означало смерть. Внимательно осматривая территорию вдоль железной дороги, ты заметил пятерых офицеров, спрятавшихся под каким-то навесом. Ты арестовал их. Когда ты их отконвоировал к другим пленным, один из них, видимо старший по званию, отдал другим офицерам какую-то команду на немецком. Те построились в шеренгу. Тогда тот, кто отдал команду, вытащил пистолет и выстрелил каждому из четырех офицеров в висок. Последним выстрелил себе, тоже в висок.

Ты потерял чувство времени и пространства. Ты видел девятизарядный пистолет в руках своего командира. Ты в очередной раз видел свою смерть. Командир молча долго и пристально глядел тебе в глаза. У тебя по спине вниз побежал ручеек пота. «Собаке – собачья смерть, Париев!» – обронил наконец командир, с ухмылкой пряча пистолет в кобуру. Ты медленно сполз в снег. Смерть еще раз миновала тебя.

Этот же командир и передал тебя позднее вместе с другим офицером, Василием Козловым, военному трибуналу, арестовав вас в доме у той злополучной вдовушки в Югославии.

Ты довольно долго просидел там, пока не пришел в себя. А потом, когда

туман еще более сгустился, присоединился к своим товарищам, долбящим лед.

В ту ночь тебя впервые посетила мысль о побеге с Чукотки, хотя не было ни одного побега отсюда за эти шесть лет. Побег, конечно, совершались, но никто не уходил, некуда было идти, да и сил не было тоже. Совершившего побег убивали и в тот же день привозили обратно в лагерь. Так привезли двух литовцев и одного татарина, их сдали чукчи. Когда снег с холмов начинал сходить и вечнозеленый кустарник стланик обнажался, вдали появлялась маленькая, темная точка. Это был чукча, приехавший поставить юрту. Через пару дней приходил табун большерогих оленей.

Чукчи брезговали есть их сухарики из подсолнечного жмыха. Откусив пару раз, выплевывали и выкидывали. Мясо ели сырым, отрезая ножом тонкие ломти. И кровь стекала по подбородку. Эти трое сбежали ночью, когда бараки затихли в мечтах и сновидениях. Остановились у чукчей, чтобы немного отдохнуть и запастись провизией. Когда, поев и согревшись, они прилегли, чтобы поспать часок перед долгой дорогой, чукча, подождав, когда они уснут, запряг оленей и, безжалостно их погоняя, прибыл в лагерь с доносом. Проснувшись и не увидев чукчу, они все поняли и со всех ног бросились обратно в лагерь, чтобы погоня застала их на территории лагеря, отлично понимая, что за лагерем конвой расстреляет их сразу.

Они столкнулись с погоней всего в двух километрах от лагеря... Но это их не спасло. Их убили и тела привезли, по обыкновению, в лагерь. Ты увидел их окоченевшие тела утром, перед бараком, куда их сбросили с саней солдаты. Им стреляли в спину, а потом каждому сделали выстрел еще и в голову. Литовцы и татары были достойными и мужественными людьми. Литовцы умирали молча, без стенаний и вздохов. Они верили во что-то. Или ни во что уже не верили... Если литовец произнес: «А я устал. Пойду я», – не было никаких сомнений, что он решил умереть. Он тогда брал в руки камень и молча шел прямо на конвой, глядя им пристально в глаза. Или отделялся от бригады, поворачивался спиной к конвою и уходил. Это неизбежно заканчивалось его гибелью.

Однажды зимним утром лагерное начальство объявило подъем еще до рассвета. Они были в то утро с вами необычно вежливы, в голосах и взглядах появились просительные нотки, уговаривали вас объединиться с ними для борьбы против американцев, окруживших лагерь. И тогда лагерь поднялся на «борьбу за свободу». В принципе, обитателям лагеря не было никакой разницы, против кого бороться: против американцев, немцев или советских солдат. Им просто хотелось досыта поесть, отдохнуть, уйти отсюда куда глаза глядят. Но окружившие лагерь солдаты оказались советскими. Они убили некоторых из вас, пока вы поняли, кто они. Вас освободили от работ на три дня. И все эти дни вы пировали, вам выдали невиданные угощения: консервы, рыбу, сахар, хлеб, масло. Вы не понимали, что происходит.

На четвертое утро вновь прибывшие солдаты поговорили с каждым из вас, предлагая рассказать о своих жалобах. А еще через несколько дней вашего прежнего начальства и охраны уже не было. Весь состав был другим. Были слухи, что всех прежних расстреляли. Вы все еще ничего не понимали.

Потом самых слабых из вас, шестьдесят семь человек, отделили от остальных. Среди них был и ты.

– Сашка, я верю, Бог есть! – сказал тебе татарин.

– Я тоже, – ответил ты.

Этот татарин был твоим другом, которого ты защищал от урок. У тебя не было с урками никаких контактов. Ты знал их, а они – тебя. У тебя было свое место, и все это знали. И любой конфликт с тобой мог быть разрешен только смертью одного. Умирать никто из них не хотел. Отделенные шестьдесят семь человек на следующий день вышли в пятнадцатикилометровый путь, взяв курс на другой лагерь. Ты даже не знал, что такой лагерь существует. Ровно на полпути к лагерю поднялась сильная метель, лишившая вас возможности что-либо увидеть или услышать. Не было сил идти. И неизвестно было, куда идешь. Ты падал, поднимался и снова падал, татарин кричал тебе:

– Сашка, Сашка, умрем, вставай! – и пытался тебя волочить.

В конце концов ты опустился в снег, почувствовав приятное тепло по всему телу. Рядом, тормоша тебя, рыдал татарин. Ты же в это время видел сны.

– Ампутировать... Василич, и только... – были первые слова, дошедшие до сознания.

– Нет, – послышалось в ответ.

Потом почувствовал, как что-то тупое режет руки. Опять потерял сознание.

Когда через несколько дней ты пришел в себя, ты лежал на кровати.

Обе ладони твои, включая пальцы, были прооперированы с обеих сторон. Из обмороженных рук медленно вытекала сукровица. Ты кричал от жуткой боли, пытаясь вырваться из ремней, которыми ты был привязан к кровати. От твоих криков, казалось, весь мир оглох. К тебе зашел высокий, худой, светловолосый человек с глубоко посаженными глазами.

– Успокойся, солдат, плотничать будешь этими руками, – сказал он тебе, похлопывая по груди, – и радуйся, а может... – не закончил свою мысль, пристально, изучающе глядя на тебя. А потом молча вышел.

Из шестидесяти семи человек вашей группы, отправленных из «чувства милосердия», живыми дошли только четверо. Ты был пятым. Через сутки, когда стихла метель и начали искать пропавших людей, вдоль дороги стояло множество небольших холмиков из замерзших людей, как потом рассказывали.

И когда начали откапывать трупы, грузить их на сани и отвозить, один из этой команды (такой же арестант, как и ты), проводив очередные сани, присел отдохнуть возле одного трупа. Он зажег самокрутку и запустил руку без варежки под одежду трупа в поисках махорки. Грудь под одеждой оказалась теплой. И в этой груди ощущалось слабое биение сердца. Таким образом ты оказался в санитарной части вместо «морга». Через три месяца тебя снова отправили на работу. Для тебя изготовили ящик, который привязывался за спиной.

Ты наклонялся, чтобы остальные набросали тебе камней в ящик, а придя к месту складирования, ты распрямлял спину, высыпая содержимое. Руки ты всегда держал впереди, обмотав их тряпками. Во время еды кто-то совал тебе ложку прямо в эти повязки, чтобы ты мог сам есть. Вообще-то в тех условиях и не было необходимости в ложке, так как это подобие супа было всего на несколько глотков. Хлеб никогда не ели с супом. Хлеб оставляли на потом.

Однажды, когда ты пришел на последнюю перевязку, врач задержал тебя, налив чаю в алюминиевую кружку. Чай был без сахара. Был еще бутерброд с маслом. Ты начал пить чай мелкими глотками, откусывая кусочки от бутерброда. После трапезы врач угостил тебя длинной, настоящей фабричной сигаретой, а не махоркой. Ты не верил своим глазам. Ты не желал счастья, ты его боялся. Ты знал: здесь плата за счастье очень тяжела и мучительна, и за счастливый час приходится расплачиваться четырьмя-пятью годами мучений.

– Ты знаешь, чечен, что твой народ выслан, как народ-предатель? – врач посмотрел на тебя исподлобья, словно испугавшись чего-то. Ты тоже испугался.

Ты не понял. Тогда он объяснил тебе.

– Давно выслан, – закончил он свой рассказ. – Поэтому и ты тут.

Он оказался немцем. И настоящее имя его было Хорст Кашниц.

– А как тогда Геннадий Василич? – спросил ты.

– Мое имя Хорст, Хорст Кашниц. С Поволжья я. И нас, говорят, выслали, но я тут с сорок первого года. И имя тут дали, само начальство, чтобы зеки не растерзали. Врачей не было.

Он рассказал тебе, что из заключенных еще никто не ушел отсюда живым.

– Но надо бы хоть одному... – добавил он. – Ваших тут было шесть человек чеченов, – рассказал он, – а теперь нету их. Все они там, – кивнул он в сторону моря. – Их после работы там, на сопках, отделили от бригады и пристрелили ночью, побег якобы... Это было в сорок четвертом... Но ты должен выжить и попасть на Большую землю... Ну хоть ради меня...

– А почему тебя до сих пор не убили? – спросил ты. – Ты же немец?..

– Я пока нужен. Смертей много... Впрочем, и меня скоро...

– А зачем ты рассказываешь все это мне? – спросил ты. – Я же военный, и немало немцев убил на войне...

– Там была война, а тут другое. Но ты запомни мое имя: Хорст Кашниц. И если выживешь, если попадешь на материк, скажи хоть одному немцу, что я тут был, с тобой... И ничего больше... А я постараюсь, чтобы тебя увезли отсюда. Такой диагноз залепим, что тебя нельзя будет и похоронить здесь... Чуму засеешь... Но только молчи и выполняй все, что я тебе скажу, и... если... сорвется, и тебя тут же... то... ну... я хочу сказать...

– Я понял, – сказал ты.

– Ты еще одну зиму не протянешь, сроки большие, потому идохнут тут, не дождавись... Главное – выбраться, обратно, может, не привезут.

Ровно через два месяца отделили шесть человек, обреченных умереть. Среди них был и ты. Следуя указаниям Хорста, ты не ел двенадцать суток.

Он сделал тебе за это время пять уколов, выжидая пару дней после каждого очередного укола. Место укола нестерпимо зудело, ты неистово начинал чесаться, а потом и вовсе начал использовать щепку вместо ногтей.

Сначала появлялась краснота и раздражение, потом место начинало кровоточить, а в конце концов на месте укола появлялся гнойник. Два укола он сделал тебе в грудную клетку, два – в плечи и один – под правую лопатку. Ты не мог надеть одежду, она быстро пропитывалась гноем и прилипала к телу.

Спать невозможно было ни в одной позе. Ты ночи напролет проводил сидя. В первом же госпитале умерли все твои пять товарищей, протянув кто две недели, кто месяц, а максимально только шесть недель.

Ты не умирал никак. Тебя все избегали, даже врачи. Даже в глазах твоих умирающих товарищей стояла немая просьба не подходить к их койкам. Тебе уступали дорогу все, казалось, даже стены раздвигались перед тобой... Лишь дуло винтовки не уступало тебе дорогу.

Через два месяца тебя направили в другой госпиталь, для надежности изолировав тебя в какой-то каморке у самого днища грузового судна. Выплыли две недели... или месяц... Ты точно не мог сказать, сколько.

Раз в сутки тебе бросали кусочек хлеба и две соленые селедки. А потом долго мучили жаждой, не давая воду. Хлеб ты не ел. Мелко крошил и выкидывал в парашу. Ты не верил в эту дорогу. Ты боялся, что судно повернет обратно.

Ты ни с кем не разговаривал и ни у кого не просил закурить.

Когда ночью тебя привезли в очередную тюрьму, ты даже не понял куда.

Ты весь состоял из боли, гноя, вшей, кожи и скелета.

В тюрьме было очень тепло. Невыносимо тепло. Заключение спросили, кто ты да откуда. Ты рассказал. Тебе не поверили. Потом ты потерял сознание. Придя в себя, ты услышал плач, крики и проклятия. Заключение окружили тебя, они обнимали тебя, тискали в объятиях, каждый пытался дотронуться до тебя. Они кричали, как обезумевшие, они и верили тебе, и не могли поверить. На ногах была вся тюрьма, и вся тюрьма плакала: ты оказался единственным, кто вернулся оттуда живым на Большую землю, на материк.

Там ты провел ровно месяц, как в раю. Они очень хорошо заботились о тебе, кормили вдоволь и подарили тебе много новой одежды. Там было много грузин, и они часто плакали, окружив тебя. Там были русские, участвовавшие в высылке чеченцев. Грузины в угоду тебе часто избивали их, заставляли доставать тебе курево, отнимали у них одежду для тебя и каждый день назначали одного из них в личную прислугу тебе.

Через месяц переправили в лагерь в Петропавловске-Камчатском. Там было много немецких военнопленных. Пленные немцы, как и в Находке, съедали там всю траву начисто. Весной они рьяно искали траву, словно травоядные животные, не обращая внимания, когда конвоир стрелял им в ноги. Там была жирная, глинистая почва. Ели эту землю, а потом умирали в муках. Людей мучили и клещи.

Потом город Тайшет Иркутской области. Потом лагеря: «Заярск», «Ванзуба», «Братск», «Почтовый ящик-35». Кругом тайга. И двуручная пила.

Человек умирал прямо во время валки леса. Вдруг выпускал из рук пилу и молча падал. Подойдя к нему, обнаруживали уже мертвым. В сутки умирало в среднем двадцать-тридцать человек.

Трупы складывали прямо в лесу, внутри сосновой ограды, и охраняли, как и на Чукотке. Весной трупы выкидывали куда-то. Весной в тайге невозможно было дышать от стойкого запаха... Запаха разлагающихся трупов. На зону «Братск» привезли много татар. Это было осенью пятьдесят первого года. Они потом взбунтовались, забаррикадировавшись утром в бараках. Топорами зарубили пятерых охранников.

Лагерь окружило огромное количество солдат. Штурм барачных дворов длился двое суток. Солдаты убили всех татар, а вместе с ними случайным огнем убили и двадцать пять охранников зоны.

Вас четверо суток заставили лежать ничком на земле. Ты получил шальную пулю в бедро, и благодаря ей выжил впоследствии... Это стало твоим алиби, свидетельством, что во время бунта ты не находился в бараке.

После, в течение нескольких месяцев следствия, многих из вас тоже расстреляли. Каждый раз, когда тебя вызывали на допрос:

– Ну, убей, освободи, – говорил ты следователю, – напиши там...

– Нет, Париев, нельзя без удовольствия... Смерть – это искусство, а ты хочешь топорную работу, – пристально глядел тебе в глаза следователь.

Тебя не расстреляли. Ты выжил.

Дни, месяцы, годы проходили мимо вас, а вы пытались выживать, питаясь червями, кореньями и молодой весенней листвой.

И однажды в весенний месяц март:

– Умер! Ирод умер! Есть Бог, Он есть...

Ты не знал, что означает «ирод». Поднялся невообразимый шум: крики, плач, заключенные от радости катались по земле, разрывая на себе одежду, охранники открыли огонь по вершам барачных дворов, свист пуль и звон падающих гильз...

Никто не обращал на стрельбу внимания, не было больше смерти.

– Брат, он умер, слышишь, умер душегуб, Он забрал его, Он есть! – арестант, раскрыв объятия, не вытирая слез, двинулся на охранника, чтобы обнять его, поделиться радостью, простить его и попросить о прощении.

Раздался выстрел... И кровавое пятно на груди у арестанта... Несчастный упал на спину, перевернулся, встал на колени, обернулся на вас... улыбка застыла на лице, недоверчивая, беззащитная улыбка... медленно опустился на землю:

– Зачем, – слышалось слабое, – сегодня... заче... – затих, едва заметно шевельнул головой... А улыбка так и осталась на лице посмертной печатью.

Ему осталось сидеть еще два месяца из пятнадцати лет. Всего два месяца.

Еще через два месяца тебя вызвал начальник. Он тебе вручил бумагу с печатями и подписью:

– Твои родные в Казахстане. Адрес тут: Кустанайская область, Мендыгаринский район, село Боровое. Покажешь эту бумагу. Она твоя свобода и твой билет до этого населенного пункта. Бывай. Будь счастлив.

На вокзале творился ад. Вокзал был переполнен кишасими, словно черви, зовущими, плачущими, смеющимися людьми, вечно куда-то торопящимися, как муравьи в муравейнике... Переплетшимися, словно змеиный клубок, судьбами, мечтами и надеждами. Вагонов не хватало, вагоны были те же бараки, с теми же клопами, вшами, вонью и стойким дымом махорки.

Люди лежали вповалку, в точности как в тюремных камерах. Ты занял верхнюю полку, согнав оттуда одного криком:

– Лагерный я!

На тебе была тужурка с лагерным номером и шапка-ушанка. И еще был маленький чемоданчик, полный махорки и нарезанной пачками газетной бумаги. В вещмешке было вдоволь сухарей, засушенных на печи, твердых, как камень.

Вагон шел, покачиваясь, останавливался, потом опять шел, свет в вагоне моргал, тускнел, гас. И тогда из нутра вагона раздавался вой, как из чрева дьявола.

Через много дней и ночей вагон въехал на территорию Казахстана. По вагону шел попрошайка. Когда он по неосторожности наступал на людей, те на него кричали, пинали и гнали прочь.

– Подайте, – просил он жалобным голосом, – подайте сухарик, махорку подайте, ради... ради Бога...

– Подь сюда, бродяга! – окликнул ты его, свесившись вниз с полки.

Он подошел, посмотрел вверх, высоко протянув руку. Ты оторопел. Ты потерял дар речи, не замечая пальцев, которые жгла самокрутка.

– Мак-Шарип! – вскричал ты.

Человек, вздрогнув, отскочил. У него выпучились глаза.

Ты соскочил с полки. Ты схватил его за грудки и притянул к себе.

– Да будь ты проклят! – захрипел ты. – Будь ты трижды проклят! За то, что ты пришел в этот вагон, чтобы стать первым чеченцем, встреченным мной за эти восемь-девять лет!..

Мак-Шарип всплакнул:

– Алхаст... Алхаст!.. – попытался он обнять тебя.

Мак-Шарип был единственным сыном родителей и братом семи сестер. Он был состоятельным молодым крестьянином. Ты не верил своим глазам... от удивления, не понимая, что с тобой происходит, ты держал его, не отпуская, ругаясь, крича, тебе было больно, обидно за себя, за все свои мучения, что пережил, и за Родину... рыдая, несколько раз с криком ударил его прежде, чем начал рыдать сам.

Ты тихо заплакал, увидев, во что превратился этот некогда гордый и богатый молодой человек... от обиды, что первый встреченный тобою на воле чеченец оказался просящим милостыню попрошайкой.

Твой мир начал рушиться, небеса обрушились, и земля встала дыбом, как в Судный день.

Мир перестал существовать... мир гордого и свободного чеченца, который ты лелеял, берег в своих мечтах, в редких воспоминаниях, мир, который ты порой даже боялся вспоминать. Потому что воспоминания были о другой жизни, где ты был счастливым. А счастье, мысль о счастье была здесь не позволительна.

Но наперекор себе, ты украдкой обращался к воспоминаниям, и это давало силы жить.

Ты опрокинулся на полку, ослепнув от собственных слез.

А сейчас перед тобой был Мак-Шерип, подобие человека. Он стоял внизу, судорожно затягиваясь самокруткой, пряча за пазуху сухарики и всхлипывая. От него прежнего не осталось ничего... Абсолютно ничего, ничего человеческого. Ни чести, ни достоинства.

Ты посмотрел на него обессиленный, издалека, из глубины своей памяти, из мрака лагерей, из грез о Родине, посмотрел на него как человек, только что осознавший всю тщетность всего, что тобой было принесено в жертву.

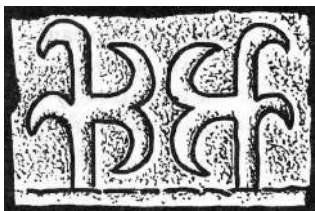
То, что ты сейчас видел и еще предстояло увидеть, было адом.

Страшно было осознавать, что можно жить, забыв о чести и достоинстве, став рабом плоти, предав Бога.

В одно мгновение ты понял: весь этот мир был Страшным Судом. Все было Страшным Судом, со всем миром вместе...

1991–2003 гг.

Перевод Михаила Эльдиева.

Поэзия

Азман Джабраилова

Родилась 14 декабря 1952 г. в селе Калевка Восточно-Казахстанской области. В 1957 г. с родителями вернулась на Родину. В 1959 г. окончила Староатагинскую среднюю школу № 1, а в 1975 г. – исторический факультет Чечено-Ингушского госуниверситета. Трудовую деятельность начала в родной школе, где проработала в течение 26 лет. С 2003 г. являлась директором Староатагинского представительства Современной гуманитарной академии. Стихотворчеством увлекается со школьной скамьи. Пишет стихи на чеченском и русском языках – и в том числе для детей. Так, в

2018 году, при содействии Союза писателей ЧР, был издан сборник ее стихов для детей на чеченском языке «Бераллин аз» («Голос детства»). Стихи А. Джабраиловой публиковались в журналах «Нана», «Орга», «СтелаГад», вошли в коллективный сборник «Грозный в стихах», печатались в газетах «Даймохк», «Гумс», «Аргун», «Нийсо»; в газетах республики Дагестан. Автор является номинантом национальной литературной премии «Поэт года» за 2018 год». Несколько стихотворений на русском языке вошли в сборник произведений номинантов национальной литературной премии «Поэт года» в основной номинации (изд. РСП, Москва, 2019 г.). Награждена медалью «Владимир Маяковский – 125 лет». Является членом Общественно-государственной организации «Союз женщин России».

**Легенда о любви,
или «Домик красавицы»**

(по следам древней чеченской легенды)

Поэма

1
Где в небо острием вонзились горы,
В краю, давно покинутом людьми,
Веками ветер замечает тропы,
Течет река Аккинская Гехи...

Места красивы: Галанчоуж, Мозарга,
Ущелье под названием Дойни-Чу*.
Герои легендарные когда-то
Здесь жили – рассказать о них хочу.

Забыты лица те за вековую далью –
В потоке времени,
историй прошлых лет...

Но помнят камни, в воздухе витает
Бесчисленное множество легенд...

Объята местность
святостью былого...

Переступив таинственный порог,
В молитвах мы помянем дар от Бога,
Который Он поныне тут сберег...

На тверди каменной,
почти под облаками,
Застыл старинный склеп во власти дум,
Омытый росами, дождями и снегами –
Где солнце и ветра порою жгут...

Мы с трепетом коснемся стен руками,
Туманит взор слезы невольной бег.
Нас поведет за тайной

мшистых камней

Старинный склеп...

в одиннадцатый век.

2

В местечке под названием Мозарга
С семьей обосновался жить Акберд –
Воинственный, зажиточного рода –
Судить о нем так можно из легенд.

Любил Акберд лишь дочь

Азни родную,

Что, как цветок, росла

среди диких скал.

Лелеял, обожал ее душою –

И лучшего ей жениха искал.

Как серна гор, стройна и грациозна,
Юна, свежа, как первая роса,
Азни росла, мила и простодушна,
До пят струилась черная коса.

Лучился взгляд надеждою и светом,
А голос нежный ручейком звучал,
Умна и притягательна при этом...
И не один джигит по ней вздыхал.

Дочь, повзрослев, красавицею стала.
Плохой судьбы Акберд ей не желал.
И, вроде, зла судьба не предрекала –
От бед ее отец оберегал.

3

В селе соседнем, храбрый,

вольный духом,

В убогой сакле бедный парень жил.

Для матери надежной был опорой,

Джигитом смелым,

мужественным слыл.

За гордою красавицей-горянкой
Давно он наблюдал издалека –

В надежде перекинуться
с ней взглядом,
Приветствуя ее у родника.

И юная красавица влюбилась.
Их тайные и светлые мечты
К неведомому счастью устремились –
Ничто не предвещало им беды.

«Я верю, знаю – горе или счастье
С тобою разделю напополам.
Очаг согреет нас в пору ненастья», –
Мечталось Азни втайне по ночам.

И крепче закаленного булата
Любовью к Азни юноша пылал:
Не раз к Акберду, как велят адаты,
Почтенных стариков он посылал...

4

Но лишь вскипал потоком
гневной лавы,
Едва о бедных слышал женихах
Отец Азни – весь багровел от злобы,
Метались дико молнии в глазах...

Зажиточного мужа ей лишь прочил!
И, с бедняком не пожелав родства,
Назначил выкуп жениху за дочь он,
(неумолим и твердый, как скала):

– Обидеть Азни не помыслию даже, –
Сватам пришедшим
им ответ был дан.

– Пусть удаль молодец свою покажет, –
Иначе я согласия не дам!

Раз дочь мою назвать женою хочет,
Геройство пусть проявит он в прыжке –
Перескочить (конечно, если сможет)
Глубокую расщелину в скале!..

Не для того растил я дочь все годы,
Чтобы в нужде пришлось
ей прозябать!

...В душе отца давала
алчность всходы –
И в том он до конца решил стоять.

Людей меняет часто жизни вьюга.
От нас сокрыто тайной навсегда –
Что означала для него разлука,
И жил ли он когда-нибудь, любя.

5

Любви огонь не потушить запретом.
Страданье вмиг открыло ей глаза.
Понятно Азни –
с завтрашним рассветом
Прыжок тот разлучит их навсегда.

Она с кувшином к роднику
спустилась,
Возлюбленный ее там ожидал:
– Прости, моя любовь нам
стала в тягость,
Нельзя, чтобы ты жизнью рисковал.

Судьба бедою нас, как волка, травит.
Забудь меня, для матери живи!
Отныне чувства наши мы оставим
И позабудем о своей любви.

Убьешь себя, решившись
на безумство –
В той бездне не собрать
ничьих костей...

Пошел отец на явное убийство,
А что на свете этого страшней?

Ответил юноша: – Я все решил,
не стоит
Так слезы лить! Я тут же поспешу –
И что назвать тебя женой достоин,
Одним прыжком Акберду докажу!

6

Хоть крыльев нет, но есть у
горца гордость.
В груди же бьется сердце храбреца.

Горя желаньем перепрыгнуть
пропасть,
Опасность не осмыслил до конца.

Он верил, что пройдет то испытанье,
Которое назначено ему.
И что с тревогой, обострив вниманье,
Любимая стоит, прильнув к окну.

Застыв, красавица едва дышала,
Не в силах даже взгляда отвести.
Творца о снисхожденьи умоляла,
Надежды свет не видя впереди.

Он так решил, без страха и сомнений,
Решимость вдруг почувствовав в себе,
Не слушая советов, уверений...
Назад пути ему уж нет теперь.

В последний раз взгляделся
зорко в бездну,
Узрел клыкастый каменный оскал.
Зашелестели ветки,
потянувшись к свету,
И... больше медлить юноша не стал.

В прыжке над крутизной
взметнулся птицей,
Мгновение над пропастью завис,
Но... не успел рукою дотянуться,
И полетел... навстречу смерти, вниз.

О, почему же не разверзлось небо
И не пролился ливнем колкий дождь –
Чтоб слезы смыть с лица
несчастной девы,
И из души сочащуюся кровь?!

7

Так на глазах красавицы влюбленной
Погиб любимый – вместе с ним она...
Не остудить ей жар водой студенной,
Лицо ее бледнее, чем стена.

Душа завывала раненой волчицей,
Сходя с ума от тяжких, горьких мук.
Судьбы жестокость разрывала сердце,
Терзала боль пылающую грудь...

Дни проходили –
каждый словно пытка.
То наяву, то будто бы во сне...
Жгла сердце боль, душа слезой омыта,
В плену у горьких мыслей в тишине.

Тот день ужасный –
в снах без окончания.
Ей чудился зияющий провал,
Где все разбилось: сны,
мечты, желанья –
О камни, где возлюбленный пропал.

С жестокостью разорвана навеки
Тропинка, что вела к сердцам двоих.
Завял цветок, что цвел в душе у девы,
Иссякли слезы, онемел язык.

Остановилось раненое сердце...
Угасло тонким пламенем свечи,
Навек оставив о себе легенды,
Тепло своей несбывшейся любви.

8

Безумно горевал отец – печалюсь,
Как искупить свою вину не знал.
Душевной болью долго жил терзаясь,
О дочери безмерно тосковал.

И для нее последнюю обитель
Соорудил над пропастью Акберд –

На зов там отзывается лишь эхо,
Туманы свой устроили ночлег...

В том склепе, над расщелиной
глубокой,
Он по адатам дочку схоронил...
И о любви несчастной только ветер
Печальную легенду разносил.

9

Когда уставший солнца луч последний
Блеснет, прощаясь, меж отвесных скал,
Он приласкает домик одинокий –
Тот, что гробницей для
влюбленной стал.

В том домике, как в царстве позабытом,
Прах юной девы на века застыл.
Никто не потревожит это место –
Предания хранят тот давний мир.

Пусть он наполнен сумраком былого,
Смешались воедино быль и ложь.
Сюда потомки возвратятся снова –
Унять души волнующую дрожь.

Сокрыт природой от недобрых взоров,
Склеп позабылся вековечным сном.
Но тот петроглиф на стене, узором,
Поведает нам правду о былом...

Навис скалистый выступ над ущельем,
Кипит волной стремительной Гехи.
Печален дом, оваянный поверьем –
И только ветер водит дружбу с ним.

**Галанчо́ж, Мозарга, Дойни-Чу – старинные, покинутые чеченские села.*

Иса Закриев

Рассказы

Душа моего дома

Я посетил руины своего дома при первой возможности. Отыскав его среди других руин, присел рядом на большой кусок бетонного фундамента, вырванного взрывом.

Она сидит спиной ко мне. Израненная, ошалевшая, практически выжившая из ума от пережитого ужаса. Душа моего дома.

– Прости. Я не смог ничего сделать...

– Не продолжай, я все понимаю.

– А помнишь, как мы строили дом? Соседи помогли накопать глины, потом налепили из нее саман. Тетя подарила окна, отец – материал для кровли...

– Да, помню. Счастливые были времена. Но пули и осколки не пощадили меня. Они с адской ненавистью рвали плоть, прожигали во мне дыры. Мебель безуспешно пыталась спрятаться за мои стены. Рев штурмовиков, свист и разрывы бомб сводили с ума. Даже мыши покинули меня. Так хотелось оказаться в другом месте, рядом с вами... Знаешь, кровь пахнет дурно, особенно когда горит. А потом останки человека разлагаются, и ты задыхаешься в этом смраде. В конце подкатывает танк, делает контрольный выстрел в окно подвала, и остатки фундамента разрываются, арматура в нем рвется со страшным криком. И никто не поможет...

Мы снова молчим, уходим во времена, когда безумно любили друг друга и были счастливы.

– Я восстановлю тебя, – пытаюсь как-то оправдаться.

– Как? От меня ничего не осталось. Фундамент крошили в щебень, саман обуглился или рассыпался, деревянные балки сгорели. Тебе нужен другой дом, новый.

– Не хочу новый, мне нужен ты.

– Нет. Я не хочу вспоминать этот кошмар, вздрагивать землетрясением среди ночи и пугать тебя, детей. Кстати, как там дети?

– Они скучают по тебе.

– Разве они помнят меня? Дети были совсем крохи, когда вы убегали от войны.

– Они знают, что у человека должен быть свой дом, и в нем – душа.

– Я бы с радостью осталась с вами. Но не смогу с этим жить, сил не осталось. Ты уж прости, мне легче уйти вместе с душами этих домов, перетертых войной в песок. У тебя будет другой дом, и в нем – новая молодая душа. А я смертельно устала. Я задержалась, чтобы попрощаться с тобой. Будьте счастливы.

С развалин моего дома неожиданно поднимается белая бабочка, она медленно машет крыльями и исчезает в тишине мертвого села.

Плот

Товарищи вытащили солдата из Терека. Он был жив, но потерял оружие, шапку, сапог. Зубы стучали как град о жестяную крышу, в широко раскрытых немигающих глазах старого воина застыл ужас. Все думали – страх перед холодной водой и смертью овладел им, но дело было в другом. Солдат, не один раз смотревший в лицо смерти, видевший, как она косила и строгала товарищей, теперь был подавлен и сломлен, его жизнь вывернулась наизнанку, оставив на другой стороне прошлого бравую удаль и беспечное отношение к жизни – как своей, так и чужой. Казалось, что он посмотрел в жерло ада, из которого на него неслась раскаленная шрапнель, содравшая кожу с лица, головы, раздробившая кости черепа и раскидавшая мозг. И оголилась бестелесная душа, и озябла она в колючей серой воде Терека.

– Они бросились на нас, все сорок шесть девушек, – дрожащим голосом говорил в пустоту солдат. – Как прекрасные сирены, сильные, цепкие. Они бесстрашно увлекли весь конвой с плота в реку. Их крики были как прощальная песня, божественные молодые девичьи голоса. А глаза! Вы бы видели их глаза. В них только надменное презрение к прикосновению и к самой смерти... и ни тени страха или сомнения. И еще... сожаление, что не могут взять с собой всех. Глаза смотрели на меня, внутрь меня, в мое детство, как будто в глаза мои льется расплавленный свинец. Руки одной из них сдавили мое горло, я слышал хруст. Даже не помню, как мне удалось освободиться из этого капкана.

– Они все погибли?

– Так нельзя, это неправильно...

Солдату хотелось плакать, но не моглось.

Одиннадцатое декабря

Пожилый мужчина медленно шел по центральной улице не по-декабрьски солнечного Грозного. Он поднимал голову вверх, втягивал ее в плечи, резко поворачивал в сторону, потом, опустив глаза, будто ища на земле что-то потерянное, продолжал путь. Мужчина обходил несуществующие на мощеном тротуаре ямы, чуть заметно приседал иногда, в глазах метался отблеск огня из прошлого. Он словно поддерживал кого-то левой рукой, прижимал культию к боку.

Вдруг мужчина резко прижал правую ладонь к бедру, едва заметно захромал. Остановился, мотнул головой, будто стряхивая пыль и копоть с волос, и присел на холодную лавку. Двое парней привстали и отодвинулись от странного человека.

– Парень, тебе сколько лет? – неожиданно спросил мужчина.

– Двадцать пять... А что, Ваша?

– Ничего, извини, сынок. Мне показалось, что мы знакомы. Но я ошибся...

Он встал и пошел дальше, снова переживая день, когда ровно двадцать пять лет назад не дотащил раненную беременную жену до 9-й горбольницы. А вокруг осколки сыпались и летали, весело вальсируя со снежинками.

Сын Хасана

Весной, когда природа просыпается и хлопает белыми лепестками-ресницами цветущей алычи, двое мужчин шли по благоухающей улице частного сектора в Грозном. По дороге им встретился мальчик лет одиннадцати, в глазах которого была недетская грусть. Один из мужчин остановился и подзвал мальчика.

– Ты чей?

– Хасана...

– А-а, Хасана?! Отлично! Мы с ним старые друзья, правда, давно не виделись. Твой отец – хороший человек, надежный товарищ, умен и благороден. Не раз выручал меня в трудную минуту. Спасибо ему, и ты должен гордиться им, быть достойным сыном своего отца. Только не рассказывай ему, что я так расхваливал его – Хасан не любит этого. Но передай большой привет от Мурада. Скажи, как-нибудь зайду.

– Хорошо, передам...

Когда они отошли достаточно, чтобы удивленный мальчик не мог их слышать, второй спросил:

– Кто такой Хасан?

– Не знаю.

– А что за спектакль ты разыграл, зачем?..

– А ты видел, как заблестели его глаза?.. Теперь он с еще большим уважением будет относиться к своему отцу!

Только Хасан год назад умер, но мальчик не хотел расстраивать друга своего отца...

Мама

Вы знали, что война – это хаос только в самом начале. Через некоторое время ваш человеческий внутренний мир бешено разгоняется, как частицы в коллайдере, и вступает в гармонию с безудержным неистовством войны.

Все рушится. С каждой обрушившейся стеной и обгоревшим деревом вы отдаляетесь от добра, справедливости, трезвости ума, сострадания. Логика, к которой вы привыкли, раздроблена, как кости в «испанском сапоге», и погребена под завалами... или трупами. Ваша кожа не требует воды, предпочитая скрыться, замаскироваться под копотью и грязью. Ваш слух точно определит, свист какой пули или снаряда послышался, но не отличит карканье вороны от стрекота сороки.

...Они сидели в подвале полуразрушенной «хрущевки», на Минутке. Трое молодых парней в фуфайках, ватных штанах. Каждый в своем углу обнимал АКу и под грохот думал о своем, пытаясь найти это «свое» в себе.

– Вы думаете, я струсил? – крикнул один. – Что я предал?

– Мы думаем о том, что не смогли забрать тело нашего друга. Ты был ближе к нему. И он прикрыл тебя...

– Там бил снайпер, он бы точно меня грохнул, – он показал дырку от пули на рукаве фуфайки.

Товарищи не стали смотреть.

– Моя мама болеет, при смерти... – снова крикнул он.

– Все наши мамы при смерти с того момента, как мы ушли на войну, – крикнули в ответ.

Услышав это, парень встал, быстрым шагом вышел из подвала и скрылся в ночи, напичканной пулями и осколками.

Двое оставшихся молчали в адском шуме войны.

Он вернулся следующей ночью, таща на себе погибшего вчера товарища. Парень упал в подвал вместе с ним, на сырой каменный пол.

– Моя мама умерла сегодня под утро. Я успел проститься с ней и прочитать Ясин. Не хотел уходить из этой жизни раньше нее – она не вынесла бы...

Кровавый кашель прервал его слова.

– Этот снайпер все-таки достал меня...

Из глаз друзей лились слезы, уцелевшие, таившиеся где-то на самом дне каменеющего сердца.

Фотография в профиль

Военный фотокор бережно достал из футляра треногу и установил ее рядом с окопом. Вытащил фотоаппарат, установил на штатив и приготовился сделать снимок.

– Ну, сержант Атабиев, готов?

– Так точно! – ответил тот, вытянувшись по стойке «смирно».

– Ну, ты... это, смотри в объектив. Чего ты глаза опустил?

– Куда смотреть? Ты давай быстрее, скоро фашисты на самолетах прилетят, бомбы бросать будут...

– Смотри вот в это стекло, – рыжий синеглазый фотограф ткнул пальцем в объектив аппарата.

– Какая разница, куда смотреть? Делай свою фотографию быстрее.

– Послушай, нохчи. Ты – герой, в прошлом бою подбил три танка, захватил в плен немецкого офицера. Так?

– Так.

– Мы напишем про тебя статью, напечатаем в газете. Про тебя узнает вся страна. Понимаешь?

– Хорошо понимаю. Поэтому и не хочу прямо смотреть.

– Почему?

– Ты же мне фотографию дашь?

– Да, – фотокор начал терять терпение.

– Я ее pošлю домой. Дома отец увидит. Я что, с фотографии буду смотреть ему в глаза?

– Ты же храбрый боец! Ты можешь смотреть в глаза любому человеку!

– Только не отцу. Никогда не смотрел ему в глаза, не достоин я этого. Вдруг он подумает, что я возгордился, или дерзость блеснет в глазах.

Сигарета в руках военного фотокора потухла. На фронте сложно удивить кого-либо чем-либо...

– Смотри вдаль, нохчи, в сторону врага, которого ты непременно победишь во имя своего отца!

Бешеное время

«Ее бы надо пристрелить как бешеную собаку. Жаль, мое охотничье ружье отобрали», – тихо проговорил старик, осторожно выглядывая на улицу в дырочку в мутной грязной полиэтиленовой пленке на разбитом окне. В это пулевое отверстие, прямо в покрасневший глаз хозяина полуразвалин дул февральский грозненский сырой сквозняк.

«И что бы ты сделал? Тут на улицу опасно выходить – как бы самого не пристрелили. А она и есть бешеная собака. Разве нормальная собака будет есть солдатский труп? Приходить каждый день как на обед...» – ответила старая женщина, хлопотавшая у «буржуйки».

Увайс

Раненого мужчину на каталке везли по шумному коридору травматологического отделения в процедурную. На вид ему было лет шестьдесят, крупное телосложение говорило о недюжинной силе, а грязная одежда и заросшее лицо – о передрыге, в которую он попал. Вдруг мужчина пошевелил здоровой рукой и хлопнул широкой ладонью по карману рубашки на левой стороне груди, вскинул глаза на встревоженного сына, идущего рядом, и строго спросил:

– Где мой паспорт?

– У меня, не беспокойся, – ответил тот, словно обращался к маленькому ребенку.

– Дай мне его.

– Зачем?

– Положи мой паспорт вот в этот карман! – повышая голос, отец пальцем указал на свой карман. Парень выполнил.

Когда мужчину завели в процедурную, санитарка, с удивлением наблюдавшая за картиной, не выдержала: «Зачем ему понадобился паспорт?»

«Он провел две недели в подвале с осколком в руке, под бомбами. Его часто вытаскивали на свет и спрашивали документы. Не расстреливали только потому, что в паспорте имелась местная прописка...»

Отца звали Увайс.

Зачистка совести

Зимой 2000-го года одно из предгорных селений Чечни было блокировано федеральными силами.

«Зачистки» проходили ежедневно, словно испытывая терпение жителей, военные и сотрудники МВД снова и снова обыскивали дома, переворачивая все вверх дном, придирчиво проверяли документы, проводили личные досмотры. Нервы сельчан были на пределе: кто-то, стиснув зубы, проклинал чеченское сопротивление, другие – федералов. В один из таких густо-серых дней по улицам села ходили двое молодых людей.

По их растерянным лицам, нерешительным движениям, по тому, как они, совсем не ориентируясь в селе, блуждали по улицам, пытаясь избежать встречи с федералами, без труда можно было догадаться о том, что они не

местные и в этом населенном пункте у них нет родственников или знакомых. Было очевидно, что они из сопротивления, но вышли из него.

Часам к 10-ти ночи, основательно замерзнув, они вошли в один из дворов и попросили пустить их согреться. Их завели в дом, накормили.

Обреченность в глазах юнцов сменилась затеплившимся огоньком надежды, и они, не таясь, поведали хозяевам историю своих злоключений. Молодые люди и не подозревали, что попали в дом к людям, которые на дух не переносят боевиков.

А когда наутро во двор вошли федералы с очередной проверкой паспортного режима, хозяева одели молодых людей в милицейские бушлаты, выдав их за бойцов отряда местной самообороны, созданного при сельской администрации для охраны населенного пункта от боевиков. Так и спасли.

Однако была у хозяев дома еще одна «тайна» – в подвале у них прятались двое солдат-срочников, которых искали и федералы, и боевики.

Кусок хлеба

Нет, не кусок мяса важен был в тот момент, да и не мечталось о нем.

После адски-тревожной ночи, наводненной чеченскими военными, в марте 2000-го года село Комсомольское, в домашних тапках, с детьми подмышками выбежало на свою околицу.

Комендатура дальше не пустила и пришлось его жителям временно осесть в чистом поле, пока на его территории шли бои.

Выяснилось, что люди, спозаранок убежавшие из дома, не взяли с собой ничего, и главное – покушать.

Дети к обеду уже начали недоуменно смотреть на матерей и задавать неуместные вопросы про еду.

Слоняясь по импровизированному лагерю, где люди сидели кто на чем, кто-то завалил деревянные столбы ограды, кто-то успел одеться вынести, были и те, кто на машине приехал, я увидел соседа. Он сидел у грузовика, рядом родственники, они ели домашний хлеб.

Я поздоровался и попытался незаметно пройти мимо, но сосед отломил кусок и протянул мне. Без особого энтузиазма, и я понимал его и даже не думал осуждать. Кто его знает, сколько мы здесь будем.

Я взял. Хлеб пах вкусно, ничего прекраснее мое обоняние не ощущало никогда, да простят меня французские парфюмеры.

Я быстрым шагом направился к своим, к единственной, младшей сестренке. И я помню ее миндалевидные, полные благодарности и счастья глаза.

Кукушка врет

В лесу рано вечереет. Серые стволы бука и граба придают унылый вид дикому пейзажу, а толстый пестрый матрац павшей листвы приглушает звук шагов.

Парень отстал от своих товарищей, он заблудился и когда окончательно уверился в этом, бросил с плеч тяжелый рюкзак с черемшой.

У него не было спичек или зажигалки, ведь за свои двадцать лет он ни разу не курил.

Февраль хоть и не был люто-морозным, стал для него игольно-холодным, не дающим уснуть даже в огромном ворохе листьев.

Парень был легко одет – тонкий свитер, тонкая спортивная шапочка, теплая одежда осталась в грузовике, до которого он так и не дошел.

Ночь тянулась долго, как день в фильтрпункте.

Где-то выли волки, им поддакивали шакалы с другого хребта черных лесистых гор. Но обе стаи не внушали ему страха, оказалось, что холод сильнее боязни за жизнь.

Луна пыталась заглянуть сквозь густые кроны, словно удивляясь одинокому человеку, бредущему от одного равнодушного дерева к другому.

Зимний рассвет – самое холодное время суток, стучат не только зубы, но и кости, будто сухожилия стали стеклянными. И только молодость борется за жизнь и не теряет надежду.

Парень идет к свету, по реке вниз, то вверх по реке, то по лощинам, то на звук, но дороги нет нигде. Спряталась, пролегла в другой стороне, там, где ей удобно. И речка часто меняет русло, убегает. Или ему так кажется.

Холод забрал все силы и так хочется есть. Какой же он вкусный, этот мамин суп, от которого он воротил нос. Прости, мам...

«Они ищут меня. Кричат, но я не слышу, потому что в ушах этот ненавистный звон... Сколько дней прошло? Один? Четыре? Нет, четыре я бы не выдержал. Кушать? Черемша же есть! Надо найти, выкопать. В ней много витаминов, она согреет. Как же я раньше не додумался?».

Парень нашел медвежий лук, с удовольствием поел его и даже почувствовал силы.

И вдруг он услышал птицу в ветвях. Это была кукушка.

«Кукушка, кукушка, сколько мне осталось жить?» – парень вспомнил слова из фильма.

Словно услышав его мысли, кукушка начала отсчитывать, но успела прокуковать только два раза – молниеносный ястреб упал на нее камнем, ловко лавируя между ветвей, впился ей в горло и задушил.

Эта сцена растопила последнюю надежду в сердце парня, и он, обмякнув, присел на землю и завалился на бок.

Парня нашли на третий день. Еле живого. Он сильно простыл, но врачи смогли его спасти.

С тех пор он не верит кукушкам.

ОДИНОКИЙ ЧЕЛОВЕК

Три дня назад, вечером, в нашу наполненную напряжением и ненавистным свистом подаваемого одному из больных кислорода пятиместную палату положили коренастого пожилого мужчину с бритым круглым румяным лицом и рингтоном «Салам алейкум, небеса высокие...» в телефоне.

Он был довольно бодр, по-солдатски лихо отвечал на вопросы медсестры, заполняющей «кочный листок»:

- Давно болеете?
- Что иметь ввиду под словом «давно»?
- Сколько дней?

- А-а. Дней пять-шесть.
- Кашель есть?
- Так точно!
- Как часто?
- Иногда.
- Мокрота выделяется?
- Да.
- Одышка есть?
- Когда за овцами иду, бывает.
- За эти пять дней чем-нибудь лечились?
- Конечно.
- Чем?
- Не знаю чем. Дочь внизу в приемной все врачам рассказала.

Все это время довольная улыбка не сходила с лица больного. Но что-то странное и неестественное было в его облике и поведении.

Когда медсестра, закончив заполнение бумаги, ушла, мужчина рассказал, что живет в Ростовской области, на «точке», держит скотину, имеет землю, которую сдает в аренду.

Ясно. Да, фермер, шумный и беспокойный, эдакий ковбой в возрасте из американского вестерна.

Таким он мне показался.

Моя ЦНС, «покоцанная» КОВИДом-19, не готова к новым волнениям, впереди у меня неопределенность с последствиями перенесенного вируса: что станет с памятью, внутренними органами, особенно поджелудочной железой, иммунитетом, зрением, не выпадут ли оставшиеся на голове волосы?..

Поэтому, после соблюдения этикета, я поворачиваюсь к стене и закрываю глаза.

До вечерних «капельниц» еще час.

– Сын у меня скончался неделю назад, – доносится до меня слова. Мужчина рассказывает пациентам нашей палаты. Ходить палатами в гости тут не принято. У каждого свое личное пространство – койка, тумбочка. – У него была лейкемия, но лечение продвигалось удачно, он в очередной раз лег на «химию» и заразился коронавирусом. И не выкарабкался. Мы с женой приехали хоронить, он жил в Грозном, и мы тоже поймали вирус. Жена на пятом этаже, в реанимации.

Это было для меня потрясением – сын был единственным, у него осталось трое детей.

Два килограмма

Девушка раскрыла пакет с противочумным костюмом, и в нос ей ударил запах пластика. Почему-то вспомнился Китай.

Снова, как и вчера, наступила ее смена.

Девушка боялась признаться себе, что ненавидит этот душный комбинезон, уже через полчаса превращающийся в тяжелые латы. Поэтому гнала эту мысль прочь, понимая, что костюм призван защитить ее. Возможно, он и сам не рад такому обществу.

Осторожно, чтобы не дразнить синяки и царапины на лице, надев респиратор и очки, медсестра застегнула молнию, и снова почувствовала как будто за ее спиной закрылась толстая тяжелая стальная дверь банковского хранилища.

Она шагнула «в красную зону», ей показалось, что полчища вирусов напали на нее и сломали о ткань костюма свои копыя, клыки, когти, хотя все здесь стерилизуется и паразиты быстро гибнут. В таком случае их тельца должны хрустеть под ногами...

Да, температура здесь высокая.

«Ночью умерли три человека», – шепотом сообщила дежурившая ночью сестра.

Из разных палат доносилось хриплое дыхание, сухой, как ветер пустыни, кашель. И все это передавалось персоналу: в горле начинало першить, легкие начинали трепетать, как зверек, пойманный в силки, дрожит при приближении кровожадного хищника.

Она заходила в палаты, бодро, как ей казалось, желала больным доброго утра, меняла пузырьки с лекарством для капельниц.

День прошел мимо.

Нехотя пришел вечер.

В восьмой палате лежал пожилой мужчина. На животе. Он не пользовался телефоном, поэтому родственники звонили медсестре в определенный час. Больной довольно долго и без особого успеха боролся с инфекцией, но сил было мало и поддержка антибиотиками не приводила к успеху.

– Дочка, – позвал старик, когда медсестра проходила по коридору.

Ее сердце учащенно билось с утра, весь день.

Девушка пошла на зов больного. Под ее ногами, в комбинезоне, едва слышно хлюпал пот.

– Вам что-то нужно, дядя?

– Да, выслушай меня, не перебивай, не говори, что мне нельзя разговаривать. За свои 82 года я ни разу не разговаривал с женой по телефону. В нашей семье все было строго, мы люди старой, еще казахстанской закалки. Мне нелегко об этом просить, но я хочу, чтобы ты позвонила супруге и дала мне возможность поговорить с ней.

– Я бы с радостью, но телефон в шкафу, я не взяла его с собой в «красную зону». Простите.

Что-то обожгло ее ссадины от очков. Не думала девушка, что в организме остались лишние запасы влаги.

– Да? Ну, ничего страшного. Не переживай.

– Я завтра обаятельно принесу, дядя. Видеозвонок сделаем...

– Да-да, конечно, – старик перестал удерживать веки.

Они оба чувствовали, что связь не состоится.

Смена закончилась, она прошла дезинфектор и вернулась в комнату отдыха.

Надо отдохнуть. Девушка встала на весы – сегодня она похудела на два килограмма.

Надо поесть и выпить воды, набрать два килограмма, набраться сил...

Она выпила воды. Вскрыла пакет с комбинезоном, надела на ноющие ссадины респиратор и очки, взяла телефон и пошла в «красную зону». Дежурная сестра удивилась, но дверь открыла. Девушка прошла в восьмую палату, она знала,

что старик не спит. Они никогда не спят, лишь изредка дремлют.

– Дядя, я принесла телефон.

– Уже утро? Я вроде и не засыпал...

– Нет. Решила не ждать утра. Когда закончите общение, нажмите вот эту красную точку.

Девушка включила видеосвязь и вышла.

В ту ночь она спала сном младенца.

А старика выписали через десять дней.

Алмазы

*Если бы алмазы черпали лопатой,
они не были бы так ценны.*

Умар Ярычев

Военный отряд численностью в тысячу семьсот человек приближался к вражескому лесу. Сзади плелся обоз.

В буковой роще, в тишине, их ждали триста пятьдесят восемь всадников.

Верные кони, привыкшие к крикам, возгласам, стонам и скрежету войны, и сами обладающие многочисленными боевыми ранениями, чувствовали мерное монотонное биение сердец своих хозяев. Ноги коней легки, но готовы в любую секунду впиться в родную землю и рвануть вперед, утоляя желание ускорить ее вращение. Глаза животных прикрыты, словно в молитве, они в полудреме, посвящают последние минуты отдыха и слиянию с любимой природой.

Каждый воин знал, что делать, он был и рожден и возвращен для этого дня в надежде, что он не наступит. Они не сжимали оружие до побеления пальцев, были спокойны, как и кинжалы, висящие на поясах, готовые наполнить свои кровотоки и сломаться в теле врага, чтобы не стать трофеем.

Мысли не беспокоили воинов, они предпочли остаться дома, чтобы не замерзнуть в хладнокровии и не отвлекать от предстоящего великого действия – битвы на майдане выбора между честью, достоинством и жизнью.

Буки-исполины напряглись, им предстояло снова принимать шальные пули и шрапнель, они никак не могли привыкнуть к сражениям людей и понять, зачем им нужна война. Насекомые забились в самые дальние уголки своих норок, птицы улетели, бросив гнезда.

На опушке леса, в двухстах метрах от конного отряда, раздались выстрелы, послышался лязг металла сабель и предсмертные крики. Разведка противника встретилась с дозором горцев.

Старший послал своего сына встретить дозор. «Уйдем за сопку, чтобы артиллерия не доставала нас. Нападем с фланга, как они войдут в лес. Обоз не трогаем – продукты нам не враги», – направил он своего коня вправо. Остальные последовали за ним. Вскоре к ним присоединился и дозор, среди которых двое раненых.

«Тяжелы ваши раны?» – спросил старший.

«Нет», – послышалось в ответ.

«Проверь», – приказал он сыну. Тот посмотрел и подтвердил их ответ.

В это время, в далеком горном поселении, где сыновей, отцов и братьев

ждали родители, дети, сестры и жены, время остановилось, тень медленно двигалась на запад, будто завязла в меду. Но каждый занимался своими делами так же, как и в будний день, делая что-то по дому, ожидая мужчин с пахоты или сенокоса.

Молодая женщина принесла воды с родника, поставила ее в тень стены и тяжело села на деревянную ступеньку. Ее сердце готово было остановиться, но кто-то внутри толкнул его и завел, заставил биться сильнее. Женщина улыбнулась, с глаз ее упали крупные алмазы слез и бриллиантовой россыпью ушли в землю.

Женщины не плачут по погибшим. Их плач рождается в душе и там же сгорает задолго до гибели любимых людей, умирает в тот момент, когда вдали послышится гул врага.

Старший снова обратился к соратникам: «Мы должны помнить, что наша цель – не героическая смерть. Мы простые люди, не хотим никому зла, но топтать нашу землю позволено только нам и нашим гостям. Надеюсь, что мы все сегодня вернемся домой и это – наша цель».

Нападение было молниеносным и... почти бесшумным.

С фланга.

Ружейные выстрелы, топот копыт и разрезанный на куски воздух ворвались в ряды неприятеля. Ответный залп, проклятия смешались с мольбой, рычанием и хрипом.

Всадники словно не чувствовали пуль – на коричневых кафтанах кровь была незаметна. Их сабли сверкали и разили с быстротой взмаха крыла ласточки. Глаза, налитые холодным огнем, внушали ужас даже в ветеранов, не раз вырывавшихся из пасти смерти.

Эти глаза оскорбляли, взгляд глумился, превращая отвагу и достоинство в пыль.

Эти воины бились не по правилам войны и законам природы, известным человечеству. Наверно, древние греки писали свои легенды о богах, наблюдая за ними...

А их кони! Сильные и бесстрашные. Они крошили и мяли металл копытами, широкой грудью бросались на штыки, даже когда всадники пытались их остановить и тогда воины бились, давая волю эмоциям, превращаясь в разъяренных барсов и беспощадно мстили за верных друзей.

«Отходим!», – крикнул старший.

Они исчезли так же быстро, как и появились.

Даже трупов не оставили.

Смятение внесено.

Поход сорван и отложен...

Погасшие огни

К нам часто заходит дальний родственник – маму проведать.

– Один я остался, все мои сверстники ушли «домой», – виновато смотрит он по сторонам и перечисляет их имена.

Скоро ему будет восемьдесят восемь лет, но ум ясный и ноги хорошо держат. Удивительно, что это так, ведь с раннего детства он зарабатывал на жизнь тяжелым трудом.

У него даже зубы свои, передние...

– Все ушли, никого не осталось, только я задержался. Поэтому мне одиноко, тоскливо.

У него есть жена, дети, внуки, правнуки. Все с ним рядом, живут большой дружной семьей. Но он одинок. Ему одиноко.

– Поговорить не с кем. Молодежи не нужны мои рассказы, им интереснее в телефонах. Наверно, там действительно много интересного, коли они проводят в нем столько времени. Но бедна та душа, что не нуждается в живом человеческом общении. А бедное, как известно, долго не живет.

Старик привык получать и дарить тепло, но сегодня для него погасли все огни и он ждет, когда они вновь включатся... но не здесь.

Имя

Молодая женщина с маленьким синеглазым комочком-первенцем на руках робко вошла в неказистый домик с вывеской «ЗАГС Уш-Тюбинского района» над дверью.

Апрель 1949 года выдался не таким холодным, как на севере Казахской ССР.

Дождавшись своей очереди, женщина передала справку старой ворчливой казашке со словами «метарка нужен».

– Всем нужен метарка, – буркнула служитель «храма воссоединения и развода», взяла толстую книгу и начала что-то в ней записывать, макая перо в чернильницу.

В это время в помещение, шумно разговаривая, вошли двое бравых чеченцев с лихо закрученными усами. Женщина с ребенком повернулась к ним спиной, лицо ее залилось краской. Ведь у чеченцев не принято брать на руки детей в присутствии мужчин старшего возраста.

Но те делали вид, что не замечают ее.

– Как дочку назовешь? Мамаша! – резко спросила казашка.

В ответ молчание.

– Какое имя писать? – снова спросила она.

Поняв, что ответа не дожидается, работник ЗАГСа решила вписать имя от себя, при этом что-то ворча на своем языке и про нравы чеченцев, и про свою работу.

Наверно, она первая и произнесла слово «понаехали».

Именно так моя мама и получила имя Галина.

Пуговицы не застегивались

«...До выдачи ежемесячных хлебных карточек осталось четыре дня, когда у матери из кармана вытащили последний «четвертак» в поселковом магазине.

На улице все еще холодел апрель, а на Родине, наверно, уже пробился тот самый подснежник, о котором мама рассказывала каждую весну.

В нашем тесном домике ссыльных чеченцев было голодно всегда, но теперь, когда мы лишились последних денег, отчаяние потеснило нас еще больше.

Я и трое младших братьев с надеждой смотрели в глаза родителям, но те только отводили их в сторону. Отец еще и болел.

На третий день я попросил маму дать хоть какие-то деньги, чтобы я попытался добыть хлеба в стационарном магазине для военных. И она взяла у бабушки два рубля шестьдесят копеек.

Надев фуфайку на голое тело, я, десятилетний мальчик, пошел в магазин с надеждой купить хоть осьмушку хлеба.

Продавщица посмотрела на меня строго, мол, «чего надо?»

В магазине пахло хлебом. От запаха закружилась голова. «Наверно, в раю так пахнет», – подумалось мне.

– Хлеб, – протянул я слабой ручонкой монетки.

– Продукты только для военных. Читать умеешь? «Военторг» это. Иди отсюда.

Голос у нее был сытый.

Пришлось выйти ни с чем, все что у меня было – это комочек в горле.

У магазина стояли несколько военных, эшелоны часто задерживались здесь неделями. Повесив шинели на дерево, мужчины умывались водой из-под колонки.

Я стоял в сторонке и смотрел на них – все равно спешить некуда.

– Тебе чего, парень? – спросил один из них.

– Она хлеб не дает, – указал пальцем на магазин. – Три день кушать нет...

– Ну-ка, пошли со мной, – офицер направился в магазин. – Дай-ка вон ту большую буханку, – продавщица не заставила повторять, быстро положила ржаной хлеб на прилавок.

– И банку тушенки. Большую. Запиши на меня.

Я с благодарностью протянул монетки военному, наверно, мои глаза сияли от счастья или от слез радости.

– Оставь себе, – весело рассмеялся он и вышел.

– Ты хоть знаешь, кого привел? Это сам генерал Петров! – многозначительно подняла палец вверх продавщица.

А я знал, что это хороший человек, возможно даже чеченец. Во всяком случае, в своем сердце я присудил генералу такое звание.

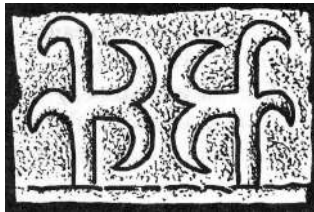
Высшее звание в маленьком голодном, замерзшем, но начавшем теплеть сознании маленького «врага народа».

Я спрятал хлеб под фуфайку. И знаешь, что меня радовало больше всего? Пуговицы не застегивались, только нижняя и верхняя – буханка была очень большая...»

Старик замолкает, смотрит в одну точку, глаза не моргают, невольная улыбка блуждает на его морщинистом лице.

Кадильниц благовонный дым развеет ветер.
Могучий храм сердец теперь простой сарай.
Рождая жизнь, мир ощущает трепет.
За спинами нам с колыбели слышен лай.

Искрой мерцает далекой на небе,
Сама вдохновляет и греет себя,
Как призрак усопших героев навеки,
Моя одинокая жизни звезда.
Она безмятежна снаружи для мира.
Скрыта от глаз ее горечь и боль,
Сияя на небе цветами сапфира,
Желает найти во Вселенной покой.
Почувствуй же, Космос,
Всю скорбь и ничтожность,
Почувствуй же холод сквозь дикий огонь!
Звезда светит миру, творя невозможность.
Звезда дарит свет, умирая порой.
И так, обретая святую блаженность,
В мирах сопредельных узревши мечту,
Кому-то надежду дарует и вечность,
Кому-то – извечную боль и тоску.

Голоса друзей

Марета Тамбиева

Ингушетия

А где еще умеют так грустить
И говорить открыто, напоказ –
О том, что можно многое забыть,
И о душе писать без перифраз?!
А где еще возможно получить
Пощечину за мудрости безумств?!
И где еще вас могут научить
Всегда счастливым быть,
Скрывая горечь чувств?!
Да где еще вы встретите печаль,
Поющую есенинские строки?!
Веселый танец и цветную шаль,
Улыбку, и в глазах упреки?!
А где еще такой простор душе,
Что можно захлебнуться от избытка,
Не зная, как с такой свободой быть,
В какую дверь толкнуть или калитку?!
Судьбу такую где еще найти,
Так схожую на горе и на счастье
сразу?!
Здесь песни пишут просто для души,
С подтекстом не выдумывая фразы.

Как утихает по весне гроза,
Бросая изумруд на листья,
Теперь в покое нежится душа,
Не отражаясь в каплях на ресницах.

**Прошел еще один
спокойный день...**

И нет тревог, и в сердце нет печали.
И время засопело в сонных стрелках.
И только лебеди, на озере венчаясь,
Мечтают, что весна еще продлится!

Но мне подаренный покой
Милее буйства красок у природы.
Забыты игры со своей судьбой,
И новости смотрю лишь о погоде.
А все, что в памяти, бегуще строкой
Проносится без капли сожаленья.
Прошел еще один спокойный день,
Тобой забытый, как всегда,
Мой день рождения.

– Буду веселой! – сказала весна,
В зеленый цвет одеваясь.
– Буду игривой! – лето кричало,
В море цветов плескаясь.
– А я буду мудрой! – ворчала осень,
Шалью разлук укрываясь.
– Жить надо в покое! – учила зима,
Над подругами ухмыляясь.
Наивной весне не хватило покоя,
Лето безумством страдало,
Осень веселостью не отличилась,
Зима недовольством хворала.
Сели подруги за круглый стол,
Стали думать о счастье:
Весна на всех смотрела в упор,
Лето глядело страстно;
Осень всем высказала укор,
Зима снисходительно смолкла.
А на щеках у всех почему-то
Стало прохладно и мокро.

О прошлом я не говорю
 Ни с тишиной,
 Ни с осенью.
 Песок смывается волной,
 Оставив пену с проседью.
 О прошлом я не говорю
 Сама с собой.
 Вы спросите:
 Ну что ты делаешь с душой?!
 Риторичку отбросьте!
 Когда все прожито сто раз –
 Все, что случилось
 И могло случиться...
 Опять рогатый месяц за окном,
 И в дверь печаль стучится.
 Когда немая пустота
 И ветер ноет в дверце,
 Уже не будет никогда
 Стучать от счастья сердце.
 И в прошлом смысл потеряв,
 Листву сгоняет осень.
 Бросает памяти тряпье.
 Но все же больно очень.

Ворох листьев,
 Как фразы,
 Слетевшие с пламенных уст,
 Под березой осенней дрожит,
 Обжигая цветом разлук.
 Дерзость краски,
 В насмешку забытых чувств,
 Объясняют горчинкам дождя,
 Почему этот город пуст.
 Пронесется ли ветер,
 Срывая последний лист,
 Черный аист заплачет ли,
 На стоны меняя свист,
 Будут долго еще
 На деревьях капли дрожать,
 Отражая зеркально
 Этой грусти осенней печать.

Еще желанья не иссякли,
 И утро хочется встречать,
 В непредсказуемом спектакле
 Достойно роль свою играть.
 За облаками солнце видеть
 И знать, что ночь не навсегда,
 Желания родных предвидеть
 И исполнять хоть иногда.
 А в легком шелесте косынки
 Секрет услышать ветерка,
 И дегустацию слезинки
 Отдать искусанным губам.
 И ждать весну зимой и летом:
 То холод надоел, то зной.
 Похвастаться кабриолетом –
 Хотя он, может быть, чужой.
 По пляжу босиком побегать,
 Себя представив молодой,
 И мидий, может быть, отведать –
 Хотя и травлюсь сырой едой.
 Еще желанья не иссякли,
 С луной-сомнамбулой не спим,
 И пишем то, что ночь диктует...
 Но есть и то, о чем молчим.

То, что не скажешь с глазу на глаз,
 Можно доверить бумаге.
 Реки текут среди гор и скал
 В сложном природном зигзаге.
 И доверяя строки листку
 В школьную детскую клетку,
 Крестики-нолики,
 За и против,
 Можно считать без умолку.
 Может, сложилось все не так,
 И прошлое стало ошибкой?!
 Перепиши все в осенний пустяк,
 Под дождь так уместна скрипка...
 Много можно в жизни прощать:
 Ошибки всегда под ногами,
 Лишь бы друг друга не затоптать,
 Не уничтожить словами.

Баллада о горбатом ребенке

Жил когда-то горбатый ребенок
 В старом доме с разбитым крыльцом.
 Избегая людских нападков,
 Он ходил на работу с отцом.

Но однажды отца не стало –
 И тогда, оплакав судьбу,
 Дом закрыв, запечатав ставни,
 Он ушел с узелком на горбу.

Счастья не было почему-то
 У сельчан с тех печальных дней,
 Но в лесу объявилось чудо,
 Непохожее на людей.

То над полем тенью промчится,
 Солнце жаркое заслонив,
 То от ливня дает укрыться,
 Незримым крылом укрыв.

Вдруг в округе дети пропали.
 Вместе с ними дочь богача.
 Люди плакали и страдали,
 На несчастья свои ворча.

Неужели кара навечно?!
 – Это месть того горбуна.
 – Хватит нам сидеть у печек!
 – Надо выловить горбача!

Что за горести нам на плечи!?
 – От него в округе беда!
 Проучить окаянного зверя!
 Есть работа для палача!

И крики толпы жестокой
 Разносились так далеко,
 Что даже глупой сороке
 Вещать стало нелегко.

На поимку лесного злодея
 В лес отправились богатыри.
 Первый долго ходил глазае,
 И заснул, наевшись халвы.

А второй застрял между сосен
 И кричал, чтоб его спасли.
 Третий просто домой вернулся:
 Малы были сапоги.

И горем своим побежденный,
 В тревоге встречая ночь,
 Богач совсем удрученный,
 Просит всех спасти его дочь,

Обещая большое богатство,
 Тому, кто прогонит прочь
 Злодея, будь он не ладен,
 И полцарства за свою дочь.

Тут же факелы загорелись,
 И, невзирая на ночь,
 Стрелы, ружья подзарядились
 Чтоб бедолаге помочь.

А тем временем дочь богача
 По лесу долго брела,
 У ручья напилась, отдохнула,
 Под деревьями сладко заснула.

Проснулась она от шума,
 От треска и плача зверей.
 Это лес запылал, задымился
 От факелов алчных людей.

И стала тогда молиться
 Дочь несчастного богача:
 «Ах, если б была я птицей!» –
 Просила она Творца.

Вдруг она как пушинка взлетела,
 Поднялась высоко-высоко.
 Кто-то нес ее над облаками,
 И опустил в гнездо.

Долго-долго махало крыльями
 Неизвестное существо:
 Лесные тушить пожары
 Очень трудное ремесло.

И когда дурман растворился,
 Все увидели горбуна:
 – Он же в ангела превратился!
 Кричала теперь толпа.

И спасенные побежали,
 Разнося необычную весть.
 Все забыли о том, что нужно
 Воплотить наказание и месть.

А крылатый ангел вернулся
 В свое родное гнездо.
 Просто девушке улыбнулся
 И унес в родное село.

Только крылья успел оправить,
 Только счастье успел осознать,
 Боль в горбу и в сердце, как прежде,
 Разгорелась пожаром опять.

Это чья-то черная зависть
 Ядовитой вонзилась стрелой,
 Разломав невинные крылья,
 Обрела на вечный покой.

Тихо стало в богатом доме,
 И в лесу царит тишина.
 Полюбившийся образ знакомый
 В облаках ищет дочь богача.

Если ангелы не умирают,
 Значит, он вернется опять!
 Горб порою крылья скрывает,
 Людям трудно это понять.

Слово-нож, слово-копье
 Больше пули ранит –
 Или насмерть.
 Слова, похожие на воронье,
 Накаркать могут
 Беды и напасти.
 Слова-дожди, слова-ветра –
 Они как непогода,
 Без доверия.
 Поймете, что открыли сердце зря:
 Они полны и лжи, и лицемерья.
 Слова-родник,
 Слова-ключи,
 Очистят душу от печали.
 Слова, как лучшие врачи,
 Поймут, о чем вы замолчали.

Соседский мокрый голубь,
 Не чувствуя дождя,
 На жердочке балкона
 Сидит, а рядом я.
 Как мы с тобой похожи!
 И под осенний дождь
 В душе одно и то же:
 Пусть с ливнем все пройдет!
 Пусть вместо нас тоскуют
 Слезливые дожди!
 Мы все давно забыли,
 И я, и ты! И ты?

*Критика и литературоведение***Саламбек Алиев****Ночные песни пленника пламенных звезд**

(О поэзии Асламбека Тугузова)

Из далекого детства осталось у меня одно светлое воспоминание. На нашей длинной-предлинной сельской улице имени Феликса Дзержинского через три переулка жили родственники, к которым я после всяких сумасшедших детских игр часто наведывался. Усаживали меня за стол, на котором все было прекрасно, кроме одного – чай разливали в пиалы. Во-первых, я привык к кружке с ручкой, во-вторых – и это самое главное, чай в пиалу разливали на самое доньшко, что мне хватало буквально на один, но протяжный «шлюююп». Следом я протягивал чашку. Потом еще раз. Потом еще раз. Где-то на пятом или шестом «разе» во мне просыпалась «совесть» и, подавляя в себе непреодолимое желание протягивать пиалу снова и снова, я вставал из-за стола с «сытым» лицом, но грустными глазами, озираясь на конфеты и печенюшки, оставшиеся на столе. Теперь, пребывая уже на пятом году пятого десятка, мне вспоминается тот чай в пиале как нечто очень сладкое и очень вкусное. Да, очень сладкий и очень вкусный чай! Особый вкус и особую сладость этому чаю, в числе многих других факторов, придавало то, что он был разлит на то самое доньшко и что его хватало на один, от силы два глотка. И, несмотря на то, что маленькому мне такой дозированный чай доставлял этические неудобства, сегодня же мне он предстает в некоем эстетическом свете: в этой отмеренности мне сегодня видится и магия, и музыка, и поэзия настоящей чайной церемонии, ритуальность которой и заключается в этой дозированной, позволяющей насладиться истинным вкусом напитка.

Когда Асламбек Тугузов порционно выдает свою поэзию в социальной сети, я, как и многие почитатели его таланта, зачастую испытываю восторг, смешанный с предвкушением. Прочувствовав глубину его стиха, ожидаю новый, чтобы опять испытать это чувство эстетического праздника души. Но сейчас передо мной на столе лежат два сборника его стихов с романтическими названиями: «Ночные песни» (2019) и «Пленник пламенных звезд» (2020). И это, согласитесь, не один или два «интернетных глотка», когда Тугузов своих читателей оставляет с неким осадком: еще бы чуть-чуть этого нектара, этой образности, музыкальности, соучастия и сопричастности, но Тугузов как бы говорит: «до следующего раза, дорогие друзья!» и на этом «поэтический вечер» в Сети завершается. И вот сейчас передо мной, повторяюсь, два сборника, притом добротных сборника... И я погружаюсь в удивительный океан большой поэтической образности и глубоких, философских смыслов, очень тонко, филигранно выраженных настоящим лириком начала XXI века из чеченцев.

Впервые имя Асламбека Тугузова я услышал от одного знакомого, который с эйфорией поведал, что в Интернете есть поэт, вызывающий у всех восхищение. Двух этих слов – «Интернет» и «восхищение» – хватило, чтобы дальше не продолжать разговор: к тому времени у меня выработалась стойкая неприязнь

к этому словесному тандему. А все дело в том, что за несколько лет работы в журнале от этих горе-пиитов и горе-беллетристов «настрадался» настолько, что даже несколько раз порывался уйти из редакции. К примеру, заходит в кабинет он (или она), достает из сумки (папки, портфеля) тетрадь (распечатанные листы), или из кармана флешку, или даже смартфон, и тут начинается... Думаю, важно будет упомянуть об одной тенденции относительно «поэтов» и «прозаиков». Если ты «прозаику» сначала робко, потом все настойчивее пытаешься донести, что «это не годится, слабо, неубедительно, не выпукло, не художественно, избито, тривиально», указываешь на неточности, слабый сюжет, диалоги и т.д. и т.п., автор рассказа или повести одной единственной репликой разносит в пух и прах все, что ты только что говорил. С надменным взглядом и дрожащим голосом до тебя доносится: «А ты... ты... знаешь, что это... это... случай из реальной жизни!» – «Чтооо?!» С поэтами все такой же обидный разговор получается. «Эээ, сударь (сударыня), это никак-с не поэзия...» – «Как?! Как так-с не поэзия?!» – «Вот так-с, это совершенно вторичные тексты, это какой-то набор искореженных смыслов и слов, это...» – «Да?! А в Интернете всем нравится! А в Интернете все пишут восторженные комменты, ставят лайки...»

Да уж, в эпоху лайков и дизлайков как не относиться настороженно ко всему, что «оттуда», из Интернета? Но, с другой стороны, мы прекрасно видим, что графоманы и рифмоплеты атакуют нас и с книжных полок, и со страниц периодических изданий. Да отовсюду! Этакие «литературные» покемоны, у которых есть своя маленькая, но крепкая и устойчивая армия фанатов, страдающая КОВИДом от литературы – отсутствием всякого вкуса.

Мои же опасения относительно поэзии Асламбека Тугузова оказались напрасны. Однажды я «самоходом» добрался до его страницы в Сети и нашел в его поэзии и характер, и глубину, и боль, и страх, и страсть, выраженные в *простой* человеческой интонации (добиться же *простой* человеческой интонации – совсем не просто). Не будучи поклонником социальных сетей (любых), чисто из «экологических» соображений подписался на его страницу, ибо редко найдешь в наших окрестностях место, где есть «воздух, пригодный для дыхания» (Герман Гессе).

Из двух стихотворных сборников Асламбека Тугузова, естественно, первым для прочтения выбрал тот из них, что вышел по времени первым – это «Ночные песни», 2019 года выпуска. Но, как выяснилось позже, в принципе, можно было начать и с «Пленника пламенных звезд», так как последняя книга включает в себя почти все стихотворения из первой книги. За редким исключением все.

Кто такой поэт Асламбек Тугузов? И вообще, кто они – поэты? Как они появляются? И зачем? Для чего? Для кого? Могли бы мы все, кто не поэты, обойтись без них, кто поэты? Или – нет, может, мы все и есть поэты? Кто же из нас не очаровывался и не печалился закатом, рассветом, звездным небом, курлыканьем журавлиного клина в осеннем или весеннем небе, листопадом, снегопадом и пр., и пр.? Кто из нас не плакал? У кого из нас не болело? Если так, то каждый из нас поэт – и ныне, и присно, и во веки веков! Вот только некоторые из нас идут дальше, чем просто созерцать и переживать – они пишут стихи, графику души выводят в графику букв, слов и наречий, вследствие чего

рождается поэзия как отражение душевной красоты. Поэт Асламбек Тугузов пишет о том, что «много в сердце... накопилось пылающих слов», и следом выдает поэтический и человеческий манифест:

... Не закопать, а выкопать хочу
Живую боль, готовую к атаке,
Пока Господь не дунул на свечу
Беспутной жизни, тлеющей во мраке.

Но, как рыбак, упругую блесну
В поток воды, в преддверии улова,
Бросаю мысль в седую глубину
И сразу же вытаскиваю слово.

Оно кричит от имени судьбы
Непризнанных и преданных забвенью
Холодным равнодушием толпы,
Погрязшего в разврате поколенья.

Оно кричит и рвет до хрипоты,
Тревожа сон трусливого сознания,
Рыдает от кромешной пустоты
И мечется на дне существования.

(«А памяти кизилковый дымок»)

Наверное, следующая фраза покажется отчасти глупой, а отчасти наивной, но это так: Тугузов, несмотря на то, что является чеченцем до мозга костей, вместе с тем является представителем русской поэтической школы. И это вовсе не потому, что он пишет на русском языке – сколько мы знаем тех, кто пишет на русском... и только. Тугузовская поэзия вобрала в себя все самые лучшие соки русской поэзии, начиная с Золотого века, продолжая Серебряным, лирикой военных лет (1941-45гг.) и далее, и далее...

Плескалась гладь серебряной реки,
Прозрачная от льющегося света,
И звезды, как большие мотыльки,
Плескались в ней до самого рассвета.

(«Шесть звонких струн. Мелодия души»)

Во всей этой гамме звуков и слов – *плескалась гладь, серебряная река, льющийся свет, звезды и мотыльки* – нет ничего «чеченского». В этой поэтической коллаборации сосредоточена русская силлабо-тоническая школа, начиная с XIX века, и весь XX-ый (Лермонтов, Плещеев, Фет, Суриков, Бунин, Есенин, Пастернак, Рубцов...) А порой поэт может отправить своего читателя в далекие дебри Гугла

в поисках значения того или иного слова. В стихотворении, посвященном Луле Жумалаевой, читатель споткнется о слово «зане»: Пускай уж воет волк и сонная волчица / Подхватит скорбный вой и громко вскрикнет птица. / Над Родиной глухой – пусть плачет через силу, / Зане родная дочь твоя сошла в могилу. /

В стихотворении 2016 года (да, Тугузов все свои стихи датирует, и это замечательно) поэт приводит грустную картину – преддверие войны и разлуку:

Знобило. У вашей калитки
Мне стало немного теплей.
А мимо, как будто улитки,
Шли толпы усталых людей.

У памяти все дорогие,
От близких друзей – до врагов,
А мы молодые такие,
Стояли на стыке веков...

И тут же в памяти всплывает другая грустная картина из есенинской «Анны Снегиной»:

Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет,
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»

Далекие, милые были.
Тот образ во мне не угас...
Мы все в эти годы любили,
Но мало любили нас.

И тут дело не в том, что и там и тут поскрипывает *калитка*, и даже не в том, что и по сюжету две эти поэтические истории чем-то схожи – у Есенина тоже преддверие войны и всеобщего хаоса на пару с разлукой. Oldschool Тугузова носит подсознательный характер, но вместе с тем эта самая *подсознательность* не случайна, она в первую очередь – плод той самой русской поэтической школы, в которой Тугузов как поэт учился очень усердно. Наверное, в том числе и это самое имела в виду поэт Марина Саввиных, когда писала в предисловии к сборнику «Пленник пламенных звезд»: «Давненько не встречала я у наших русских поэтов столь чистой, внятной, празднично яркой, ироничной и опрятной русской речи, как у чеченца Асламбека Тугузова». Чистая, внятная, празднично яркая, ироничная и опрятная речь чеченца Тугузова, к примеру, выглядит так:

Меня такая мысль гнетет,
Слагаясь в стих неволью:
Когда умрет мой старый кот –
Мне будет очень больно.

Когда свернувшийся в клубок
Лежит он на диване,
Я знаю, что не одинок
В моей пустой нирване.

...Бывает, разойдутся днем
Домашние куда-то,
А я сижу с моим котом,
Беседую как с братом.

Он строго смотрит на меня,
Как будто понимает,
Про что ему толкую я
И что меня терзает.

...Сияй же пламя желтых глаз,
Моргай кошачье веко.
Не рвись мистическая связь
Кота и человека.

По мере погружения в поэтический океан Асламбека Тугузова читатель то тут, то там натывается на кораллы и жемчуга, состоящие из аллюзий, реминисценций и ретроспектив, что в свою очередь придает его поэзии постмодернистский характер. Нет, Тугузову как поэту не присуща эклектика, он не смешивает стили, не устраивает поэтические загадки и шарады, не нарушает он также и нормы словообразования, сочетаемости, грамматики, орфографии, пунктуации и пр., то есть, все у него по правилам и канонам, а самое главное, автор в его поэзии «не умер», наоборот, его голос звучит ясно и четко, как натянутая струна, но, вместе с тем, его поэзия интертекстуальна, она вбирает эпохи, отсылает к различным поэтическим школам, конкретным авторам, историческим и культурным эпизодам или даже к сводкам криминальных новостей современной России, временами присутствует эпатаж, ирония соседствует с черным юмором:

В культурной столице России,
В квартире, как старый бандит,
Прищурив глаза голубые,
Профессор усталый сидит.

...Нет в жизни ни смысла, ни фарта,
Нет скрепов и нету любви.
Забрызган сюртук Бонапарта
И ворс панталонов в крови.

А утром светило науки
Приходит к холодной реке,

И нежные женские руки
Томятся в его рюкзаке.

...Логичный и чем-то нелепый
Финал, и крошечная тьма.
Ах, эти духовные скрепы,
Ах, горе от мрака ума.

(«В культурной столице России»)

Томно-романтичный и грустный лермонтовский мотив – *Выхожу один я на дорогу; / Сквозь туман кремнистый путь блестит; / Ночь тиха. Пустыня внемлет богу, / И звезда с звездою говорит.* / – у Тугузова в стихотворении 2000-го года приобретает апокалиптическое звучание:

Выхожу один я из подвала,
Старый двор воронками изрыт.
В небе свет ракеты, темно-алой,
Мне о смерти близкой говорит.

Как на сцене дикой пантомимы,
Бьются тени мрака и огня,
И земля, окутанная дымом,
Громко кличет, может быть, меня.

Вот иду, несу свою тревогу,
Рядом что-то рвется и горит.
Здесь давно никто не внемлет Богу,
И звезда с звездой не говорит...

А под мотив песни советской эпохи «С чего начинается Родина?» до нас доносится тот самый плач одинокого волка под луной. Плач, в котором нет конечных ответов, есть только бесконечные вопросы:

...А может, она начинается
С разрушенной башни в горах,
Где все еще в сумерках маятся
Мятежного пращура прах...

...С чего начинается Родина,
Откуда, с какого конца?
С осевшей и грустно ухоженной
Могилы родного отца...

...А может, она начинается
От тех еще первых шагов,

Где молодость наша скитается
В разгрузке на восемь рожков.

Где дым до небес поднимается
И глохнет живое в дыму,
И сердце на ребра бросается,
И удержу нету ему.

(«С чего начинается Родина?»)

«А не усмотрят ли в творчестве Тугузова отсутствие собственного голоса, собственного авторского стиля?» Эта мысль была высказана автору этих строк одним уважаемым литературным критиком.

Не только художественная литература «грешит» таким явлением, как «авторский стиль». (И правильно, что «грешит». Это как почерк, который у каждого свой, или походка, или пальца отпечаток). Буквально все в этой жизни, все, что выходит под знаком качества, буквально все, что делается талантливо, имеет свой оригинальный, индивидуальный стиль. Совершенно нелитературный пример из бокса: Мухаммед Али – «порхать, как бабочка и жалить, как пчела»; Майк Тайсон – натиск и агрессия; Леннокс Льюис – академическое боксирование...

А сколько в литературе своих «пестрых» голосов. Разве можно спутать мрачного Достоевского с лаконичным Чеховым или тяжеловесного Толстого с в меру сентиментальным Тургеневым, Бунина с Куприным, Горького с Бабелем, Хемингуэя с Ремарком, Маркеса с Борхесом?.. Несмотря на то, что используются те же буквы и слова, разве похожи стихи Цветаевой и Ахматовой, Маяковского и Мандельштама, Есенина и Пастернака?..

То, что поэтика тугузовских текстов корнями уходит в классические каноны не только русской, но и мировой поэзии, в частности, мусульманского Востока, никак не умаляет достоинства его собственного поэтического голоса, и, тем более, не говорит об отсутствии последнего. Тугузов не является поборником «старой школы». Если представить ситуацию, при которой не было бы всей той плеяды больших имен Золотого и Серебряного веков, то и тогда его поэзия дышала бы именно так, как она дышит сегодня. И образ розового коня – *Была весна, слегка раздвинув шторы,/ Сияла даль, а рядом, в тишине/ Кричал петух и кашлял пьяный сторож/ И ночь неслась на розовом коне/* – это образ Тугузова, переосмысленный и пережитый им, который через десятилетия «перескакал» из есенинских строк. Как у глубоко начитанного и филологического человека, у Тугузова все отложено в сознании, в культурном коде и позже оживает в собственном поэтическом опыте.

Тугузов остается тонким пронзительным лириком во всем, даже в лирике военной. Кстати, именно в ней он, как мне кажется, достигает подлинной поэтической высоты и глубины. В стихотворении «Падал снег и вьюжили снежинки» поэт удивительным образом передает ужас войны и человеческого отчаяния в ней.

Падал снег, и вьюжили снежинки
Над седыми сопками Карпинки,
Над Нефтянкой и над Ташкалой.
Заметая черные воронки,
Падал снег, стремительный и тонкий,
Словно вестник истины благой.

Какой музыкальный слог! Слова в этом стихотворении льются, как музыка в вальсе Евгения Доги! Если бы не словосочетание «черные воронки», то перед нами предстает вполне мирная картина, а человеку, далекому от событий тех лет, названия чеченских поселков – Карпинка, Нефтянка и Ташкала – вполне могут быть восприняты либо нейтрально, либо как незнакомые, можно сказать, экзотические топонимы. Но каждой новой строчкой градация кружения вальса смерти усиливается:

Падал снег, и было очень тихо,
Словно отступив, уснуло лихо,
Словно вдруг за эти полчаса
Кончились у времени патроны,
Все его проклятия и стоны,
Все его гудки и голоса.

Падал снег, свободный и крылатый,
Весело царапая бушлаты
Павших и оставшихся лежать
Навсегда под этими снегами,
Белыми, холодными руками
Цепко вгрызшись в ледяной асфальт...

Как мне кажется, это одно из лучших стихотворений о войне, когда и кем-либо написанных. Читатель испытывает наивысшую степень осознания и погружения в контекст, воспринимая «происходящее» на физическом и метафизическом уровне.

Падал снег, и век прощался с веком
Навсегда, как будто с человеком
Близким и навеки дорогим.
И душа, свернувшаяся в льдинку,
Принимала каждую снежинку,
Окликая именем одним.

Падал снег, и бился в перепонки,
Бел, как саван, или как пеленки
В темноте космической трубы,
Где уже ни смерти, ни томленья –
Только это вечное круженье,
Белый танец снега и судьбы.

В предисловии к поэме «Реквием» Анна Ахматова пишет: «В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то «опознал» меня. Тогда стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда в жизни не слыхала моего имени, очнулась от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):

– А это вы можете описать?

И я сказала:

– Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом».

Если собрать на одной чаше весов воспоминания всех маршалов и генералов войны 1941-45 гг., будь то Жуков, Конев, Рокоссовский и т.д., исследования всех историков тех и более поздних лет, все официальные сводки и т.п., а на другой чаше расположить четыре финальные строчки из небольшого стихотворения Семена Гудзенко «Перед атакой» – *Бой был короткий. А потом / Глушили водку ледяную, / И выковыривал ножом / Из-под ногтей я кровь чужую /* – и задаться вопросом: у кого и где мы можем отследить весь ужас войны, человеческую трагедию, антивоенный посыл? Думаю, ответ очевиден.

Когда художник слова, претерпевший, переживший, пропустивший через себя боль и скорбь своего народа, берется за перо – это во стократ мощнее, чем мертвые речи, которые читаются по шпаргалке с высокой трибуны или толстые, увесистые тома историков и ученых, которые нормальные люди ни при какой погоде читать не будут. Тем более, в наших реалиях, когда история, наподобие маятника, задерживает свой ход в угоду той или иной конъюнктуры, только слово поэта может взять на себя роль суровой исторической правды.

В Большой Российской энциклопедии есть статья под названием «Операции по восстановлению конституционного порядка в Чечне 1994-96 гг.», где сухим, телеграфным языком, как и принято в подобных изданиях, поведено о том, что под вышеприведенным термином понимаются «действия Объединенной группировки войск (ОГВ) в соответствии с Указом Президента РФ... (далее приводится длинный перечень цифр указов и постановлений Правительства РФ – С.А.) в целях разоружения и ликвидации незаконных вооруж. формирований (НВФ), стабилизации обстановки, восстановления законности и правопорядка на территории Чеч. Республики...» И далее в таком же духе вся статья о войне, вернее, о бойне. В книге Антипова А. В. «Лев Рохлин: жизнь и смерть генерала» устами того самого генерала передается следующий рассказ: «Разгром был полный. Командование находилось в шоке. Его главной заботой стали, очевидно, поиски оправданий свершившегося. Иначе трудно объяснить тот факт, что на связь со мной никто не выходил... Начальники словно воды в рот набрали. Министр обороны (генерал Павел Грачев), как мне потом рассказывали, не выходил из своего вагона в Моздоке и беспросветно пил...» Этот фрагмент рассказа российского генерала – яркое свидетельство тех страшных дней, здесь присутствует живой голос, возмущение, эмоции, краски. Но уже перо поэта картину по «восстановлению конституционного порядка» описывает следующими словами:

И с такой трескотней, что горела земля,
Глухо падали стены и лопались камни.
И какая-то псина, безбожно скуля,
Волочила кишки, как упавшее знамя.

(«Это было давно, а как будто вчера...»)

Поэзия поэзии рознь, так же как и поэты. Сколько их, безумных, посещали, посещают и будут посещать сей мир – не счесть. Но вот опять же, какая оказия! Среди поэтов есть те, кто думают, что они поэты, уверенные, что они поэты, довольные, что они поэты, испытывающие блаженство от того, что они поэты, откидывающие голову, как поэты, закидывающие ногу на ногу, как поэты, дающие советы всем – и начинающим, и завершающим, и даже тем, кто никогда не писал и не собирается писать. Они пишут стихи ко всяким торжественным, праздничным, церемониальным, скорбным, траурным и ко многим другим дням. Они обязательно напишут об осени, стоит увидеть лужу, о зиме при виде сугроба, о весне при распутице, а вот лето они как-то не очень жалуют – то ли муха, ползающая по бумаге, мешает, то ли комар на лбу, и лишь некоторые из них напишут о лете уже осенью, типа «ах, лето! прощай, лето!» Но обязательно в их поэтическом арсенале есть, были и будут стихи о Родине, о горах, о роднике, что под горой, о башне, что над горой, о солнце, заходящем между горами, о деде, о прадеде, о прапрадеде...

И вот один из них, одетый с иголки – черные, сверкающие туфли, классический костюм, белая рубашка, надутые щеки и багровое лицо от плотно затянутого галстука – выходит на сцену к микрофону. На лацкане его пиджака, если на календаре красная дата или, как правило, собственный юбилейный вечер, поблескивают и позвякивают Бог весть откуда-то взявшиеся значки, медали и ордена. Зал замирает. Какое-то легкое, воздушное мановение, сначала руки, затем головы, следом обеими руками поэт поправляет микрофон, хотя никакой нужды его поправлять не было и нет, взгляд его великодушно окидывает зал, и следом поэт начинает чтение собственных *стихотворений*. С голосом поэта происходят различные трансформации – он то бормочет, то завывает, то горланит, то скорбит, то переходит на шепот, а то и на молитвенный распев. Неизменным у поэта на всем протяжении тридцати шести или сорока двух *стихотворений*, что он прочитает за сегодняшний вечер, будут глаза – грустные-грустные, как у коровы, ведомой на убой, или, как у есенинской собаки, перед тем, как они «покатились... золотыми звездами в снег».

Но все, что читает наш поэт, живой, так сказать, классик, по своему поэтическому уровню не многим отличается от того, что когда-то в советские времена любая идеологическая газета публиковала на последней странице, с оговоркой, дескать, «стихи наших читателей». И от этого неумеренного примитивизма, от этих ужасных рифм, пошлейших и шаблонных метафор, восторженных эпитетов, неуместных клише так больно и обидно становится и за башню на горе, и за родник под горой, и за солнце между горами, не говоря уже о пращурах... Затем вечер юбилейный окончится, поэт сойдет со сцены под овации, с очередной металлической цапкой на пиджаке и с цветами. В фойе

зала к поэту выстроится очередь за автограф-книгой, на обороте которой живой классик напишет что-то в духе «читай и расти, мой дорогой (ая)!» И никому невдомек – ни поэту, ни его почитателям, что приобщение к подобным сборникам стихов «в столбик и в рифму» отбрасывает их далеко от подлинной поэзии, от настоящей литературы.

Но, к счастью, к огромному счастью, бывает и по-другому. Бывает так, что через круговорот рождения и смерти, через толщу годов и хрупкость дней, в эпоху всеобщего гниения и распада, лжи и предательства, обмана и корысти в эфир начинают литься строки, которые волнуют твое обезумевшее сознание и истосковавшуюся душу, или же, выражаясь словами самого поэта, «...сердце на ребра бросается, и удержу нету ему».

Гомер ушел, ахейских журавлей
Пропала в небе плачущая стая...
Ах, молодость, зачем, тебя листая,
Я становлюсь тревожней и смелей.

Зачем теперь мне снятся мертвецы
И голоса их, полные печали.
Зачем гляжу в безжизненные дали,
Пустых столетий звездные концы.

Вернись, Гомер, века перешагни
И посмотри прозревшими очами
На нас, исполосованных мечами,
И новую поэму сочини.

Для меня Тугузов, чисто в литературном контексте, это представитель чеченского «потерянного поколения». Дожив до того возраста, вернее, до того душевного состояния, когда «снятся мертвецы и голоса их, полные печали», он пытается отыскать, прежде всего для самого себя, эликсир от страха и одиночества в рифмованных закоулках собственной поэзии. Сетуя на то, что «мы родились в дурные времена, мы родились, наверное, некстати», поэт, естественно, понимает, что не волен выбирать ни время, ни судьбу, но его наивысшей задачей как художника – оставаться в любое время и в любые времена самим собой, сохранить свою внутреннюю свободу.

Несмотря на ранее упомянутую «русскую школу поэзии», на отсутствие «чеченской лексики» в его стихах, Тугузов, вместе с тем, является подлинным большим чеченским поэтом – чеченским поэтом, выбравшим инструментарием для самовыражения русский язык. Его поэзия – это боль и страдание чеченского народа, и многие его стихотворения – это развернутые метафоры о Родине. И потому поэзия Тугузова, конечно, не избавит нас от тоски, в определенном смысле именно в нее она нас и ввергает, но эту целительную тоску вполне можно выписать как рецепт от головокруженья.

История

**Халим Бурчаев,
Руслан (Султан) Бурчаев**

Борьба горцев Чечни против Деникина

(Отрывок из неопубликованной книги «На перевалах не стрелять!»)

Жестокая битва с деникинцами за Устради-Аул

Известный чеченский писатель Халид Ошаев в своем историческом романе «Пламенные годы» пишет:

«Надвигались грозные дни.

На заре 26 марта с запада, со станичных земель Сунженской казачьей линии, до самого Гудермеса согласным хором загремели орудия: гур-гурр... гур-гурр...

Деникин двинул три дивизии. На Шаами-Юрт, Хадис-Юрт, Кулары, Алхан-Юрт, Бердыкель, Устар-Гордой, Мескер-Юрт, Цацан-Юрт. По всему фронту.

На помощь шли теперь пешими. Решившемуся держать оборону насмерть лошадь мешает.

Надвинутые на лоб папахи, суровые лица, сдвинутые брови, сжатые челюсти...

Алхан-Юрт – ворота в Малую Чечню. Лучшие полки белые бросили туда...

Жители Бердыкеля не дождалась помощи. В первый же день наступавшие со стороны Грозного деникинцы заняли его и сожгли до основания, а освободившиеся войска направили в близлежащее село Устар-Гордой, жители которого заранее разрушили мост через Аргун. Стоявший на станции Джалка бронепоезд белых громил это селение из шести пушек. На второй день к вечеру оно пылало...

В этот день белые вновь возобновили атаки на Алхан-Юрт».

В своей работе «Народы Чечено-Ингушетии в борьбе против Деникина» научный сотрудник Чечено-Ингушского НИИ при Совете министров ЧИАССР З. А.-Г. Гойгов пишет:

«Стянув войска, генерал Ляхов открыл против Чечни фронт протяженностью в 60 верст – от Гудермеса до границ Ингушетии. Он поставил своей целью разгромить революционные силы Чечни и подчинить ее власти Деникина.

26 марта в 7 часов утра деникинское командование предприняло наступление против чеченских аулов. Главный удар деникинцы направили на аул Алхан-Юрт, открывающий дорогу в глубь Чечни, и аулы Кулары, Устар-Гордой и другие, расположенные вдоль линии железной дороги.

Белогвардейские части после упорного боя взяли и уничтожили аулы Устар-Гордой, Бердыкель и заняли разъезд Джалка. Белыми были захвачены: два орудия, пулеметы, ящики с пулеметными лентами, обоз и до 500 голов скота. Но нелегко досталась им эта победа. В бою в районе аула Мескер-Юрта был убит командующий 1-й конной дивизией полковник Пушкин. Прежде чем сжечь аулы, белые их начисто ограбили. Из Чечни потянулись гурты скота и обозы, груженные кукурузой. Но основной свой удар деникинцы обрушили на аул Алхан-Юрт».

Лучшие генералы, Ляхов и Каплан-Клыч-Гирей, настойчиво предлагали Деникину идти на восток, обходя ингушские и чеченские аулы. Его войска неудержимой лавиной шли за отступающими красными. И генерал Деникин, под влиянием победоносного начала белого движения и советов других своих стратегов, не послушался разумного предложения. Он ошибочно считал, что так же легко покорит чеченцев и ингушей, как горцев Балкарии, Кабарды, Карачая, Осетии, Черкесии и бойцов 11-й Красной Армии. Но главнокомандующему Войсками юга России Деникину и его генералам дорого обошлись атаки и разгром чечено-ингушских аулов. Многими тысячами полегли белогвардейцы под плоскостными вайнахскими селами.

Заклучив военно-политический союз с коммунистами, чеченцы и ингуши оказали самое яростное сопротивление. Эта война стала народной. Одни из самых отборных дивизий Добровольческой Армии надолго застряли в войне с чеченцами и ингушами.

Известный государственный деятель ЧР, историк Дукуваха Абдурахманов в книге «История моего народа» (Издательство ООО «Паламед». Москва, 2014 г.) дает следующие сведения:

«Чтобы сломить сопротивление чеченцев и ингушей, Деникин дотла сжег десятки крупнейших центров Чечено-Ингушетии – Экажево, Долаково, Алхан-Юрт, Чечен-Аул, Устар-Гордой, Гудермес, Герзель-Аул, Старый-Юрт и другие».

Чеченцам удалось дать достойный отпор врагу. Ценой огромных потерь деникинцам удалось в жестоких боях взять и сжечь несколько аулов. Но выполнить свою задачу нового силового покорения Чечни им так и не удалось. Потеряв тысячи убитых и раненых солдат и офицеров, деникинцы вынужденно вернулись в свои укрепленные лагеря вдоль железной дороги.

Теперь обратимся к рассказам непосредственных участников боев за Устради-Аул, а также краеведов, слышавших от отцов и дедов о тех сражениях.

Рассказ Саида Саиева, 1901 года рождения, из с. Ялхой-Мохк: «В горах появились гонцы от равнинных чеченцев. Они сообщили нам: «Русские огромными силами идут на чеченские плоскостные аулы вдоль всей железной дороги! Вас просят о помощи!»

Спешно собрав свои отряды, горные чеченцы немедленно двинулись в сторону реки Аргун. Когда в послеобеденное время наш ялхой-мохковский отряд прибыл в Устради-Аул, узнали от собравшихся здесь чеченцев, что деникинцы уже сожгли аул Бердыкель, находящийся недалеко за рекой. Над аулом витали огромные столбы дыма. Это горели дома бердыкельцев.

Непострадавшие и легко раненые в боях защитники Бердыкеля отступили в Устради-Аул. Спасшиеся женщины и дети ушли на юг, в другие чеченские аулы. Теперь враг шел на Устради-Аул. Вскоре многочисленный враг показался за рекой. Солдат было очень много, они были вооружены пушками, пулеметами и винтовками.

В жестокой битве на Чеченской равнине за Устради-Аул участвовало очень много нохч-мохкоевцев. Из ялхой-мохковцев там были Арцуев Арсанак, братья Байбетировы Витиг и Доу, Бурчаев Астемар, братья Джамирзаевы Эдалсолта и Элмарза, Джанхотов Керим, Дихиев Мусит, Дудаев Арзу-Хаджи, Дудаев Бурча, Дудаев Геза-Хаджи, Муситов Бетар-Солта, Саламов Роаса, Эскирханов Вахит и многие другие. Ялхой-мохковцев там было человек сорок. Дома, в Ялхой-Мохке осталось еще больше сельчан, желавших принять участие в битвах с врагом.

Но у них не было скаковых лошадей, а без них невозможно было выезжать на равнину в поход и бороться с врагом. Своих скакунов мы оставили в Цоци-Ауле, у людей из тайпа ялхой, родственников нам, бийтароевцам.

Большое сражение было в Устради-Ауле. Много пролилось крови, много там пало чеченцев, но еще больше врагов. Нам пришлось выдержать страшную рукопашную схватку с ними на берегах и в водах реки Аргун. Деникинцы кололи чеченцев штыками и били саблями, а чеченцы яростно рубили их одним холодным оружием. От громких криков людей, звона клинков и грохота закладывало уши.

– Я Аллах! Тоха, к!ентий! (О Аллах! Бейте, молодцы!) – подбадривали друг друга чеченцы.

– Ур-рра! – кричали деникинцы.

Все перемешалось и перепуталось в клубках дерущихся.

Несмотря на численное превосходство противника, чеченцы стали теснить солдат. Тогда, испугавшись, что мы выйдем на левый берег реки к их позициям, они открыли плотный огонь из пулеметов и винтовок в толпы дерущихся в рукопашной людей, не разбирая своих и чужих. Деникинцы побежали в сторону своих позиций, а нам пришлось спешно покинуть поле боя и отступить на правый берег реки. Мы были очень поражены жестокостью врагов, жестокостью даже к своим солдатам. Оттуда, из вырытых вдоль реки окопов, чеченцы открыли огонь по бросившимся в атаку солдатам. Много раз враг кидался на нас, но мы отбили его. Огонь артиллерии ложился по окопам и домам устради-аульцев. Все вокруг польхало огнем пожарами.

На эшелонах и пешим ходом белые войска все прибывали на подмогу своим солдатам. Казалось, им не будет конца. Местами опять завязались жаркие рукопашные схватки с врагом. Но деникинцев было очень много. Нам пришлось выдержать десятки атак и локальных рукопашных схваток с отлично вооруженным, обученным и бесстрашным противником. После отчаянного сопротивления, когда уже почти кончились боеприпасы, под неудержимым натиском противника, чеченцам пришлось покинуть горящий аул. Чеченцы уносили своих убитых и раненых. Еще больше наших мертвых осталось лежать и на месте боев под ногами солдат. Всех унести у нас не было возможности, так как лошадей в аул взяли немногие. «Теман аренахь церан цхъаьнан эпсаран дакъа хъала гIатталц летира вай гIазакхех! (Мы дрались с русскими, пока на поле боя не встал труп одного их офицера!)» – сказали старики. (По старинным чеченским языческим поверьям следует: если на поле боя встал на ноги труп павшего в бою врага, то это знак свыше, что Верховный Бог – Дела недоволен пролитием человеческой крови, и битву следует немедленно остановить. – Авторы.)

Мы пешком уходили на юг и юго-восток к другим, в сторону еще не атакованных солдатами чеченских аулов Гелдаган, Гермчига, Белгатой-Аул, Мескер-Юрт, Цоци-Аул. Среди нас редкий был не раненый. Раненых тяжело у нас не было, кроме Байбетирова Витига, но его рана не являлась смертельной: ему проткнули ногу штыком. Он потерял много крови и сильно ослаб. Идти ему помогала наша молодежь. Все были крайне изнурены физически и морально.

Черный густой дым огромными столбами окутал небо над аулом. Это горели дома устради-аульцев, подоженные разъяренными солдатами. Враги стреляли с бронепоездов и из пушек, по всем направлениям нашего отступления.

Озлобленные большими потерями, они шли за нами.

На краю аула стояла группа устради-аульцев, около десяти человек. Все они были в кровавой оборванной одежде. Было видно, что им пришлось выдержать неоднократные рукопашные схватки с врагом.

Среди них были мужчины разных возрастов. С каким-то непонятным блеском горели их глаза, на лицах была отрешенность от этого мира...

Старик-устради-аулец просил отступающих защитников аула:

– Братья-мусульмане! Наши семьи перебиты, даже женщины и дети! Наш аул сожжен врагами! Нам незачем жить! Мы хотим умереть с оружием в руках в газавате против ненавистных гяуров! Но наши боеприпасы кончились! Просим вас оставить нам свои патроны!

У многих из них по щекам текли слезы. Среди них было двое молодых ребят, года на два-три, наверное, моложе меня. Им было по пятнадцать-шестнадцать лет. Они плакали. Видно, их родители, братья и сестры – все погибли... Мы знали, что в Устради-Ауле от артиллерийского огня и рук разъяренных солдат погибло очень много женщин и детей.

Мы попросили их уйти с нами. Они отказались, и старик заявил нам:

– Нет! Даже безоружные, мы не покинем свой аул! А вы уходите! Вы еще будете нужны при защите других аулов!

Мы оставили им свои патроны, которых и у нас было не так много. Когда мы успели уйти от этого места шагов триста, раздались громкие выстрелы, крики на чеченском и русском языках. Через непродолжительное время все стихло.

Мы застыли на месте. Постояли там недолго, прислушиваясь. Больше не было стрельбы. Они все погибли там. Затем, так же молча, все двинулись вперед. В наших сердцах кипела ненависть к вековому врагу...

Нам уже нечем было помочь этому аулу и его несчастным жителям. У нас уже не осталось ни сил, ни боеприпасов бороться с таким сильным и жестоким врагом».

Рассказ Цехаева Гази-Махмы из г. Аргун:

«Наши старики много рассказывали о сражении чеченцев с деникинцами в Устради-Ауле. Это была большая трагедия для нашего аула, равнинных и горных чеченцев, прибывших на помощь устради-аульцам.

Так, они рассказывали один случай. После того, как деникинцы почти захватили Устради-Аул, вытесненные врагом жители и прибывшие к ним на помощь чеченцы из других аулов вынужденно покинули аул. Солдаты подожгли дома. Они без жалости убивали оставшихся там стариков, женщин и детей. В разных местах еще гремели выстрелы и слышались крики людей. Это дрались с деникинцами оказавшиеся в окружении или не пожелавшие покинуть свой родной аул воины. Так, одна из таких групп устради-аульцев одной из последних покинула родной аул. Как и другие небольшие отряды, эта группа прикрывала уход из горящего аула стариков, женщин и детей. Эти отчаянные воины тоже оказалась в окружении. Им пришлось прорываться с боями на юго-восточную окраину аула. Только отличное знание местности спасло их.

Эта небольшая группа сумела уйти в леса, где-то в район нынешнего завода «Пищемаш». Уже наступили сумерки. Здесь, среди деревьев и кустарника, они наткнулись на убитых вражескими снарядами аульчан. Среди них лежала мертвая молодая женщина. Рядом с ней сидел ее совсем маленький испуганный сын, еще не научившийся ходить и говорить. Ребенок внимательно и осмысленно, как взрослый, осмотрел всех мужчин. Узнав

среди них своего отца, обрадованно и довольно сопя и вместе с тем жалобно хныкая, ребенок стал быстро подползать к нему. Стесняясь при старших, молодой отец отодвигался от сына.

– Ради Аллаха! Не отходи от несчастного ребенка! – попросили его старшие.

Отец остановился на месте. Ребенок дополз до отца, крепко обхватил его за ноги и, как взрослый человек, горько заплакал. Даже своим детским умом ребенок понял, что в этом еще вчера прекрасном мире сегодня творится что-то ужасное. Растерянный отец стоял, не зная, что ему предпринять. Затем отец стал ногой потихоньку отталкивать сына.

– Ради Аллаха! Не отталкивай несчастное дитя! Возьми его на руки! Сегодня не время для приличий, – строго потребовали старшие по возрасту.

Отец все не решался нарушить законы предков. По настоянию своих старших товарищей, краснея, он взял сына на руки и закутал его в свою черкеску. Крепко обняв за шею отца, ребенок сразу успокоился.

Видя картину печальной встречи отца и маленького сына, сами тоже потерявшие за этот день много родственников, у некоторых мужчин по щекам потекли слезы.

Похоронить мертвую женщину и других сельчан у них не было возможности. Многочисленные враги цепью шли в их сторону. Они уже были не столь далеко. Близко слышались их перекликающиеся голоса на русском языке. Не выдавая своего присутствия, группа воинов с ребенком тихо ушла в сторону Цоци-Аула.

После сожжения и разграбления Устради-Аула вооруженные до зубов, отборные деникинские полки двинулись на соседний аул Мескер-Юрт.

А спасенный ребенок прожил долгую жизнь и умер совсем недавно».

Этот печальный случай Цехаев Г.-М. поведал одному из авторов, Р.(С.) Х. Бурчаеву, в 1987 году. Рассказчик называл имена этих людей, но автор уже не помнит их. Г.-М. Цехаев умер в начале 2000-х гг. Уже не у кого узнать подробности...

28 декабря 2017 года автор случайно встретил своего бывшего коллегу Ахмадова Гилани из г. Аргун, близкого родственника Цехаева Г.-М. Вот, что он рассказал Р.(С.) Х. Бурчаеву:

«О битве за Устради-Аул наши старики рассказывали часто. Еще были живы те, кто участвовал в тех боях или же, будучи ребенком, видел все эти ужасы. Не все я запомнил. Но кое-что осталось в моей памяти. В той битве погиб мой дед. Действительно, тогда было убито очень много устради-аульских мужчин, даже женщин и детей. После боев устради-аульцы попросили русское командование позволить похоронить им своих погибших сельчан. Но деникинцы долго не давали устради-аульцам похоронить их.

Того ребенка, которого нашли рядом с мертвой матерью, звали Шара. Шара выжил и прожил отведенную ему Аллахом жизнь. Он умер в 1981 или 1982 году в возрасте шестидесяти трех лет. Шара был гордалинцем из нашего дома гара Бучи-некий».

Об истреблении в Устради-Ауле деникинцами не только мужчин, но и женщин и детей свидетельствуют Ахмадов Гилани, Баймуратов Рамзан, Саиев Саид, Цехаев Гази-Махма и другие информаторы. Об этом мы можем узнать из документальных свидетельств.

Так, в Сборнике документов и материалов «Гайдар Баммат – известный и неизвестный» (Автор-составитель Хаджи Мурад Доного. Азербайджанское

историческое общество. Издательство «ИПО «Турхан». Баку, 2015 г.) в «Протесте министра иностранных дел Горской Республики Г. Баммата министру иностранных дел Франции С. Пишону по поводу агрессивных действий генерала Деникина в отношении Северокавказской Республики», (г. Париж, 19 мая 1919 г., отель «Мирабо») на стр. 287 приводится информация:

«4. Оборона Северного Кавказа от агрессии генерала Деникина...

27 марта войска генерала атаковали и уничтожили три селения в районе Грозного. Женщины и дети были перебиты...»

Там же, на стр. 296-297:

«27 марта три населенных пункта, недалеко от города Грозного, были атакованы войсками генерала Деникина, разрушены и разграблены. Женщины и дети были убиты самым отвратительным образом. Будучи вынужденным защищаться от агрессора, мое правительство обратилось с новым призывом к генералу Томсону...

Северокавказские войска нанесли кровавое поражение войскам добровольцев, в результате чего генерал Деникин был вынужден просить перемирие. Направленные против нашей республики действия генерала Деникина, армии которых организованы союзниками, и, главным образом, Англией, с целью борьбы против большевизма, являются покушением на нашу независимость и принципы свободы, справедливость и право народов самим распоряжаться своей судьбой. Покушением на принципы, за которые союзные державы и связанные с ними народы вели войну в течение четырех лет. В то же время его действия против нас являются предательством в отношении той борьбы, которую все союзники, в согласии с нами, ведут против большевизма».

Известный чеченский писатель Халид Ошаев в своем историческом романе «Пламенные годы» пишет:

«Деникинцы решили положить конец налетам с гор Ичкерии и двинули полки к Качкальковскому хребту. Под селом Цацан-Юрт произошло самое кровопролитное сражение в Чечне за всю историю гражданской войны: за два дня боев с белыми пало свыше пятисот защитников аула. Дома были сровнены с землей. Вслед за Цацан-Юртом деникинцы сожгли еще шесть аулов Качкалька».

Бои за аулы Саид-Юрт и Сержень-Юрт

После свержения царя в горах Чечни и Дагестана было провозглашено новое Горское государство – Северо-Кавказский Эмират, со столицей в ичкеринском селении Ведено. Руководителем Эмирата и имамом был провозглашен известный аварский алим, престарелый Узум-Хаджи (Узум-Хаджи (Узун-Хаджи, Узун-Хайр-Хаджи) Салтинский – шейх, горский религиозный и общественный деятель. Родился в 1847 г. После Февральской революции 1917 г. один из лидеров «шариатского движения» в Дагестане. Создал Северо-Кавказский Эмират с центром в чеченском горном с. Ведено. Узун-Хаджи в союзе с большевиками боролся против Добровольческой армии генерала Деникина. Большевики обещали горцам внутреннее самоуправление в составе будущей Советской России. После своей победы в крае, когда отпала необходимость в их услугах, коммунисты начали преследование и уничтожение

«шариатистов» в Чечне и Дагестане, кроме тех, которые перешли к ним на службу. Узум-Хаджи умер весной 1920 г. в Ведено).

Чечня стала центром освободительной борьбы на Северном Кавказе. Основным ядром армии имама Узум-Хаджи были чеченцы и дагестанцы. Также служили в Горской Армии Северо-Кавказского Эмирата балкарцы, ингуши, кабардинцы, карачаевцы, кумыки, ногайцы и представители многих других кавказских народов.

Рассказ Саида Саиева:

«Плоскостные жители присылали в горы гонцов, прося о помощи против деникинцев. Много раз ездили горные чеченцы на помощь равнинным собратьям Гумс-Аула, Саид-Юрта, Сержень-Юрта, Устрада-Аул, Шали, Чечен-Аула. Ходили они на помощь и к цацан-юртовцам. К прибытию многих горных чеченцев Цацан-Юрт уже был дотла сожжен. Страшные битвы были за аулы Устар-Гордой, Саид-Юрт и Сержень-Юрт.

Ялхой-моховцы Дудаев Бурча и Дихиев Мусит служили офицерами в войсках имама Узум-Хаджи. Они были в подчинении Шиты Истамулова из Шали (Известная личность в истории чеченцев. Служил в шариатских войсках имама Узум-Хаджи. Был министром обороны Эмирата. После победы советской власти работал в чекистских органах ОГПУ. Не выдержав издевательств власти над своим народом, в 1920-х годах выступил против произвола местных коммунистов. Вызвав его на переговоры, чекисты коварно убили его в селении Шали. – Авторы). Дудаев Бурча, Истамулов Шита и Ушаев Мазлак были неразлучными друзьями и имели свободный доступ к имаму Узум-Хаджи.

Халид Ошаев в своем романе «Пламенные годы» пишет:

«В Воздвиженской и Сержень-Юрте, у входов в ущелье, ведущих к центрам восстания, белые расположили крупные воинские гарнизоны. Деникинцам казалось, что они держат повстанцев в осаде. На деле же гарнизоны сами были на положении осажденных. Даже воду для кухни приходилось везти под охраной трех-четырёх солдат, иначе возчика ждала невесть откуда прилетавшая пуля...

...Дня через два прибывшие с имамом дагестанцы и чеченцы – мюриды Узун-Хаджи – выступили с гор и в Сержень-Юрте начали боевые действия против деникинцев. И чеченцы, и дагестанцы дрались самоотверженно. В течение месяца боев село несколько раз переходило из рук в руки.

А к Узуну приходили все новые и новые люди из Дагестана, Ичкерии, Чеберлея и Шатоевских гор. Движение все шире охватывало Большую Чечню. Каждую ночь портили железную дорогу на Баку. Белым не стало ни житья, ни прохода, ни проезда».

Рассказ Саида Саиева:

«Деникинцы совершили поход к Хулхулинскому ущелью, с целью захвата аула Ведено и окончательного уничтожения чечено-дагестанских отрядов узун-хаджинцев. Более месяца чеченцы и дагестанцы сражались с сильным противником. Здесь были кровопролитные большие рукопашные схватки, большие потери в людях. Но горцы не пустили врагов в горы. Обе стороны дрались до полного истощения сил. Обе стороны устали от пролития крови. Деникинцы неожиданно отступили и ушли в сторону города Грозный.

Селение Саид-Юрт было начисто стерто с лица земли артиллерийским огнем противника. Именно из Сержень-Юрта привезли домой смертельно раненного в одной из рукопашных схваток Дудаева Бурчу, который получил страшный

удар саблей через всю спину. Он лежал на бурке у самого берега реки Хулхулау. Узнав о его ранении, подошел с товарищами Шита Истамулов. Бурча не подавал никаких признаков жизни. Чеченский лекарь обследовал его и сказал:

– Рана смертельная, он не выживет. Но пока он еще жив!

Шита Истамулов приказал своим подчиненным:

– Немедленно отвезите его домой, в Ялхой-Мохк! Пусть родственники увидят его живым в последний раз!

Селение Ялхой-Мохк от Сержень-Юрта напрямик не слишком далеко, через два лесных хребта. Бурчу увезли домой на двух лошадях, положив лицом вниз. А мы еще остались в Сержень-Юрте. Бои с деникинцами еще не кончились».

Хеда Айдамирова-Дудаева (1898 г. р.), из с. Ялхой-Мохк, рассказывала: «Несколько недель мой муж (Бурча – авторы) находился между жизнью и смертью. Потом понемногу стал поправляться. Никто даже не думал, что он выживет. Через месяц с лишним, узнав об этом, Шита Истамулов и Мазлак Ушаев (Выходец из с. Ца-Ведено. Служил в шариатских войсках имама Узум-Хаджи. Перешел на службу к коммунистам. Служил в карательных органах ОГПУ. – Авторы) с несколькими товарищами приехали в Ялхой-Мохк. Бурча очень обрадовался их приезду. Удивленные и обрадованные, что их сослуживец выжил, гости подарили мне два золотых николаевских рубля. Это были довольно большие деньги для тех времен. Пожелав скорого выздоровления Бурче, они уехали к месту своей службы. И подаренные ими деньги стали большим подспорьем в дальнейшем лечении раненого. Бурча около восьми месяцев лежал прикованным к постели. Он сумел встать на ноги, но здоровье его было сильно подорвано».

Плоскостные чеченцы в революционной борьбе

Плоскостные вайнахи в революционной борьбе участвовали в массовом порядке. Эта война стала для чеченцев и ингушей общенародной. Они участвовали в освобождении городов Владикавказ и Грозный, захваченных белыми войсками. Горные вайнахи приняли самое активное участие в защите равнинных аулов от нашествия деникинских орд. Они проявили в борьбе против сунженских и терских казаков, бичераховцев и деникинцев массовый героизм. В революционном движении на Северном Кавказе чеченцы и ингуши сыграли особую и важную роль.

Как пример борьбы горцев против реставрации монархии в России рассмотрим «Автобиографию Дохтукаева Хизри Дохтукаевича из с. Курчалой». Это типичный пример судьбы чеченских красных партизан, боровшихся против белогвардейцев Георгия Бичерахова в дни Стодневных боев в городе Грозный, потом регулярных войск Добровольческой Армии генерала А. И. Деникина, а затем принимавших участие в ликвидации остатков белых банд в казачьих станицах, располагавшихся по левому берегу буйной реки Терек.

Из автобиографии Дохтукаева Хизри

«Я, Дохтукаев Хизри Дохтукаевич, родился в 1884 году в селе Курчалой, в семье крестьянина-бедняка. Отец мой, Болатбиев Дохтук, умер в 1890 году, а мать, Болатбиева Яли, умерла в 1900 году. Я вырос сиротой.

В 1914 году я добровольно ушел в армию и служил в Чеченском конном полку Туземной «дикий» дивизии до 1917 года.

В 1915 году я вступил в подпольную организацию против войны и самодержавия. Моей обязанностью было разъяснять среди бойцов, за чьи интересы они воюют.

Зимой 1915-16 гг. мы, пять подпольщиков: я, Дулаев Хамза, Бимарза, Хуси (фамилии их не помню), во главе с Абдулрашидом Исаевым были командированы для покупки лошадей для нашего полка в город Полтава. Когда мы прибыли туда, нас разместили в одной казарме, где жили солдаты, в одном углу, где сверху висели иконы и портрет царя. Во время вечернего отдыха офицер собрал солдат для молитвы и приказал нам, чтобы мы вставали и молились вместе с ними. А товарищ Исаев сказал, что мы не будем с ними молиться. Дело дошло до драки, и наш командир приказал нам: «Шашки в бой!», мы вынули шашки и пошли на солдат, а солдаты побежали в соседнюю казарму. Тем временем мы закрыли двери и окна своей казармы и приготовились к бою. Мы были заранее предупреждены Исаевым, что в эту ночь будет бунтовать вся Россия и что мы должны изъять оружие у солдат. Целую ночь мы сидели в казарме и оборонялись, а утром приехал к нам губернатор г. Полтава и предложил сдаться, на что мы ответили категорическим отказом. Все же нам пришлось покинуть казарму, после чего мы вернулись в свой полк. По прибытии нас арестовали и дело передали в военно-полевой суд, где нас приговорили к расстрелу. По просьбе и ходатайству Кужаева Абдулмежеда суд отменил приговор, и нас, как штрафников, первыми отправили в наступление, приказав овладеть с. Аринино Каменец-Подольской губернии.

После свержения царского правительства наш полк был направлен в город Петроград для охраны Временного правительства Керенского. Мы решили вернуться домой и приехали в город Грозный, после чего условились, что будем собираться при первом сигнале, и разъехались по домам, имея при себе оружие.

В марте 1917 года, по сигналу Исаева А., мы собрались и решили вопросы, в частности организационные, необходимые для вступления в борьбу против Временного правительства.

После Октябрьской революции я вступил в ряды краснопартизанского отряда, который организовал Исаев Абдурашид в Гудермесском округе. В начале 1918 года наш отряд влился в общий чеченский красный отряд Асламбека Шерипова, который являлся частью грозненской Красной армии, руководимой Н. Ф. Гикало. Основная наша задача состояла в том, чтобы держать связь с кизлярскими большевиками, находящимися на нелегальном положении, в камышах, в районе Кизляра. До прихода советской власти мы доставляли им секретную информацию, патроны и деньги.

В августе 1918 года Исаев А. от имени Гикало поручил мне немедленно организовать молодежь и прибыть в Грозный через Чечен-Аул. Я собрал своих односельчан, и мы поехали в Чечен-Аул, где был сформирован отряд Красной армии для защиты города Грозный.

11 августа 1918 года, когда в Грозном начались Стодневные бои, я получил от Абдул-Рашида Исаева приказ срочно явиться в его распоряжение. Из села Курчалой в указанное место нас отправилось семь человек. На дороге Грозный – Чечен-Аул мы увидели палатки. Здесь Исаев формировал отряды для отправки в Грозный.

В город направились маленькими группами. Из селения Курчалой нас было семь человек: Алиев Муса, Алиев Муза, Ибрагимов, Гандаев и другие.

У моста через Сунжу мы влились в ряды защитников Грозного. Участвовали во многих сражениях. В сентябре Алиев Муса был убит. Скоро погиб и Абакаров Алви.

Вместе с грозненскими рабочими трудовые чеченцы, не на жизнь, а на смерть, бились с врагами за советскую власть. Я горжусь, что был участником Стодневных боев, что в документальных материалах архивного фонда в списках бывших красных партизан значится и мое имя со следующей характеристикой: «За время нахождения в рядах красно-партизанских отрядов т. Дохтукаев проявил себя стойким и выдержанным бойцом и защитником советской власти» (Из книги «Стодневные бои в Грозном», Грозный, 1959).

Грозный, за исключением юго-восточной части, был окружен бичераховскими бандами. Здесь насмерть стояла чеченская беднота и не давала бичераховцам замкнуть круг вокруг города. Только эта узкая полоска давала энергию сражаться до победного конца в Стодневных боях грозненскому пролетариату.

В ноябре 1918 года я, во главе маленькой группы, был по приказу направлен в станицу Червленную для освобождения железнодорожной станции, имеющей стратегическое значение как узловой станции. Для этой цели в селе Курчалой я собрал молодежь в пределах 40 человек и отправился в Гудермес, где нам выделили паровоз, чтобы перебросить нас до Терского моста. Внезапным нападением мы освободили станцию Червленную, очистили участок от белых банд и вступили в станицу. На помощь к нам прибыл бронепоезд. Благодаря быстроте действий и вовремя подоспевшему бронепоезду мы восстановили движение поездов по нужному направлению. За своевременный и удачный рейд нас поблагодарил Мироненко. Он был командиром красноармейцев на этом участке. Я хорошо помню некоторых участников этого рейда из с. Курчалой: Ибрагимов Цогу, Хасуханов Очархажи, Сулейманов Шамсудин, Осмаев Баудин, Кацаев Абзу, Дохтукаев Юнус, Хасиев Кудус, Тайсумов Ума.

Весной 1919 года по поручению т. Гикало я вновь собрал группу молодежи и направился на станцию Гудермес для участия в боях против деникинских банд. Мы ночью добрались до позиции и до утра готовились к наступлению. Подвозили оружие, встречали товарищей и обсуждали конкретные задачи. У меня был пулемет «Максим», второй пулемет был у Юсупхаджиева Мухаддина из с. Шали. Я установил свой пулемет на бричку Гезоева Лабаза, приказал сесть на бричку Хасиеву Кудусу, Дохтукаеву Юнусу и Тайсумову Уме и направился в сторону Гудермеса. Я ехал верхом на коне, рядом с бричкой, и когда мы подъехали утром и с южной стороны Гудермеса неожиданно открыли огонь из винтовок и пулеметов в самую гущу деникинцев на железнодорожном вокзале, они встретили нас шквальным огнем. Мы заняли позиции, не прекращая стрелять. Взбешенные деникинцы начали контратаку кавалерией. А когда наши пулеметы застрочили с разных позиций и загрохотали пушки, деникинцы начали отступать, оставляя на поле боя много убитых и раненых.

Через несколько дней белым прибыло подкрепление, и они начали со всех сторон наступление. Наши пушки остались без снарядов, и мы были вынуждены отступить, чтобы не оказаться в окружении. Юсупхаджиева я оставил с одним пулеметом возле орудия, а сам с другим пулеметом ушел в лес. Возле кладбища, неожиданно для противника дал несколько очередей прямо в лоб деникинцам. Они, оставляя убитых и раненых, отступили назад, к вокзалу. В этом бою я израсходовал десять тысяч патронов.

В начале 1919 года деникинцы большими силами наступали на с. Цацан-Юрт. Я собрал курчалоевских ребят и напал на противника. Село было сожжено, зерно и скот собрано для отправки. В этот момент подросли мы и неожиданно для врага открыли огонь со всех сторон. Целую ночь шли упорные бои, а наутро деникинцы собирали своих раненных убитых. Они не смогли забрать зерно и скот и отступили. В этом бою пали смертью храбрых 360 чеченцев. Рядом со мной воевали Осмаев Баудин, Чимаев Салам, Сулейманов Шамсуддин, Кацаев Абзу, Дохтукаев Юнус, Хасуханов Очархаджи, Ибрагимов Цогу из Курчалоя и многие другие.

В январе 1918 года белоказаки вероломно напали на село Старый-Юрт, а на второй день и на Новый-Юрт. Эти села были сожжены, скот забрали. Женщины и дети бежали в горы. Из окрестных сел, в том числе из Курчалоя, прибыли на помощь пострадавшим. Мы собирали пострадавших беженцев, расселили их по селам, где их приютили местные жители.

В 1918 году несколько недель скрывался у меня революционер Махач Дахадаев. По поручению реввоенсовета, он прибыл из Москвы во Владикавказ для участия в установлении советской власти. Однако после нападения белоказачков на Владикавказ он скрылся из этого города и находился на нелегальном положении. М. Дахадаев добрался до селения Шали к Гайсумову Соипу, а Гайсумов дал ему двух человек для сопровождения и направил ко мне, в с. Курчалой. Через некоторое время я и Дохтукаев Рашид доставили его в Темир-Хан-Шуру и передали родственникам.

В октябре 1919 года я договорился о встрече с деникинскими солдатами, охраняющими мост через р. Сулак, и на переговорах с ними добился, чтобы 32 солдата с одним пулеметом и оружием перешли на нашу сторону. Впоследствии все это я передал Исаеву Абдулрашиду. Все солдаты были переведены в веденскую крепость. В этом деле со мной были Шахизриев Ибрагим, Дохтукаев Рашид, Абубакар и Хасиев Кудус.

В мае 1920 года Н. Гикало собрал в Грозном партизан, разбил нас на две группы (по 80 человек в каждой группе) и дал задание очистить все станицы по Тереку, до Кизляра, от белоказачьих банд. В нашей группе было 40 чеченцев и 40 русских красных партизан. С мая и до конца сентября 1920 года мы ликвидировали остатки банд, при этом взяли в плен более 200 человек и установили там советскую власть. Нашим командиром был Межедов Магомед из Шатоя».

В начале 1920 года Деникин вынужден был отступить с территории Северо-Кавказского Эмирата. На Северный Кавказ, как «освободительница» горцев от Деникина, пришла Красная Армия. Большевики, ранее признававшие правительство Узун-Хаджи де-факто и оказывавшие ему материальную помощь в борьбе с Деникиным и даже державшие в составе войск Северо-Кавказского Эмирата так называемую 5-ю Красную Армию (или 5-ю Шариатскую колонну) под руководством Николая Гикало, ликвидировали эмират, предложив самому шейху Узун-Хаджи почетный пост муфтия горцев Северного Кавказа. Но через три месяца Узун-Хаджи, которому было 72 года, умер, своевременно избавив большевиков от неприятного союзника.

На Северном Кавказе установилась советская власть, устои которой время от времени подрывали народные волнения и восстания.

Публицистика

Мансур Магомадов,
кандидат философских наук

Социальная и религиозно-философская мысль Чечни в начале XX века

(Окончание. Начало в №1-3 (2020), 1-4 (2021))

Философские и социальные воззрения Асламбека Шерипова

Философское наследие героя гражданской войны на Северном Кавказе Асланбека Шерипова (1897-1919) до сих пор остается недостаточно изученным, хотя именно его творчество и судьба находились в советскую эпоху в центре внимания и научных изысканий многих ученых северокавказского региона. Первые и, пожалуй, единственные попытки исследовать духовное наследие А. Шерипова с философских позиций предприняты учеными А. Яндаровым и Х. Хизриевым. В 1977 году в местном журнале «Орга», выходящем на чеченском языке, последний опубликовал статью под названием «А. Шерипов как историк и философ»¹. А. Яндаров ограничивается освещением непростых взаимоотношений А. Шерипова с чеченским духовенством². Многие вопросы, касающиеся эволюции социальных и философских воззрений А. Шерипова, остались вне поля зрения исследователей.

Достаточно подробно изучена биография А. Шерипова. О нем в разное время разными авторами написано немало обстоятельных научных работ. Это – исторические труды, монографические исследования, художественно-публицистические произведения³. Первую попытку исследовать литературное наследие А. Шерипова предпринял Х. В. Туркаев⁴. Он также сетует на то, что до сих пор остается малоисследованным творческое, а мы добавим: и философское, наследие А. Шерипова.

Становление мировоззрения А. Шерипова

Асланбек Шерипов родился 18 сентября 1897 года в семье царского офицера. В 1909 году был определен в Полтавский кадетский корпус, где учились дети офицеров, готовившиеся к поступлению в офицерские училища.

А. Шерипов с детства любил произведения устного народного творчества, которые отличались развитыми гуманистическими и философскими традициями. Услышанные от мудрых стариков и прочитанные в книжках рассказы про удалых и благородных наездников – защитников бедных, заставляли мальчика задумываться о смысле жизни и своем предназначении. Позднее, когда А. Шерипов окупился в мир художественной культуры, он понял, что идеи свободолобия и человечности, дружбы, характерные для чеченского фольклора, созвучны идеям гуманизма. Он тщательно записывал в свою карманную книжку цитаты из произведений классиков, изречения великих мыслителей-философов. Так, А. Мельчин, еще в 30-х годах изучивший архив А. Шерипова, отмечает, что больше десятка тетрадей Асланбека сплошь было исписано выдержками из классиков,

стихами и отрывками из Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Хетагурова⁵.

Конечно, мировоззрение А. Шерипова складывалось не только под влиянием книг. Он жил в крупном промышленном центре – Грозном, который являлся опорным пунктом революционного движения на Северном Кавказе, наблюдал и изучал жизнь и борьбу рабочих, бывал на их митингах, хорошо знал тяжелую и беспросветную жизнь чеченского крестьянства⁶. Так зрело недовольство существующим порядком вещей, против существующего социально-государственного строя, пробуждалось желание активно участвовать в общественно-политическом переустройстве жизни.

Сознание личной причастности к происходящему вокруг, желание реально влиять на социальные и политические процессы, которые назревали в республике, стали осознанными и продуманными уже в 1915 году, когда А. Шерипов переезжает из Полтавы в Грозный и поступает в местное училище. Здесь Асланбек увидел бесправие и нищету народа, о которой не раз писала грозненская пресса того периода, и в частности, прогрессивная газета «Терец», издававшаяся в Грозном в 1911-1912 гг. Редактором издания был брат Асланбека – Данилбек Шерипов. Газета «Терец» уделяла большое внимание жизни местного населения, стремилась разоблачить национально-колониальную политику царизма, показать, что среди чеченцев зреет протест, что, «несмотря на отсталость крестьян и противодействие шейхов и купцов, у народа пробуждается самосознание, стремление осмыслить свою роль в истории и тяга к просвещению»⁷.

Оппозиция газеты к самодержавию, обусловленная мировоззрением ее редактора, образ мышления старшего брата, регулярно публиковавшего в местных газетах очерки, анализирующие социально-экономические процессы, происходящие в чеченских аулах накануне первой мировой войны, выступления в прессе местных корреспондентов-чеченцев, показывающих реальные картины из жизни народа, – все это оказывало большое влияние на становление взглядов и убеждений А. Шерипова. Поэтому к окончанию реального училища (июнь 1917 года) Асланбек был подготовлен к революционной борьбе. Не случайно после окончания училища он сразу же начал свою общественно-политическую деятельность⁸.

Эволюция социальных и философских взглядов А. Шерипова

Февральская революция не внесла существенных изменений в положение трудящихся горцев. Ее результатами воспользовались имущие слои чеченского общества, которые были более осведомлены в происходящих событиях и проявляли большую активность в социальных переменах.

Горская буржуазия, вставшая во главе национально-освободительного движения, предпринимала активные попытки подчинить горцев своему влиянию. В национальных округах Терской области, в том числе в Чечне, сразу же после революции создаются национальные Советы и комитеты, возглавляемые представителями духовенства и буржуазной интеллигенции.

Всенациональные Советы горских народов подчинялись центральному комитету «Союза объединенных горцев Северного Кавказа», который был создан на съезде горцев во Владикавказе 1 мая 1917 года. Большая часть организаторов «Союза горцев...» ставила целью изолировать трудящихся горцев от революционного движения, организовать общественные силы Терека и Дагестана на борьбу с анархией и беспорядками, которые вносила с собой революция, сохранить в крае

установившиеся буржуазно-помещичьи порядки, оторвать народы Кавказа от революционной России, «пылавшей» в огне гражданской войны.

А. Шерипов, только что окончивший реальное училище и не имеющий твердых жизненных принципов, в тот период еще не усматривал в политике руководителей чеченского национального Совета и «Союза объединенных горцев» никаких признаков реакционного, антинародного характера. Их и не было. Руководство Горского правительства во главе с Т. Чермоевым, пытаясь оградить край от братоубийственной, гражданской войны, добивалось самостоятельности, независимости для народов Терской области, искренне полагая, что сумеет оградить их от кровавых столкновений друг с другом.

Разделял такую точку зрения и А. Шерипов. Он искренне верил, что после февральской революции горцы действительно приобретут самостоятельность и независимость. В тот период А. Шерипов представлял себе чеченский народ единым, монолитным этническим образованием, он видел его без классовой дифференциации, без разделения на борющиеся между собой классы. И поэтому он принимает активное участие в деятельности ЦК «Союза объединенных горцев Северного Кавказа»⁹.

А. Шерипов отмечал: «...настоящими пасынками императорской России были чеченцы и ингуши. Вместе с социальным гнетом они терпели гнет национальный... И вполне понятно поэтому, что после революции их желания и требования пошли по линии национальной»¹⁰.

Национально-освободительное движение уже с самого начала приобретает ярко выраженное социальное содержание для большинства трудовых горцев. «Но когда оба эти народа (чеченский и ингушский – М.М.), – говорил А. Шерипов, – подошли к разрешению социальных вопросов, то увидели, что, помимо национального объединения, есть еще международное, социалистическое»¹¹.

В этой же речи, произнесенной в начале марта 1918 года на II сессии Терского народного съезда, А. Шерипов говорил, что «этот переход от движения национального к движению социальному испугал и наши темные элементы»¹². Иными были цели национальной буржуазии, которая не хотела да и не могла дать горцам социального освобождения. Чем дальше разворачивались революционные события, тем больше убеждались народные массы Чечни, что буржуазные националисты используют движение за национальное освобождение в своекорыстных интересах, что буржуазные националисты не хотят, да и не могут удовлетворить их социальные требования. Логика развития классовой борьбы в Терской области заставляет А. Шерипова другими глазами взглянуть на националистов, на их упорное желание сохранить в неприкосновенности социальное угнетение и бесправие.

В конце 1917 года «Союз Объединенных горцев» устанавливает тесную связь с казачьими контрреволюционными верхами, что приводит к созданию «Терско-Дагестанского правительства», в которое, по словам большевика С. М. Кирова, от горцев «входили почти исключительно крупные помещики, а от казаков верхи – члены войскового правительства»¹³.

Большую роль в разрыве А. Шерипова с «Союзом Объединенных горцев Северного Кавказа», в отходе его от националистической программы этого союза сыграла Октябрьская революция большевиков. А. Шерипов сближается с большевиками, их идеи о всеобщем равенстве и социальной справедливости находят живой отклик в душе А. Шерипова. Ему импонируют максимальные, крайне радикальные, революционные методы переустройства общественной

жизни, которые пропагандируются его новыми товарищами. Он полностью подпадает под влияние нового революционного мировоззрения. В тот период своей деятельности А. Шерипов начинает выражать интересы угнетенного, бесправного чеченского крестьянства, подвергающегося жестокой социальной и национальной эксплуатации. Октябрь окончательно убеждает его в том, что единственным условием национального освобождения горцев является их социальное освобождение.

Под воздействием растущих демократических настроений А. Шерипов постепенно преодолел фатализм. Знакомство с творчеством народа было серьезным шагом на пути к этому. Несмотря на противоречивость, непоследовательность отдельных выводов, особенно первого этапа становления мировоззрения, многие подлинно прогрессивные мысли и образы, высказываемые А. Шериповым в ту пору, тяготеют к реализму. В ряде случаев он поднимался до признания объективности мира, его бесконечности, детерминизма, безграничности познавательной деятельности человека.

Шерипов выступает как убежденный революционный демократ, который защищает самые насущные классовые интересы трудящихся в их борьбе с эксплуататорами. Его выступления того периода показывают главное, что отличает его от националистов – он за безусловную ликвидацию всяческой эксплуатации, не только национальной, но и социальной. Это закономерно приводит к мысли, что подлинно революционную силу в чеченском обществе составляет не националистическая буржуазия, а угнетенное крестьянство в союзе с пролетариатом и демократической интеллигенцией. Приобщаясь к активной борьбе грозненского пролетариата, А. Шерипов пересматривает свои прежние воззрения, глубже вникает в теорию научного социализма.

Обращаясь к представителям национальной буржуазии, которые еще вчера были его соратниками по движению, он пишет: «Вы, контрреволюционеры, враги трудящейся Чечни, готовы двадцать раз продать ее для защиты своих привилегий...»¹⁴. Как следует из приведенных слов, А. Шерипов начинает по-новому осмысливать имущественное неравенство, отношение к частной собственности. Он еще окончательно не утвердился в своем мнении о классовом характере такого неравенства, но уже начинает осознавать классовую подоплеку действий и поведения буржуазных националистов, понимает, что и Германия, и Турция, на которые ориентировались националисты, отнюдь не бескорыстны по отношению к горцам и рвутся на Кавказ вовсе не с освободительной миссией.

Особенно сильное воздействие на формирование и становление мировоззрения А. Шерипова оказала Октябрьская революция, после которой он развернулся во весь свой рост и стал вождем чеченской бедноты. Он без колебания порывает с горскими буржуазными националистами, к которым раньше питал доверие, отходит от общих лозунгов национального освобождения вообще и переходит к лозунгам классовой борьбы.

На дальнейшее развитие воззрений Шерипова, приведших его к социализму, огромное влияние оказывают первые законодательные акты Советской власти по самым жгучим вопросам – таким, как аграрный и национальный. В первую очередь следует назвать «Декрет о земле», «Декларацию прав народов России», «Ко всем трудящимся мусульманам России» и другие.

Особое впечатление на А. Шерипова произвели основные положения и мысли, высказанные в «Декларации». Этот документ объявлял отныне и навсегда отмену всех и всяческих национальных привилегий. В «Декларации прав народов

России» провозглашались новые принципы взаимоотношений между народами, в ней советская власть уверяла всех в том, что отношения между освобожденными народами будут строиться на принципах равенства и суверенитета, свободного развития всех национальных меньшинств и этнографических групп.

Однако, как показало дальнейшее развитие событий, это был всего лишь тактический шаг большевиков, рассчитанный на то, чтобы привлечь на свою сторону как можно больше сторонников из числа ранее угнетенных царизмом малочисленных народов России. И, надо сказать, что такой тактический ход имел огромный успех у представителей национальных меньшинств.

Ленинские документы произвели на А. Шерипова большое впечатление. Он убедил себя в том, что это та самая программа национального и социального освобождения, которая не на словах, а на деле обеспечивает всем народам свободу и равноправие. Он видел, что советская власть признавала и фактически закрепляла равноправие горцев со всеми народами России, она признавала их право на самоопределение и национальную независимость. Реализация этих идей требовало совершенно иного подхода к анализу социального состава чеченского общества. Чтобы действовать в русле большевистской идеологии, необходимо было выработать новый подход к жизни, глубоко переосмыслить и переоценить принципы восприятия окружающего мира и чеченского общества, который, безусловно, делился на бедных и богатых. Упрощенная идеологическая схема, предложенная большевиками, совершила коренной перелом в мировоззрении А. Шерипова. Разглядев вокруг себя бедных и богатых, он мог их теперь развести по разные стороны революционных баррикад: бедные – это потенциальные революционеры, зажиточные, богатые – потенциальные контрреволюционеры. На самом деле так и произошло.

Под воздействием большевистских идей А. Шерипов начал постепенно углублять и совершенствовать процесс анализа социальной природы чеченского общества и четко различать его классовый характер. И анализ этот показывает, как происходит процесс перехода А. Шерипова на позиции научного социализма.

К середине 1918 года уже развеялись воззрения А. Шерипова об однородности и сплоченности чеченского общества. Мысли о классовом характере общественного раскола, о противоположности классовых интересов изо дня в день углубляются и утверждаются в его мировоззрении. Уже в марте 1918 года он говорил, что «масса Чечни тоже скоро поймет, что интересы буржуазии не сходятся с интересами демократии»¹⁵. В тот период своей деятельности революционер А. Шерипов конкретно называет противостоящие друг другу социальные группы в чеченском обществе. Это, с одной стороны, «армия безземельных», с другой – буржуазия, помещики, купцы. По его мнению, помещичье землевладение насаждалось у горцев царизмом. В лице крупных землевладельцев царизм создал опору своей власти в Чечне. «Наших изменников и шпионов, – говорил А. Шерипов, имея в виду лиц чеченской национальности, которых за отличную службу государству царизм наделил крупными земельными владениями, награждал землей... – Не имея дворян, они (царские власти – М.М.) создали их»¹⁶.

В июле 1918 года большевик А. Шерипов дает совершенно новую для него характеристику расстановки классовых сил в Терской области. Он пишет: «Пролетариат Грозного по существу является главной движущей силой революции»¹⁷. В самой же Чечне хотя и нет национального пролетариата, есть армия безземельных, группа интеллигенции и революционной молодежи. К середине 1918 года Шерипов проделал стремительный путь к признанию

факта, что коренные интересы классов, их взаимоотношения определяют ход политических событий.

Перечислив социальные группы Терской области и народы, ее населяющие, А. Шерипов писал, что «политика Терской области всегда шла и будет идти по той линии, которая вырабатывалась как результат взаимоотношений перечисленных общественных групп».

Таким образом, политика, по его мнению, детерминируется отношениями между социальными группами, классами, национальными группами. Это, несомненно, свидетельство углубленного изучения им идей научного социализма.

В марте 1918 г. А. Шерипов отрицает наличие в чеченском обществе классовой дифференциации. Он пишет: «...у нас никогда не было беков и князей, мы не делились на сословия, у нас никогда не было крепостного права»¹⁸. Но уже через несколько месяцев его социальные взгляды претерпевают коренное изменение, и в июле он утверждает обратное: «Я определенно скажу, что с нашими контрреволюционными верхами верхи казачества уже стремятся завязать прочные отношения, чтобы создать свой единый контрреволюционный фронт»¹⁹.

Чеченскому революционеру теперь ясно, что перед лицом общей опасности эксплуататоры, к какой бы национальности они не принадлежали, готовы действовать общим фронтом. «Группа же помещиков, части духовенства, – писал А. Шерипов, – почувствовавшая не только жажду власти, но и опасность пробуждения революционного сознания масс, тяготела к казачеству и всячески отпугивала чеченцев от иногороднего населения»²⁰. Социальные верхи горцев, по его мнению, предали национальные интересы народа, едва дело коснулось их собственных интересов, и вступили в союз со своими вчерашними врагами – верхами казачества.

Перед лицом союза чеченской буржуазии, помещиков и верхов казачества чеченский революционер, став вождем горской бедноты, в свою очередь также протянул руку казачьей бедноте. «Хотя я чеченец, сын того народа, в котором жила историческая вражда к казачеству из-за земли, я радуюсь единению трудовых масс казачества с чеченскими массами»²¹.

Если в начальный период революционной деятельности А. Шерипова его внимание главным образом приковано к национальной и социальной борьбе в Чечне, то его статьи и речи конца 1918 года показывают, что классовая борьба в Чечне понимается им как один из эпизодов «мировой схватки труда с капиталом». «В чеченском спекулянте, – говорил он, – и в английском короле сидит один и тот же страх – боязнь распространения советской власти...»²².

Хотя в 1918 году А. Шерипов все еще не был членом Коммунистической партии, Г. К. Орджоникидзе уже тогда считал его коммунистом. «Я верю, что в Чечне, вокруг Шерипова, которого мы считаем коммунистом, создается группа коммунистов»²³.

Мировоззрение первого чеченского марксиста формировалось под огромным воздействием коммунистической партии и ее идеологии.

Шерипов знал и глубоко усвоил ленинские идеи о национальных особенностях борьбы за социализм на Востоке. «Если в городах России, – говорил Шерипов, – революция выражалась в освобождении от насилия помещиков и фабрикантов, то в Чечне она выражается в движении сельского населения на землю. Наша революция в экономическом отношении может основываться только на земельном вопросе...»²⁴.

«Революция, – говорил А. Шерипов, – была народом воспринята как освободительная от векового рабства русского империализма. Предстояло еще внутри каждого отдельного народа совершить социальную революцию. Предъявлять посему требования к каждому племени одинаково быстро вступить на защиту революции не было никакого смысла, ибо к тому же нам приходилось свергать десятки Николаевых вторых. Российский пролетариат, стоящий на высоком культурном и экономическом уровне, социальную революцию совершил быстро. Совершенно иное положение горцев и особенно Чечни»²⁵.

Приведенные высказывания показывают, что чеченский революционер глубоко впитал идеи классового характера социальной революции и убедил себя в наличии классовых сил в Чечне, рассматривая классовую борьбу здесь через призму борьбы за социализм, которую ведет русский рабочий класс. Благодаря такой оценке соотношения борющихся сил А. Шерипов смог дать соответствующий анализ характера революции в такой отсталой национальной окраине, какой была Чечня. Это был подлинно марксистско-ленинский анализ классовой борьбы, выявляющий ее специфические особенности в Чечне. Классовая борьба здесь, по мнению Шерипова, составная часть всемирной борьбы пролетариата против буржуазии, и у отсталого чеченского народа она носит еще более радикальный характер. Теперь А. Шерипов по своему мировоззрению уже прочно встал на позиции коммунистической партии. И не случайно о речи, которую мы только что цитировали, в решениях II съезда народов Терека было написано: «Речь первого марксиста Чечни перевести на все туземные языки, отдельно отпечатать и в 10 тыс. экземпляров раздать в чеченском народе».

В сравнительно короткий срок А. Шерипов проделал стремительный в своем духовном развитии путь от буржуазного национализма, революционного демократизма к последовательному марксистско-ленинскому мировоззрению. Произошло это под влиянием взглядов и идей, высказываемых в тот период его новыми соратниками по партии – большевиками Г. Орджоникидзе, С. Кировым, Н. Гикало и др.

Таким образом, формирование социальных и философских взглядов А. Шерипова шло под воздействием быстро меняющейся социальной действительности. В послефевральский период, когда большевистские идеи не успели широко проникнуть в чеченское общество и в нем доминировала идеология национально-освободительного движения, А. Шерипов вливается в ряды сторонников национального самоопределения народов Терской области и активно пропагандирует и распространяет эти идеи в широких слоях горского населения.

Однако после революционных событий происходит перелом в воззрениях А. Шерипова. Эволюция, произошедшая в его взглядах на происходящие социальные перемены, приводит его в лагерь большевиков. Он единственный и, пожалуй, самый первый из чеченцев, который, близко подружившись с большевиками, безоговорочно принял их идеологию и активно начал ее претворять в жизнь. Новое мировоззрение, ставшее по существу образом поведения и мышления, глубоко проникло в его сознание и заставило его ради грядущего нового миропорядка пожертвовать жизнью. А. Шерипов погиб в боях с контрреволюционерами совсем молодым – ему было всего 22 года.

Таким образом, анализ социальных и религиозно-философских воззрений, жизнь и деятельность передовых представителей чеченского народа, свидетельствуют о том, что не идеи национальной исключительности, обособления доминировали в чеченском обществе в начале XX века, а идеи дружбы, братства, тесного сотрудничества с соседними народами в области политики, экономики, науки, духовности и культуры.

Как видим, процесс формирования и развития социальных и философских взглядов Т. Эльдарханова, А. Мутушева, Д. Шерипова, И. Саракаева, И. Мутушева и А. Шерипова тесно связан с общественно-политической жизнью государства. Социальная практика, реальная действительность оказывали огромное влияние на формирование их позиций и воззрений.

Так, например, когерентный характер социального и духовного в тот сложный период проявился в том, что многие чеченские общественные деятели, придерживавшиеся до октябрьской революции одних политических взглядов, основанных на буржуазно-демократических ценностях, после ее окончательной победы начали демонстрировать воззрения, опирающиеся на социалистические ценности. Такая эволюция произошла в системе социальных и философских воззрений А. Мутушева, Д. Шерипова, Т. Эльдарханова, А. Шерипова и др.

¹ Хизриев Х. А. А.Шерипов как историк и философ // «Орга» (на чеч.яз.). 1977. №3 С. 33-37.

² См.: Яндаров А. Д. Развитие философской и общественно-политической мысли Чечено-Ингушетии в XIX- нач. XX вв. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. Алма-Ата, 1986. С. 256- 268.

³ См.: Мельчин А. Мюрид революции // Героическая повесть. М., 1938; Эшба Е. Асланбек Шерипов. Грозный, 1929; Газдиев А. Асланбек Шерипов в революционном движении В Чечено-Ингушетии. Грозный, 1941; Его же. Асланбек Шерипов – славный герой революции. Грозный, 1960; Мельчин А. Асланбек Шерипов. Грозный, 1957; Мамакаев М. Народный комиссар. Грозный, 1967; Яндаров А. Д. Асланбек Шерипов – первый чечено-ингушский марксист (1897-1919) // Сборник статей аспирантов и соискателей. История, философия, экономика. Вып. 6. Ч. 1. Алма-Ата, 1964.

⁴ Туркаев Х. В. Революционно-эстетические взгляды Асланбека Шерипова // На переломе. Монография, литературоведческие, литературно-критические и публицистические статьи. Грозный, 1991. С.133-144.

⁵ Мельчин А. Мюрид революции // Героическая повесть. М., 1938. С. 23.

⁶ Киреев Е. П. Бесстрашный борец за победу революции // Шерипов А. Статьи и речи. Грозный, 1990. С.7.

⁷ Колосов Л.Н. Чечено-Ингушетия накануне Великого Октября (1907–1917 годы). Грозный, 1968. С.121.

⁸ Туркаев Х. В. На переломе. Грозный, 1991. С.134.

⁹ Киреев Е. П. Бесстрашный борец за победу революции. // Шерипов А. Статьи и речи. Сборник. Грозный, 1990. С. 8.

¹⁰ Шерипов А. Статьи и речи. Сборник. Изд. 3-е. Грозный, 1990. С. 31.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 32.

¹³ См.: «Донские известия». 1918. 24 апреля; Долунц Г. К. Киров на Северном Кавказе. М., 1973. С.153.

¹⁴ Шерипов А. Указанная работа. С.139.

¹⁵ Шерипов А. Статьи и речи. Грозный, 1990. С.39.

¹⁶ Там же. С. 71.

¹⁷ Там же. С. 97.

¹⁸ Шерипов А. Указанная работа. С. 97.

¹⁹ Шерипов А. Указанная работа. С. 33.

²⁰ Шерипов А. Указанная работа. С. 98.

²¹ Шерипов А. Указанная работа. С.110-111.

²² Шерипов А. Указанная работа. С.133.

²³ Шерипов А. Указанная работа. С. 135.

²⁴ «Народная власть». 1918. №173. 4 декабря.

²⁵ Шерипов А. Указанная работа. С. 137.

²⁶ Там же. С. 136.

Сведения об авторах и переводчиках

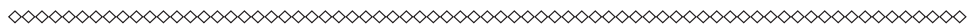
Муса Бексултанов (1954). Народный писатель ЧР (2005), главный редактор (2007 – 2018) детского журнала «Стелалад» («Радуга»). Член Союза писателей РФ. Лауреат премии Ленинского комсомола (1988), премии журнала «Вайнах» (2008), премии «Серебряная сова» (2005). Произведения М. Бексултанова переведены на русский, английский, немецкий языки. Печатается с 1980 года в периодических изданиях, коллективных сборниках. Автор пяти книг повестей и рассказов. Мастер лирических зарисовок. Нравственная проблематика в произведениях о современной жизни, психологический портрет внутреннего мира героя, проблема «отцов» и «детей». Пишет на чеченском языке.

Асламбек Тугузov (1969). Родился в селе Закан-Юрт Ачхой-Мартановского района. По окончании школы служил в рядах Советской Армии. Стихи начал писать в раннем детстве. Первая публикация – в 2006 году в районной газете «Иман». Печатался в журналах «Вайнах» и «Нана». Его первая книга – сборник стихов «Ночные песни» – была представлена читателям в 2019 году (до этого поэт получил широкую известность благодаря социальным сетям). Автор поэтического сборника «Пленник пламенных звезд» (Грозный, 2020 г.)

Хавас Акбиев (1944). Родился в с. Майртуп Курчалоевского района. Член Союза писателей и Союза журналистов России, заслуженный работник культуры Чеченской Республики. Известен читателю по стихотворным и прозаическим сборникам: «Остаюсь все тем же...» (2003), «Песня спящей девочке» (2004), «Русскому другу» (2004), «Чечня, мятежная Чечня!» (2004), «Сосна, которая смеялась...» (2008), «Ах, война, что ты сделала, подлая...» (2009), « Просто стихи» (2012), «Остаюсь все тем же...» (2014), «Я из огненной Чечни» (2014), «Давайте простимся светло...» (кн. 1, 2016, кн. 2, 2017), «Избранное» (2019), соавтор коллективных сборников разных лет.

Мансур Магоматов (1961). Родился в с. Новые Атаги Шалинского района ЧИАССР. В 1985 г. окончил факультет журналистики Ленинградского государственного университета. В 2003 г. на философском факультете МГУ им. М. В. Ломоносова защитил диссертацию на соискание степени кандидата философских наук. В период с 1985 по 2003 гг. работал корреспондентом, а потом и заместителем главного редактора в республиканских газетах «Ленинан некъ», «Грозненский рабочий», «Голос Чечено-Ингушетии», «Голос Чеченской Республики» и др. Был генеральным директором Госинформагентства ЧР «Вайнахпресс», гл. редактором газеты «Правительственный вестник», спецкором «Российской газеты» в Чечне, ст. преподавателем, и. о. зав. кафедрой журналистики ЧГУ, гл. редактором «Объединенной газеты», учредителем и гл. редактором «Нашей газеты», директором Госучреждения «Информационное агентство «Грозный-информ». С 2003 г. работает в Постоянном представительстве ЧР при Президенте РФ. Награжден медалью «За заслуги перед Чеченской Республикой», Заслуженный журналист ЧР, член Союза журналистов России, Москвы и ЧР. Автор восьми научных и научно-публицистических книг и статей, в том числе двух монографий: «Социальная и религиозно-философская мысль Чечни в начале XX века», «Журналистика Чечни накануне Первой мировой войны (1900 – 1914)». С февраля 2016 года – ведущий редактор ежедневной столичной газеты «Вечерняя Москва».

Амина Садыкова (1995). Родилась в Чеченской Республике, г. Гудермес. Окончила факультет иностранных языков ЧГУ. В 2019 году получила степень магистранта. Стихи пишет с 13 лет, вдохновившись примером сестры, увлекавшейся стихосложением. В настоящее время работает переводчиком и обучает желающих иностранным языкам. Интересуется чтением, шитьем и фигурным катанием. В журнале «Вайнах» публикуется с 2015 года.

На обложке: Элита Дадакаева «Никарой. Старый город»

Рукописи принимаются редакцией в первом и втором экземплярах, а также на электронных носителях. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Журнал набран на компьютерной базе ГАУ «Издательский дом».

Отпечатано в типографии ПЗП «Грозненский рабочий», 364021, ЧР, г. Грозный, ул. Санкт-Петербургская улица, 2/35.

Сдано в печать 30.05.22. Дата выхода в свет: 07.06.22

В случаях полиграфического брака обращаться в типографию, указанную в выходных сведениях журнала.

Тираж – 120 экз.

Свободная цена

Заказ № _____